

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

На правах рукописи

Горбунов Святослав Сергеевич

ЭТИКА «БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ» АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ
ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Специальность 09.00.05 – Этика

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук
профессор,
О. С. Пугачев

Саранск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЯ К МИРУ. БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ	19
1.1 Этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера. Анализ основных положений концепции	19
1.2 Основной конфликт в рамках этики благоговения перед жизнью: Этичное и необходимое	34
2 ЭТИКА «БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ» И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА С ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДОЙ	49
2.1 Этика благоговения и ее деятельное понимание. От возможности к вероятности	49
2.2 Идея уважения жизни в декларируемых современных программных документах о взаимодействии общества с окружающей природной средой	79
3 ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА «БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ». ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	95
3.1 Благоговение перед жизнью и основные направления природосохраняющей деятельности: отчуждение, приобщение, разумное использование	95
3.2 Препятствия на пути сохранения жизни	111
3.3 Возможные организационные меры и решения	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования

Вопрос о должном характере взаимодействия человека с окружающим его миром – на самых разных уровнях понимания организации этого окружения – всегда являлся одним из важнейших. Ответ на него во многом формирует мировоззрение, что в свою очередь оказывает влияние и на отношение человека к окружающему его миру, неотъемлемой частью которого является и он сам.

Характер понимания должного отношения к миру, прежде всего, проявляется в человеческой культуре, в наиболее общем, самом широком понимании этого сложного термина. Именно вопросу подобного культурного проявления нравственного начала в человеческом существовании посвящена диссертация.

Перешагнув порог третьего тысячелетия, человечество, все более обращаясь к силе научного знания, осознало факт своей неразрывной связи и абсолютной зависимости от окружающей его жизни. Именно этот, одновременно простой и безгранично важный факт понимания неразрывной связи и единства, определяет необходимость ответственного подхода к многочисленным аспектам взаимодействия между обществом (как и каждым человеком в отдельности) и окружающим его живым миром¹, величественным в своем устройстве и разнообразии проявлений.

Однако закономерен вопрос о том, какой именно характер этих взаимоотношений можно было бы назвать подлинно разумным (подлинно рациональным)? Какова принципиальная основа этих отношений? Рассмотрение этого непростого вопроса представляется весьма существенным аспектом человеческого бытия, поскольку приближение к ответу на него открывает перед

---

¹ Здесь и далее в тексте работы термины «живой мир», «окружающая жизнь», «природа», «окружающая природная среда», за исключением особо оговоренных случаев, используются как синонимы, что обусловлено рассмотрением автором природы главным образом как проявления феномена жизни (в т.ч. на высшем – экосистемном – уровне ее организации).

нами понимание того, каким образом формируется культурный уровень общества и каковыми могут быть дальнейшие перспективы развития этой основы.

За последние 50 лет внимание к вопросам необходимости ответственного отношения к окружающей жизни и сохранения окружающей природной среды многократно усилилось. Столь же многократно усилилось и понимание необходимости изменений в культуре и культурности человеческого общества, способных обеспечить это ответственное отношение.

Задавшись вопросом о принципиальной основе ответственности и ответственного отношения к миру, мы неизбежно приходим к вопросу о роли нравственных мотивов. При этом можно предположить, что этическое миропонимание как один из ключевых факторов мироотношения вполне может быть рассмотрено в качестве некоего образующего принципа, формирующего все разнообразие отношений к деятельностному взаимодействию с миром, а вслед за ним обуславливающего и культурную деятельность. Важнейшим же вопросом в таком случае остается вопрос о критериях нравственного – вопрос о том, что лежит в основе мироотношения и его деятельного проявления. Таким образом, мы подходим к вопросу о методологии концепции нравственных принципов в контексте отношения человека к окружающему его миру.

«Любопытно, что в научном сознании, даже больше чем в обыденном, сложилось и продолжает бытовать мнение о том, что мораль с поры ее возникновения и до настоящего времени включает в себя лишь принципы, нормы и правила отношений между людьми, не затрагивая отношения человека и общества к природе» – отмечает В. А. Петрицкий [Петрицкий, 2011, С. 41], что остается справедливым. Не смотря на кажущееся развитие экологической этики как специальной дисциплины, общество все еще отдает первостепенное значение этике, регулирующей прежде всего отношений между людьми, оставляя отношения между человеком и окружающей его жизнью, в лучшем случае в качестве дополнения к этой основе. Об этом говорит хотя бы тот факт, что «экологическую этику» принято причислять к одной из разновидностей этики

«прикладной». Следует сказать, что выдающийся мыслитель и гуманист XX века – Альберт Швейцер – писал об этом еще как минимум 70 лет назад, указывая, что современная ему европейская философия «не может решиться сделать главный шаг, признав нравственное отношение к живым существам требованием этики, точно таким же, как и к человеку» [Schweitzer, 2013, С. 92]. По-видимому, этот решающий для развития мировой этической мысли шаг человечеству все еще предстоит сделать.

Более полувека назад классик природоохранной философской мысли, создатель «Этики Земли», Олдо Леопольд (1887 – 1948) заключал в завершении одной из глав своей знаменитой книги «Календарь песчаного графства»: «Любое заметное изменение в этике всегда сопровождается изменениями в нашем мышлении, привязанностях, убеждениях и чувстве долга. Идея сохранения природы еще не коснулась этих основ нашего поведения – доказательством служит тот факт, что она пока не нашла отражения ни в философии, ни в религии. Стремясь облегчить сохранение природы, мы свели самую идею к банальности» [Леопольд, 2000, С. 198-199]. Спустя много десятилетий с прискорбием следует признать, что несмотря на значительные теоретические подвижки и эволюцию этической мысли, в обыденном сознании идея максимального возможно оберегающего отношения к окружающей природе, в основе которой безусловно находится феномен жизни, еще не нашла своего постоянного места. Вероятно, для этого необходимо еще время и многие потери. Но не только. Наследие мировой этической мысли указывает возможные пути для этого важнейшего изменения в мышлении. При этом, по нашему мнению, было бы правильным воспользоваться *наиболее прямой и краткой дорогой*, потому как от этого напрямую зависит то, насколько быстро человечество сможет сделать такой важный для него мировоззренческий шаг.

Рассматривая проблему должного отношения человека к окружающей жизни, мы можем обнаружить множество этических принципов и концепций, в той или иной мере претендующих на универсальность. Одним из таких широко

известных нравственных принципов стал принцип благоговения перед жизнью, сформулированный в начале XX века выдающимся мыслителем и гуманистом Альбертом Швейцером. Именно эта идея, простота и универсальность которой занимают умы многих мыслителей последних ста лет, и легла в основу диссертационного исследования.

Объектом представляемого исследования являются нравственные основания современной системы взаимодействия общества с окружающей его жизнью – окружающей его природной средой.

Предметом исследования является этический принцип благоговения перед жизнью (*Ehrfurcht vor dem Leben, Veneratio Vitae*) Альберта Швейцера и возможность его деятельного проявления в контексте взаимоотношений современного общества с окружающей жизнью.

Непосредственной **целью** представляемой работы является многоаспектный анализ возможности имплементации² нравственного принципа благоговения перед жизнью в систему современной культуры и перспектив ее частного проявления в форме природоохранной (природосохраняющей) и природопреобразующей деятельности современного общества.

Исходя из поставленной цели, были определены конкретные **задачи** исследования:

1. Провести анализ основных положений этической концепции, предложенной А. Швейцером и оценить возможность проявления этического понимания как фактора, формирующего концептуальную основу взаимодействия общества с окружающей его природной средой.

2. Оценить наиболее значимые конфликты, возникающие в рамках этической концепции Швейцера и, в связи с этим, оценить возможность

---

² От англ. *implementation* – «осуществление», «выполнение», «практическая реализация». Данный термин широко используется в области юриспруденции, где обозначает явление фактической реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне, а также конкретный способ включения международно-правовых норм в национальную правовую систему, при этом главным требованием имплементации является строгое следование целям, принципам и содержанию общего международного установления. В контексте значения реализации этической идеи на практике, в частной, деятельностной форме этот термин используется, возможно, впервые. Впрочем, быть может, использование этого термина как нельзя лучше отражает саму суть практической реализации этического принципа, при котором специфика деятельности определяет для него свою особую форму, но сам принцип при этом остается главенствующим и неизменным.

применения этического принципа благоговения перед жизнью в качестве методологической основы оценки разумности (рациональности) тех или иных действий, проявляющихся в различных аспектах взаимодействия общества с окружающей его природной средой.

3. Выявить основные элементы, составляющие современную комплексную основу рационального природопользования и охраны окружающей природной среды и оценить роль (фактическую и перспективную) этического начала и, в частности, принципа благоговения перед жизнью, в ее составе, а также рассмотреть возможные проявления взаимодействия этического начала с прочими элементами, слагающими эту основу.

4. Оценить существующее положение принципа общей этической идеи уважения к жизни в рамках концептуальных и декларируемых этико-правовых документов.

5. Провести комплексный анализ возможных перспектив проявления и применения этического принципа благоговения перед жизнью в организации и функционировании современной системы природоохранной и природопреобразующей деятельности общества как частного выражения его культуры.

6. Оценить предпосылки и возможность имплементации этического принципа благоговения перед жизнью в качестве методологии для разрешения конкретных конфликтных ситуаций и устранения препятствий, возникающих в процессе взаимодействия общества с окружающей его природной средой.

7. Проанализировать возможные пути решения и возможные организационные меры, способствующие перспективной и текущей имплементации этического принципа благоговения перед жизнью в качестве организующего принципа в природоохранной и природопреобразующей деятельности человека.

Гипотеза исследования заключается в том, что этический принцип благоговения перед жизнью, предложенный миру А. Швейцером, может быть

использован в качестве методологической основы действенного решения проблем сохранения окружающей природной среды.

Говоря о **степени разработанности** рассматриваемой проблемы, следует указать, что тема гуманистических и гуманитарных основ взаимодействия общества с окружающей жизнью на протяжении последних ста лет является весьма популярной среди исследователей самых различных направлений: теологов, философов, культурологов, экологов (в широком понимании термина), политологов, экономистов, правоведов и т.д.³ Это обстоятельство во многом обусловлено жизненной значимостью вопроса о дальнейшем развитии мира и общества, одной из основ которого является фактор устойчивости (стабильности) существования окружающей природной среды.

Однако не только вопросы о дальнейшем развитии и выживании общества, и о ресурсном обеспечении этого развития входит в сферу рассмотрения исследователей. Этические и моральные аспекты взаимоотношений различных проявлений общего феномена жизни также являются важной и в то же время сложной проблемой, решение которой, по всей видимости, имеет комплексный и компромиссный характер.

Следует отметить, что анализу возможного характера подобных взаимоотношений между обществом и окружающей его жизнью посвящены работы многих известных и авторитетных исследователей и мыслителей нашей эпохи, таких как Aldo Leopold [1949; 1990; etc.], Roderick Nash [1988; 2014 (1967); etc.], Brayan G. Norton [1984; 1986; 1987; 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1995; 1995^A; 2005; etc.], Holmes Rolston III [1986; 1988; 1994; 2004; 2010; 2011; etc.], J. Baird Callicott [1979; 1982; 1982^A; 1986; 1987; 1987^A; 1987^B; 1989; 1990; 1990^A; 1990^B; 1992; 1997; 1999; 2012; 2013; etc.], Paul W. Taylor [2011 (1986); etc.], Arne Naess [1993; 1994; 2010; etc.], Robin Attfield [1991 (1983); etc.]; John Passmore [1974; etc.]; Jean-Baptist Jeangéne Vilmer [2011; etc.]; etc. Многие из этих работ связаны с

---

³ Широкие антологии подобных исследований и размышлений, полностью или частично посвященных обозначенному вопросу, выпускаются уже многие десятилетия на самых разных языках мира (в качестве примера см., например, [Bourg, Fragniere, 2014; Vilmer, 2011; Env. Ethics, 2002; etc.].

ведущим мировым тематическим журналом *Environmental Ethics*, выпускаемым с 1979 года.⁴ Каждый из этих авторов создает свою этическую концепцию отношения общества с окружающей его природной средой. Не отметить этот факт попросту невозможно, поскольку он имеет важное значение для формирования идеи настоящей работы.

Так, например, норвежскому автору Арне Нэссу (Naess) принадлежит идея «глубинной экологии» («*deep ecology*»), согласно которой «для реального изменения [экологической – С. Г.] ситуации необходимы изменения на глубинном, т.е. духовном уровне – в философии и культуре. Внутренней ценностью для Несса обладают все живые существа (и многие неживые объекты, такие, как горы и реки). Всякий организм рассматривается Нессом не изолированно, а в качестве одного из узлов сети биосферных отношений, которая не имеет единого центра» [Сычев, 2018, 164 – 165].

Бэрд Калькотт продвигает идеи «Этики Земли» О. Леопольда, и при этом придает особое значение природоохранной эстетике, или эстетике дикой природы, и так же отстаивает идею внутренней ценности природных объектов.

Авторству Родерика Нэша принадлежит фундаментальный труд о «правах природы», в котором он дает им обоснование. Философия Нэша так же продолжает развивать идеи О. Леопольда.

Холмс Ролстон выдвигает идею холистической этики, «согласно которой, целое должно иметь приоритет над частями. Ролстон полагает, что человек должен нести ответственность прежде всего за благополучие видов и экосистем, а не отдельных индивидов. Приспособление традиционной этики к новым экологическим вызовам бесперспективно» [Сычев, 2018, 165].

В целом, главным направлением современных западных эколого-этических исследований является продвижение идеи расширенного биоцентризма (например, концепция Пола Тэйлора, развивающего принцип Швейцера) и эоцентризма (за исключением, пожалуй, Брайана Нортон, который отстаивает

---

⁴ Подробнее о предмете и особенностях западной эколого-этической мысли см., например [Корнилецкая, 2007].

антропоцентризм, все же признающий нескончаемую внутреннюю ценность природных объектов), наделяющего внутренней и этической ценностью объекты как живой, так и не живой природы, связанные на экосистемном уровне.

Однако следует задаться вопросом: насколько далеко ушла эколого-этическая мысль от идей ее основателей, в том числе, и О. Леопольда и А. Швейцера? Не было ли отброшено или пропущено в процессе развития нечто важное? Не была ли утеряна простота и общедоступность, присущая, например, этическому принципу Швейцера в его изначальной, авторской интерпретации?

Среди современных русскоязычных исследователей-экологов и природоохранников большие заслуги в деле развития и распространения идей этического подхода в качестве методологии взаимодействия общества и природы, принадлежат деятелям заповедного дела, прежде всего, В. Е. Борейко [2013; etc.] и А. А. Никольскому [1996; 1998; 2013; 2014; etc.]. В своих работах они определяют необходимость отношения человека к окружающей его жизни на нравственной основе, в качестве одного из важнейших принципов развития социума и сохранения окружающей природной среды.

Со стороны отечественной философской школы, исследования этического начала в основе взаимоотношений человека с феноменом жизни представлены работами Р. Г. Апресяна [2010; etc.], Л. В. Максимова [2010; etc.], Н. Э. Хафизовой [2010; etc.], А. А. Сычева [2013, 2013^A, 2014, 2014^A, 2016, 2018; etc.], В. А. Петрицкого [2011^A] и других исследователей концепции морали.⁵

В качестве специализированного периодического издания в русскоязычном сегменте, необходимо отметить «Гуманитарный экологический журнал», выпускаемый с 1999 года, на страницах которого публикуются оригинальные русскоязычные и переводные зарубежные тематические материалы, в том числе, указанных выше авторов.

---

⁵ Необходимо отметить, что некоторыми авторами (напр. [Корнилецкая, 2007; Дашинамаева, 2009]), отмечается, что: «Проблематика экологической этики остается сегодня одной из наименее исследованных в российской философско-этической мысли» [Корнилецкая, 2007, С. 3]. Стоит также упомянуть, что указанные работы, являются, по всей видимости, наиболее современными тематическими диссертационными русскоязычными исследованиями по экологической этике. Из более ранних работ следует прежде всего отметить статьи А. А. Гусейнова [1975, 1976], в которых этическая концепция Швейцера рассматривается как одна из главных в контексте отношений природы и общества.

Кроме того, научная актуальность рассматриваемой в работе проблемы подтверждается и новейшими обширными монографическими публикациями, выпускаемыми престижнейшими мировыми издательствами и вбирающими в себя многоаспектные материалы исследователей всего мира (см., например, *Linking Ecology* [2014]; *Earth Stewardship* [2015]; etc., публикации в ведущих мировых периодических специализированных изданиях, таких, например, как *Environmental Ethics*, *Environmental Philosophy* и *Environmental Values*).

Однако в качестве общей черты, характеризующей большинство подобных исследований, следует указать то обстоятельство, что *этический принцип благоговения перед жизнью рассматривается в них лишь как исторический, промежуточный, эпизодический этап процесса формулировки и становления современных этических концепций взаимоотношений общества с окружающей природной средой*. Более того этические построения Альберта Швейцера (а также Олдо Лепольда), рассматриваются лишь как «протоэкоэтические» концепции.

Важно отметить, что интерес к этической концепции Альберта Швейцера также находит свое проявление в современности, примером чему могут служить замечательные работы таких авторов, как А. А. Гусейнов [1992, 1995], В. А. Петрицкий [1993, 2011], А. Е. Зимбули [Зимбули, 1989], Predrag Cicovacki [2013], С. Н. Doude Van Troostvijk, Mattieu Arnold, David K. Goodin [2007, 2013] etc.⁶

Кроме того, на русском языке было защищено как минимум 3 диссертации, посвященных напрямую этике Альберта Швейцера. Две из них принадлежат авторству замечательного специалиста, познакомившего советского читателя с творчеством Швейцера – В. А. Пертицкому [Петрицкий, 1971; Петрицкий, 1993], а еще одна его последователю – А. Е. Зимбули [Зимбули, 1989]. (Все три написаны и защищены в Ленинграде (Санкт-Петербурге)).

---

⁶ Среди работ, рассматривающих прикладные аспекты возможного применения этической концепции А. Швейцера следует также отметить работы таких авторов как Ryan McLaughlin [2012], Judith Benz-Schwarzburg [2008], Roman Globokar [2012] и многих других, публикуемые в периодических изданиях философского, теологического, религиозноведческого, биомедицинского и многих других направлений.

Из более ранних русскоязычных работ, следует отметить труды Л. А. Бердюгиной [1983, 1988], В. А. Карпушина [1970], А. М. Каримского [1975], Ю. А. Левады [1965, 1969].

Однако упомянутые работы посвящены прежде всего критическому анализу самой этической концепции Швейцера, и в гораздо меньшей степени возможности ее практического приложения в контексте отношений «общество – природа». Что оставляет пространство для дальнейшего анализа и исследовательской разработки темы этики А. Швейцера.

Специализированный подход, освещающий возможности деятельного проявления этики благоговения перед жизнью в частном проявлении культуры общества, каковым является его взаимодействие с окружающей жизнью, не перестает быть актуальным и востребованным и по сей день.

Соединение двух направлений исследований – исследований в области этических основ взаимоотношений человека с окружающей жизнью и исследований возможного деятельного проявления этического принципа благоговения перед жизнью – способно продемонстрировать как основные черты самой этической концепции Швейцера и ее основополагающего принципа, так и ее применимость для решения множества проблем и сложных конфликтов, которые ставит перед обществом современность в контексте его взаимодействия с окружающей природной средой, что также обуславливает актуальность проводимой работы.

Дополнительное предположение исследования заключается в том, что сформулированный Швейцером этический принцип наиболее полно и, что самое главное, наиболее четко и просто выражает идею необходимости *всеобщего* сохранения окружающей жизни, а стало быть и окружающей природной среды, если принять во внимание тот факт, что именно жизнь как компонент, определяющий суть экологической системы, является безусловной основой того окружающего нас мира, каким мы его наблюдаем сегодня. Любой этический принцип по своей природе обращается к человеческим чувствам, однако

этический принцип благоговения перед жизнью более всего обращается к разуму и представляется одновременно чувственным и рациональным. Притом рациональным, вероятно, в первую очередь. Кроме того, логическая простота, краткость и обоснованность принципа благоговения перед жизнью делают его одновременно простым для понимания и универсальным для применения. А основные положения концепции Швейцера предполагают их интуитивную понятность на общечеловеческом уровне.

Именно поэтому рассмотрение благоговения перед жизнью в качестве методологической основы взаимодействия общества с окружающей жизнью, проявляющегося, в частности, в форме природосохраняющей (природоохранной) и природопреобразующей деятельности, представляется вполне уместным и допустимым.

Научная новизна представляемой работы заключается в том, что в ее дискурсе этическая концепция благоговения перед жизнью рассматривается в ней как производный от общекультурного понимания, самодостаточный принцип, являющийся не переходным звеном от тривиальных эгоистических представлений о должном характере отношения человека к окружающей жизни, главенствовавших в XIX столетии, к концепции т.н. «глубинного экологического отношения», ставшего столь популярным во второй половине XX и начале XXI века, но являющийся самодостаточным, универсальным и интуитивно понятным принципом, императивы которого в согласии с внутренним побуждением человека способны определять его фактическое и деятельностное отношение к миру.

Исходя из этого, можно определить основные **положения исследования, выносимые на защиту:**

1. Этическое (миро)понимание⁷ может быть универсальной основой взаимодействия общества с окружающей жизнью (равно как) и окружающей природной средой, а этический принцип благоговения перед жизнью,

---

⁷ Под «этическим пониманием» здесь и далее имеется ввиду этическое миропонимание, формирующее соответствующее мироотношение индивида.

сформулированный и развитый Альбертом Швейцером, в его изначальной, авторской трактовке, отвечает современным представлениям о необходимости сохранения окружающей природной среды, являясь одновременно универсальной, интуитивно понятной и общедоступной концепцией.

2. В сочетании с научным экологическим знанием этическое понимание и применение этических принципов, в частности, принципа благоговения перед жизнью, способно стать основой процесса рационального (разумного, неистощающего, сохраняющего) природопользования и охраны (сохранения) окружающей природной среды.

3. Современный уровень культурного развития общества позволяет имплементировать этический принцип благоговения перед жизнью в культуру природоохранной и природопреобразующей деятельности в качестве их методологической основы.

4. Применение метода сочетания экологического знания и этического понимания, находящего свое частное проявление в виде принципов правового и общественного регулирования, способно разрешить многие проблемы взаимодействия общества с окружающей его природной средой, встающие перед обществом в современности, подчас являясь единственно действенным способом решения сложившихся на сегодняшний день проблем и конфликтов, а принцип благоговения перед жизнью может быть рассмотрен в качестве базисного принципа для их решения.

Методологической основой работы стал анализ основных положений этической концепции Альберта Швейцера, изложенной им в книге «Культура и этика» (Kulturphilosophie II: Kultur und Ethik), а также в других философских, теологических, публицистических и литературных работах, в контексте рассмотрения проблемы характера должных взаимоотношений человеческого общества с окружающей жизнью.

В работе использовались дескриптивный, историко-этический и собственно этический подходы к объекту и предмету исследования. Учитывая структурные

особенности текста, важными представляются компаративистский и критический методы исследования. Отсутствие русских переводов ряда значимых работ Швейцера привело к необходимости самостоятельной переводческой работы автора, таким образом, некоторые сочинения были впервые переведены на русский язык впервые. Новаторской является адаптация метода имплементации, т.е. определения возможности практической реализации конкретного этического принципа с учетом специфики деятельности в определенной сфере человеческого поведения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенный анализ позволяет системно рассмотреть возможность и основания применения этического принципа благоговения перед жизнью в качестве современной концепции сохранения окружающей природной среды и рационального природопользования.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании возможности перспективной имплементации этического принципа благоговения перед жизнью как одной из основ природоохранной и природопреобразующей деятельности. В более частном выражении результаты исследования могут стать основой для разработки природоохранных мер, воспитательной и образовательной деятельности, нормотворческой деятельности в сфере экологического права (права окружающей среды).

Структура работы определяется поставленной целью, задачами, а также спецификой дискурса и методологии исследования.

Работа состоит из введения, 3 глав, включающих в себя 7 параграфов, заключения, выводов и списка цитируемой литературы, насчитывающей 160 источников. Общий объем работы насчитывает 177 страниц машинописного текста, что соответствует объему в 8,1 авторских листа (20,5 п.л.).

Соответствие паспорту специальности 09.00.05 – «Этика»:

Содержание работы соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности:

6. Отдельные учения, школы, направления в истории этической мысли (*в части анализа этической концепции Альберта Швейцера*)

25. Нормативно-этические системы (*в части рассмотрения благоговения перед жизнью как организующего этического принципа*);

26. Отдельные нормативно-этические проблемы (*в части исследования применимости этики благоговения перед жизнью в качестве нормативной основы взаимодействия общества с окружающей жизнью*);

30. Отдельные этико-прикладные проблемы (*в части анализа этических проблем природоохранной и природообразующей деятельности*).

Апробация

Основные результаты исследования и отдельные его части были представлены на плановых тематических семинарах кафедры системной экологии экологического факультета Российского университета дружбы народов, а также на профильных конференциях и тематических семинарах как в России, так и за рубежом. В частности, основные результаты исследования были представлены и обсуждались на международных форумах, организованных Международной ассоциацией сохранения наследия Альберта Швейцера (Association Internationale pour l'oeuvre du Docteur Albert Schweitzer de Lambaréné, AISL) а также факультетом евангелического богословия Страсбургского университета (Faculté de Théologie Protestante Strasbourg, Université de Strasbourg): Second Albert Schweitzer Summer School at Gunsbach (2014, Гюнсбах, Франция), Third Albert Schweitzer Summer School at Gunsbach (2015, Гюнсбах, Франция); 33-м Международном географическом конгрессе (2016, Пекин, Китайская народная республика); 24-м Всемирном философском конгрессе (2018, Пекин, Китайская народная республика), Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию кафедры этики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (2019, Москва, Россия).

По результатам работы было опубликовано в общей сложности 18 научных работ, в том числе 5 работ в формате монографии (с учетом дополненных изданий

и переводов), три из которых частично и одна полностью опубликованы на английском языке, а также 13 научных статей в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных периодических изданий, сформированный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве высшего образования и науки Российской Федерации (5 из них в изданиях рекомендованных по специальности 09.00.05 – «Этика»), 4 из которых – в журнале «Вопросы философии», входящем в международные библиометрические базы Web of Science (WoS Core Collection) и Scopus.

Согласно п. 14 Гл. II «Положения о присуждении ученых степеней» (утвержденного Правительством Российской Федерации от 24.09.2013), следует указать, что отдельные части и фрагменты диссертации ранее полностью или частично были опубликованы в следующих работах ее *автора* (при этом текст указанных ниже параграфов полностью или частично соответствует указанным публикациям):

В монографиях и книжных изданиях: «Альберт Швейцер. Одна жизнь для людей» (М., 2014, 2016, 2017) – параграф 1.1; «Благоговение перед жизнью: современная этика и живая природа» (М., 2015) – параграфы 1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 3.1, 3.2, 3.3; «Экология, этика, право» (в переводной версии «Ecology, Ethics and Law») (М., 2013, 2014, 2015) – параграфы 2.1, 2.2, 3.1, 3.2, 3.3; «Этика благоговения перед жизнью и современный нам мир: Homo Moralis Et Veneratio Vitae» (М., 2014) – параграфы 1.1, 1.2.

В научных периодических изданиях: в журнале «Вопросы философии»: №6, 2020 – параграф 1.2; журнале «Проблемы региональной экологии»: №4, 2012 – параграф 3.3; №5, 2012 – параграф 3.3; №6, 2012 – параграфы 2.1 и 2.2; №1, 2013 – параграф 2.1; №3, 2013 – параграф 3.1; в журнале «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности»: №2, 2018 – параграф 3.2.

В научных неперiodических изданиях (сборниках тезисов докладов и пр.): в сборнике материалов 3-й международной научно-практической конференции

«Изучение, сохранение и восстановление естественных ландшафтов» (М., 2013) – параграф 3.1; в сборнике материалов 6-й Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Формирование и реализация экологической политики на региональном уровне» (Ярославль, 2013) – параграф 3.1.

В заключение вступительного раздела хотелось бы выразить искреннюю и глубокую признательность профессору, д.б.н. Александру Александровичу Никольскому за идею, ценные консультации и многолетнюю поддержку настоящей исследовательской работы.

Также хотелось бы выразить свою благодарность профессору, д. филос. н В. А. Петрицкому – человеку, впервые познакомившему отечественного читателя с философским наследием Альберта Швейцера, за его поддержку идеи подготовки настоящей работы; профессору Предрагу Чичовачки (Predrag Ciciovaski) за его любезные консультации.

Особо хотелось бы поблагодарить сотрудников центрального Архива Альберта Швейцера в Гюнсбахе (Archives Centrales Albert Schweitzer Gunsbach) (Эльзас, Франция), и лично его директора господина Ромена Колло (Romain Collot) за любезно предоставленную ими возможность работы с оригинальными материалами, в том числе, и неопубликованными работами Альберта Швейцера.

1 ЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЯ К МИРУ. БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

1.1 Этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера.

Анализ основных положений концепции

Вся наша жизнь представляет собою этическое поле, на котором происходят те или иные события, совершаются те или иные деяния. Нравственная⁸ оценка сопровождает нас всегда и всюду. Каждое наше действие, каждый поступок и замысел мы неизбежно соотносим с пониманием его правильности и достоинства. В этом заключается действенная суть этики – того, что мы привыкли считать неотъемлемой частью самих себя, того, что во многом определяет нас как людей.

Нравственное понимание и оценка, так или иначе, явно или же скрыто, лежат в основе любой человеческой деятельности, определяют ее мотивацию, задают ей ограничения. Именно поэтому в понятии этики, понятии нравственности мы можем увидеть основу нашей культуры, которая является нашим достижением, нашим способом существования в мире, проявлением нашего к нему отношения.

Достижением современного научного знания явилось понимание абсолютной зависимости общества от окружающей его жизни. Люди зависимы от окружающего их растительного и животного мира, который обеспечивает само их существование. Лучи солнечного света, аккумулируемые зелеными растениями, дают нам жизнь. Окружающая нас жизнь устраивает и организует наш дом. Подтверждением этому является, например, даже бумага, на которой напечатаны эти слова. Человечество абсолютно зависимо от окружающей жизни. Человечество и само является жизнью.

---

⁸ Здесь и далее в тексте работы термины «мораль» и «нравственность», «этический» и «нравственный», за исключением особо оговоренных случаев, используются как синонимы, что обусловлено логикой изложения, а также особенностями употребления данных терминов в работах самого А. Швейцера.

Жизнь среди жизни – *Leben inmitten von Leben* – *Life amid Life*. Это определение в равной степени подходит для описания общества и природы. Жизнь среди жизни.

Общество, которое мы привыкли воспринимать в свете нашей культуры, в своей основе есть не что иное, как жизнь – совокупность жизней, проявляющаяся в совокупности отдельных личностей с их желаниями, надеждами, интересами и стремлениями.

Но и сама природа в своей основе есть жизнь. Столь же развитая и организованная совокупность отдельных жизней. Этот удивительный факт объединяет оба понятия: природы и жизни, и позволяет взглянуть на них и на их взаимоотношения с совершенно иной позиции. Единой позиции утверждения жизни.

И общество, и окружающая его природа являются формами проявления всеобъемлющего феномена жизни. Так логично ли противопоставлять друг другу эти понятия? Не лучше ли рассматривать их как нечто целостно связанное в своей основе? Если продолжить это рассуждение о единстве и многообразии проявлений жизни, то перед нами неизбежно встанет вопрос об основе их взаимодействия между собой. Вопрос, который волнует мыслителей и ученых вот уже не первое тысячелетие.

Ключом к ответу на этот вопрос может стать понимание всеобъемлющей роли нравственности как основы нашего отношения к миру.

А этика как форма практической философии есть уникальный феномен, открытый человеческим разумом. Столь же сложный, сильный и действенный в своем проявлении, как и сам разум.

Этическая оценка наших действий сопровождает нас всегда, сосредотачиваем ли мы на ней свое внимание или же нет. А этическое понимание не ограничивается пределами внутриобщественных отношений. Все это позволяет рассмотреть этическое, или нравственное понимание, как универсальную основу для разрешения вопроса о должном характере взаимодействия между нашим

обществом и окружающей его природой, между двумя проявлениями единого феномена жизни.

Этическое понимание одновременно наделяет нас не только способностью к сочувствию и соощущению окружающей жизни, но и ответственностью за нее.

Обыденная человеческая логика говорит нам: поступать нравственно – значит поступать разумно, поступать разумно – значит поступать правильно – в этом проявляется неразрывная связь этического понимания с ответственностью. Именно так проявляет себя культуротворящая функция этики. В понимании разумности и ответственности рождается и развивается культура, в отсутствии этого понимания она погибает.

Идея, провозглашающая, что уровень развития общества определяется его этическими воззрениями, не нова. На протяжении долгого времени высказывалась многими гуманистами (см., например, Bourg, Fragniere [2014] Vilmer [2011]). Но оценка этических воззрений возможна лишь при наличии критериев-их глубины и масштаба. Что касается глубины, то гуманистическая мысль указывает на то, что ключевым фактором развития этического понимания в обществе является его способность сопереживать и деятельно выказывать это сопереживание. Что же касается масштабов, то логично предположить, что они проявляются в широте распространения такового сопереживания. В наивысшей форме это сопереживание становится всеобъемлющим. Сопереживание всему живому – так можно определить этот, несомненно, высокий уровень нашего понимания мира и нашего к нему отношения.

Идеалы уважения и любви к окружающей жизни в высшем своем проявлении, проявлении сочувствия и ответственной сопричастности к ней, отвечают на поставленный вопрос о возможности взаимосозидательного⁹ или хотя бы неразрушительного сосуществования природы и общества положительно. Главным же остается обретение такого понимания современным нам обществом и его проявления в современной культуре.

---

⁹ Говоря о взаимности в отношениях общества с окружающей его жизнью, следует прежде всего еще раз обратить внимание на абсолютный характер зависимости современного общества от окружающей его жизни.

Важно отметить, что сам Швейцер говорил, что «Этика благоговения перед жизнью, есть этика личности, она может реализоваться только в *индивидуальном* выборе» [Гусейнов, 1995, С. 254]. «В принципе Швейцер допускает перспективу превращения общества из естественного образования в этическое. Для этого оно должно приобрести характер *нравственной личности*. Вообще этика в его понимании – целая звуковая гамма. Она начинается с живых звуков этики личностного смирения, переходит в аккорды этики активного личностного самосовершенствования, за ними следуют приглушенные шумы этики общества, и “наконец, звук затухает в законодательных нормах общества, которые уже только условно можно назвать этическими”» [Гусейнов, 1995, С. 254].

Исходя из этого можно предположить, что, хотя возможность и процесс эволюции этики личности в этику общества и не является главным мотивом философско-этических рассуждений А. Швейцера, все же он уделяет ему достаточное внимание (подробнее также см. заключительную XXII главу книги «Культура и этика» [Швейцер, 1973, С. 327-341; 1992, С. 229-237; Schweitzer, 2007, С. 329-343]). Важно так же отметить что для Швейцера важнейшим компонентом существования является постоянное нравственное совершенствование человека, содиняющее в себе миро- и жизнеутверждение, сострадание и самоотречение. Речь об этом пойдет ниже (в параграфе 1.2).

Знакомясь с идеями Швейцера, мы отмечаем удивительную *простоту* его этической концепции. А что может лучше сказать о силе идеи, нежели то, как отзывается она в нашем сердце? Что лучше может сказать о ее верности, нежели то, как принимается она разумом?

“Ehrfurcht vor dem Leben” – благоговение перед жизнью, именно в этой формуле предложил миру свою этическую идею Швейцер. По-немецки слово “Ehrfurcht” представляет собой соединение понятий уважения “Ehr(en)” и страха “furcht”. «Буквально “почтенный страх”» [Козлова, 2009, С. 40]. Современная нам «Православная энциклопедия» определяет «благоговение» как «религиозно-нравственное чувство, выражающее любовно-почтительное отношение к

превосходящему человеческую субъективность» [Малахов, 2009, С. 294]. Несмотря на религиозно-конфессиональный характер источника, это определение как нельзя лучше характеризует идею Швейцера – нравственный принцип любви и почтения к единому феномену жизни.

Прошло уже более века с тех пор, как знаменитая формула «благоговения перед жизнью» появилась на книжных страницах, а затем в умах и сердцах людей всего света. Проводником этой идеи – идеи всеобщего соучастного отношения, идеи этики, заключающей в себе нравственное отношение к любому проявлению жизни, суждено было стать замечательному человеку – Альберту Швейцеру. Своей собственной жизнью он показал людям, что значит следовать этике – что значит сочувствовать, сострадать и любить. Эти слова были для него не пустым звуком, не громким лозунгом и не настойчивым убеждением. Они стали для него образом его жизни – жизни простого человека, подверженного тем же страстям и порокам, что и каждый из нас. Но его настойчивость и его силы позволили ему изменить свою жизнь так, что она воспринимается нами сегодня как подвиг. Между тем сам Швейцер вряд ли считал ее таковым.

Можно ли объяснить настойчивость Швейцера, его решительную и всецелую самоотдачу только лишь слепой верой и убежденностью? Как много может сделать слепая вера? Пусть этот вопрос останется неотвеченным. Гораздо важнее, что Альберту Швейцеру было доступно нечто большее, чем убежденность. Ему было доступно понимание верности своего дела. В согласии сердца и разума нашел он тот путь, который искал. Он смог сформулировать ответ на вопрос, который занимал его разум, в идее, совмещающей в себе жизнеутверждающее начало и нравственное понимание¹⁰. И этот ответ до сих пор отзывается в сердцах тысяч людей, навсегда оставшись в истории человеческой мысли.

Если же говорить языком формальным, то предложенная Швейцером этика относится скорее к «кантовской» модели, «в которой нормативные положения

---

¹⁰ Здесь и далее под «нравственным пониманием» подразумевается миропонимание человека, основанное на непрерывной и глубокой оценке его действий и устремлений.

выводятся в результате осмысления “чистых” возможностей действий человека как разумного существа» [Апресян, 2016, С. 142].

«Сложны и трудны пути, на которые должно вновь встать заблудшее этическое мышление. Но его дорога будет легка и проста, если оно не повернет на кажущиеся удобными и короткими пути, а сразу возьмет верное направление» [Швейцер, 1992, С. 216] – так начинает Швейцер XI главу «Культуры и этики».

Альберт Швейцер не предложил миру принципиально иной этики, нежели та, что была известна людям ранее. Он лишь вернул этическую мысль на путь, который представляется нам самым естественным, самым верным. Ему удалось обратить внимание человечества к истокам его человечности: состраданию, соучастию и любви.

Именно этой основе, содержащей в себе понимание добродетелей, действенное нравственное отношение к миру, и должна, согласно идее Швейцера, быть подчинена наша жизнь, наше развитие и наша культура.

«Фактически можно все, что считается добрым в обычной нравственной оценке отношения человека к человеку, свести к материальному и духовному сохранению и развитию человеческой жизни и к стремлению придать ей высшую ценность. И наоборот, все, что в отношениях людей между собой считается плохим, можно свести в итоге к материальному и духовному уничтожению или торможению человеческой жизни, а также к отсутствию стремления придать жизни высшую ценность» [Швейцер, 1992, С. 218], – замечает сам Швейцер.

Швейцер не создал принципиально нового отношения, но расширил границы этического отношения, границы любви до пределов, обращающих его ко всякой жизни и любому дыханию.

По мнению Швейцера, европейская философия долгое время противилась расширению границ этики за пределы его отношения к ближнему¹¹ и

---

¹¹ Подобным мотивом – отказа от традиционной этики отношения к ближнему – руководствовался немецко-американский философ Ганс Йонас, создатель этики ответственности за будущее в условиях технологической цивилизации. «Этическая значимость относилась к непосредственному обращению человека с человеком, включая его обращение с самим собой; вся традиционная этика антропоцентрична» [Йонас, 2004. С. 47].

Во время пребывания автора в архиве в Гюнсбахе (в 2018 году) на машинописном оригинале текста процитированной работы Швейцера им была обнаружена пометка – «1936». Таким образом, более чем за сорок лет

человеческому обществу, считая сострадательное отношение к животным всего лишь надстройкой над существующей этикой. «Она не может принять полностью того, что это входит в противоречие с нашими естественными чувствами. Но она предпочитает смириться с этим, нежели принять решение – взять на себя серьезный риск этически безграничных обязанностей и безграничной ответственности» [Schweitzer, 2013. С. 98].

«Этика заключается в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип нравственного. Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [Швейцер, 1992, С. 218], – говорится в «Культуре и этике».

Швейцер рассматривает жизнь как нечто совершенно особенное, единое, быть может даже как нечто таинственное и вместе с тем настолько близкое, что ощущение окружающей жизни становится неразделимым с тем проявлением жизни, которую представляю я сам.

«Как в моей воле к жизни заключено страстное стремление к продолжению жизни и к таинственному возвышению воли к жизни, стремление, которое обычно называют желанием, и страх перед уничтожением и таинственным принижением воли к жизни, который обычно называют болью, так эти моменты присущи и воле к жизни, окружающей меня, независимо от того, высказывается ли она или же остается немой» [Швейцер, 1992, С. 218].

В этом заключается единство явления жизни – то, что обуславливает возможность общего нравственного отношения к ней и к любым ее проявлениям.

Этика Швейцера взывает к нашим чувствам, но одновременно взывает и к нашему разуму. Она логически обоснована, рациональна. Она исходит из нашего понимания и рассуждения и вместе с тем вдохновляется нашим внутренним нравственным ощущением. «Для того, чтобы возникла истинная мораль, разум и

сердце должны действовать сообща. <...> Не следует бояться, что нравственность, основанная на разуме, будет излишне холодной, ибо разум, взыскующий глубин, перестает быть холодным и отстраненным и начинает говорить в тон с сердцем. А сердце, пытаясь узнать само себя до самых глубин, обнаруживает, что его царство частично совпадает с царством разума. Чтобы достичь крайних пределов своих обширных владений, сердце должно пройти через владения разума» [Швейцер, 1990, С. 127-128], – говорит Швейцер.

Этика, нравственное отношение к нашему миру – вот тот универсальный и действенный инструмент, который способен воздействовать на него и на нас. Она определяет все человеческое в человеке. Этическое понимание взывает к нам, говоря нам о должном. Но часто мы не слышим его голоса. Еще чаще мы не хотим его слышать.

«Мир, над которым властвуют эгоизм и неведение, подобен погруженной во мрак долине. Освещены лишь горные вершины, все остальное пребывает во тьме. Лишь самое высшее творение ловит отблеск света. Лишь человеку дано познать благоговение перед жизнью, сопереживая и сострадавая всему живому. Только ему одному дано преодолеть мрак неведения, в котором изнывает все живое» [Швейцер, 1990, С. 131].

«„Благоговение перед жизнью“, „преодоление отчуждения“, „стремление сохранить жизнь“ – эти выражения кажутся избитыми и сухими. Однако, несмотря на тривиальность, они несут в себе богатое содержание. Семя растения невзрачно на вид, но в нем содержится образ будущего творения. В этих простых словах заключено основное этическое воззрение, из которого проистекает нравственность. Основная предпосылка нравственности – это сопереживание всему живому, обязывающее нас делать все возможное для сохранения жизни» [Швейцер, 1990, С. 130]. «Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуетя внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред» [Швейцер, 1992, С. 218].

Иными словами, этика благоговения перед жизнью обращается к нам: «Если можешь не разрушать – не разрушай; если можешь не убивать – не убивай; если можешь не причинять страдание – не причиняй его». Казалось бы, сколь просты эти истины, но как часто мы, люди, забываем о них.

Напротив, этика Швейцера говорит нам о том, что следовало бы использовать любую возможность для проявления нашей взаимной любви – проявления сострадания и проявления соучастия. Этика благоговения перед жизнью является деятельной. Сам подвиг жизни Альберта Швейцера является доказательством этого.

Проявление любви к жизни в этике Швейцера не противопоставляется тому неизбежному количеству страданий, которые мы ей причиняем, не служит его компенсацией. Добро в ней воспринимается как нечто должное, как нечто нормальное, не возвышающее человека над обстоятельствами и другими людьми, но делающего его подлинным человеком (если, конечно воспринимать определение «человека» в качестве определённого рода призвания»).

«В тысячах форм наша жизнь вступает в конфликт с иными жизнями» [Швейцер, 1992, С. 222], – говорит Швейцер. Этот конфликт неизбежен. Таково естественное проявление жизни. Но вместе с тем этика Швейцера не может быть относительной. Она не приемлет абстракции и отвлеченности. В ее понимании любое действие может носить этический: этичный или же неэтичный (соответствующий, или не соответствующий швейцеровским определениям добра и зла) характер. Все зависит лишь от того, насколько это действие способствует сохранению и развитию жизни.

«Обычная этика ищет компромиссов» [Швейцер, 1992, С. 222]. Этика Швейцера категорична и потому проста для нашего понимания. «Она признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни. Всякое уничтожение жизни или нанесение ей вреда независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло» [Швейцер, 1992, С. 222].

Напротив, «она не признает никакой практической взаимной компенсации этики и необходимости» [Швейцер, 1992, С. 222].

Этика Швейцера предлагает человеку простую логику и критерий этического, вместе с тем вверяя оценку лишь ему самому: «В этических конфликтах человек может встретить только субъективные решения. Никто не может за него сказать, где каждый раз проходит крайняя граница настойчивости в сохранении и развитии жизни. Только он один может судить об этом, руководствуясь чувством высочайшей ответственности за судьбу другой жизни» [Швейцер, 1992, С. 222-223]. Она вверяет человека его разуму и голосу его совести. И чем сильнее этот голос, тем более остро человек начинает чувствовать жизнь.

Порой может показаться, что этика «благоговения перед жизнью» требует от нас невозможного.

«Мы можем усомниться и сказать себе, что все бесполезно! Что бы мы ни делали, пытаясь предотвратить страдания и уберечь жизнь, все это не идет ни в какое сравнение с той болью, которая переполняет наш мир, с теми ранами, которые вы не в силах исцелить. Мучительно сознавать свою беспомощность, знать, сколько страданий мы причиняем, и не иметь возможности что-либо изменить» [Швейцер, 1990, С. 132].

Швейцер отвечает на этот вопрос: «...для меня является абсолютной необходимостью разделить с кем-либо испытания, выпавшие на его долю, и протянуть руку помощи. Ваши усилия – лишь капля в море по сравнению с тем, что должно осуществиться, однако такая позиция придаст вашей жизни тот единственный смысл, который так необходим, и сделает ее ценной. Где вы ни были, вы должны нести избавление от бедствий, которые принесла в мир внутренне раздвоенная воля к жизни. Но избавление может дать лишь познавший. То немногое, что вы совершите, станет многим, если вы избавите живое существо, будь то человек или иное творение, от боли, страха и страдания» [Швейцер, 1990, С. 133]. Немногое становится многим. И значит, что это

немногое – та частичка добра и сочувствия, что доступна любому из нас, становится безгранично ценной для нас и для мира.

Этика благоговения перед жизнью требует от нас самоотречения. Многие видят в этом отречение от мира, но миро- и жизнеутверждающий характер этики Швейцера противоречит этому. Самоотречение Швейцера есть самоотречение от своих интересов – своих страстей – того, что противоречит понятию этического, понятию добра, служа одним лишь только нашим желаниям и интересам. Самоотречение Швейцера одновременно превращается в самоотдачу, так же как отречение от страстей закономерно приводит нас к обращению к добродетели.

Эта самоотдача, проявляющаяся в деятельном соучастии и сочувствии любой жизни, делает этику Швейцера деятельной – меняя нас самих, она меняет наш мир, меняет к лучшему. При этом этика в истинном ее проявлении безучастна к «возвышенному» пониманию должного. Она говорит нам о том, что следует воспринимать добродетель «...как нечто обычное...». И тем самым она отстраняет себя от заблуждений высокомерия и эгоизма.

Истинная этика в понимании Швейцера не использует громких слов, не выступает с настойчивыми требованиями и не взывает к эмоциям. Она просто действует. Действует как нечто обычное – как то, что вочеловечивает человека и делает его достойным этого звания.

«Самый страшный враг нравственности – равнодушие. <...>

Быть добрым означает быть бодрствующим! <...> Горе нам, если притупилась и оцепенела наша чувствительность, ибо тогда гибнет то, что мы называем совестью в самом широком смысле слова, то есть сознание того, что мы должны и что не должны делать» [Швейцер, 1990, С. 130]. Как часто мы теряем эту чувствительность, закрываясь от проблем мира. «Нас так много, но все мы страдаем от одиночества». Ведь это так просто – помочь друг другу хотя бы в малом. Этика благоговения перед жизнью, этика сострадания и любви говорит нам о том, чтобы мы делились своим теплом и своим счастьем с теми, кому их сейчас не хватает.

Конечно, разум может возразить нам, говоря: «сопереживая тому, что происходит вокруг тебя, ты и сам испытываешь страдания» [Швейцер, 1990, С. 133]. Но Швейцер возражает этому «искушению»: «Сопереживая чужой скорби, я развиваю в себе способность сопереживать и чужим радостям» [Швейцер, 1990, С. 133]. «В мире мало счастья, но, сопереживая его вместе с другими и присовокупляя к нему добро, которое мы творим, мы обретаем единственное счастье, делающее жизнь достойной того, чтобы жить» [Швейцер, 1990, С. 133].

Швейцер уважает свободу человеческого выбора. «Глубокая истина не выступает с настойчивыми требованиями» («Tiefe Wahrheit tritt nicht anspruchsvoll auf») [Schweitzer, 2002, С. 64], – говорит он. «...Эта этика не создает законченного мировоззрения и соглашается с тем, что храм должен остаться недостроенным. Она завершает только клирос» [Швейцер, 1992, С. 220]. Поэтика Швейцера указывает на то, что этика благоговения перед жизнью является не концепцией, но принципом. Принципом, который должен лежать в основе развития нашей культуры.

«Сфера действия этики простирается так же далеко, как и сфера действия гуманности... Там, где кончается гуманность, начинается псевдоэтика. Тот день, когда эта граница будет всеми признана и для всех станет очевидной, явится самым значительным днем в нашей истории» [Швейцер, 1992, С. 227], – говорил Швейцер. По натуре он был оптимистом.

Нет истины важнее, чем та, что нам еще предстоит и остается постичь.

«Если найдутся люди, которые восстанут против духа бездумия и, благодаря своим личным качествам, сумеют сделать идеалы этического прогресса действенной силой, – тогда начнется духовная деятельность, которая будет достаточно сильной, чтобы изменить умственное и духовное состояние человечества» [Швейцер, 1996, С. 145].

Сможет ли человечество прислушаться к его голосу? Сможет ли оно в действительности принять тот подарок, что оставила нам его мысль? На этот вопрос сможет ответить лишь время.

Но все находится в наших руках, и, быть может, этическое понимание во главе с доброй волей когда-нибудь изменят наш мир, меняя прежде всего нас самих? Свершится ли это когда-нибудь, зависит только от нас. Важно лишь помнить о том, что наша жизнь и есть главный наш аргумент.

Простота этической концепции Швейцера означает ее *общедоступность*, что позволяет провести сравнение с золотым правилом нравственности.

Безусловно, этическая аргументация в отличие от строгой математической логики всегда зависима от внешнего и внутреннего контекста. Во многом она индивидуальна и субъективна. И все же разумное звено – идея, лежащая в основе этики, – этический принцип может быть универсальным. То, насколько универсальным он является, определяет устойчивость и силу всей этической концепции. Такова логика этики. Такова основа ее восприятия. Говоря проще, идея, лежащая в основе этического понимания, должна быть действенной, простой и интуитивно понятной, что определяет универсальность ее восприятия. Эта основа не терпит отвлечений и усложнения. Ее сила в ее простоте и доступности.

Наверное, трудно усомниться в том, что большинство людей согласны с определением основополагающего правила этического понимания, называемого также золотым правилом этики. Его простая и в то же время универсальная формула (в одном из вариантов) гласит: «Не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой». Эта формула во многом определила облик современной цивилизации, современного общества. Трудно найти человека, который не согласился бы с ней или хотя бы не считал нарушение этого правила недостойным или неправильным. Красота, универсальность и одновременная простота этой формулы делают ее универсальной основой, на которой строятся человеческие отношения.

Но стоит задаться простым вопросом: каковы границы применимости этой формулы? (иными словами: Кто есть «ближний», если принять во внимание

заповедь любви, изложенную в Евангелии от Марка (Мк. 12:31). Ответ на этот несложный вопрос во многом является основой этического отношения к миру.

Конечно, не стоило бы рассуждать о фактической относительности восприятия понятий этического. Сосредоточимся лишь на том, какие отношения охватывает собой «золотое правило» (и не только оно).

Определяющей в этом смысле становится вторая часть знаменитой формулы: «...как не хочешь, чтобы относились к тебе (поступали с тобой)». Это означает, что золотое правило отражает понимание взаимного отношения¹² [Гусейнов, 1984; Апресян, 2013].

В таком случае можно предположить, что применимость «золотого правила» ограничивается лишь отношением с теми, кто способен (пусть даже потенциально, мысленно) ответить человеку взаимным воздействием. Это означает, что золотое правило этики в исходной форме ограничено рамками отношений внутри человеческого общества, отношений между людьми. В своей изначальной формулировке оно не распространяется на объекты, неспособные к этическому взаимодействию, разумному и осмысленному ответу. Во многом это ограничивает сферу распространения этического понимания на многие стороны человеческой деятельности, нашего отношения к миру, нашей культуры.

В связи с этим представляется логичным вопрос: необходима ли отмена или же модификация основополагающего правила этики, ставшего общекультурным? Ведь в своей узкой интерпретации – интерпретации взаимности – его действие выглядит для нас ограниченным. Этот парадоксальный вопрос открывает перед человеком перспективы для размышления. Однако тот факт, что «золотое правило» является универсальным, доступным и без преувеличения общекультурным принципом, приводит к однозначному ответу: «нет».

Модификация золотого правила нравственного поведения разрушает саму основу этических отношений, которые находятся в фундаменте нашей культуры. Вместе с тем размышление о границах применимости «золотого правила»

---

¹² В английском варианте золотое правило этики именуется также терминологическим сочетанием «ethics of reciprocity», что означает «этика взаимности».

неизбежно наводит на мысль о его дополнении или расширенной его интерпретации.

Впрочем, говоря об основе «золотого правила», необходимо взглянуть на то, как она (основа) проявляется в нашей жизни. И наверное, проявление ключевого правила этических отношений можно обозначить двумя основными понятиями – понятиями уважения и любви.

И вновь приходится задаться вопросом о том, логично и справедливо ли ограничивать распространение таких понятий, как уважение и любовь, рамками внутриобщественных отношений? Наверное, нет. В таком случае следует признать, что сфера этического понимания лежит не только в отношениях между людьми, а включает в себя все наши поступки по отношению к нашему окружению.

Этический принцип благоговения перед жизнью дает нам ответ на вопрос о том, можно ли распространить границы этического понимания, восприятия и оценки от отношений между человеком и другим человеком, человеком и обществом до отношений между человеком и всем окружающим его миром, окружающей его жизнью.

Идея благоговения перед жизнью говорит нам о том, что мы должны испытывать особо почтительное чувство перед окружающей нас жизнью как перед уникальным феноменом, а значит, относиться к ней с любовью и уважением. Иными словами, она говорит нам: «Не причиняй того ущерба и тех страданий, которые ты можешь не причинять»; «Если ты можешь не причинять боль – не причиняй, можешь не разрушать жизнь – не разрушай ее» – таков логический императив этой идеи. При этом идея благоговения перед жизнью как перед феноменом не предполагает взаимности отношений, она не ищет ответного действия, более того – не предполагает его.

Какова же взаимосвязь этой концепции благоговения перед жизнью с золотым правилом этики, с этикой предполагаемого взаимного отношения?

При внимательном рассмотрении можно обнаружить, что этика благоговения перед жизнью отнюдь не противоречит «золотому правилу», не отменяет и не подменяет его, а лишь подчеркивает его идею. «Относись к другому, как хочешь, чтобы относились к тебе самому», то есть относись к другому с любовью и уважением. При этом в принципе благоговения перед жизнью под «другим» понимается и то, что «остается немым», то есть все то живое, что нас окружает.

Пусть окружающая жизнь не может деятельно выразить свое взаимное отношение, однако для принципа «благоговения» это не является существенно важным.

Благоговение перед жизнью не модифицирует основополагающее правило этических отношений, не дополняет, а скорее утверждает его, расширяя границы его применимости. Именно это соответствие, это утверждающее положение делает этику благоговения перед жизнью универсальной, понятной и общедоступной. Этический принцип уважения и любви к окружающей жизни, к совокупности окружающих жизней не противоречит культурной традиции, не привносит в нее принципиально новых элементов, но утверждает ее, расширяя ее применимость.

В этом заключается главная предпосылка к имплементации принципа благоговения перед жизнью в культуре современного общества.

1.2 Основной конфликт в рамках этики благоговения перед жизнью: этичное и необходимое

«В конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда, я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом, а должен выбирать между этическим и необходимым...» [Швейцер, 1992, С. 226-227], – заключает Альберт Швейцер. Этика благоговения перед жизнью в его версии не может быть относительной и

тем более усиливает в нашем понимании драматизм нашей жизни, где одна жизнь вынуждена подавлять другую, чтобы существовать.

Этичное и необходимое – две категории, между которыми приходится делать выбор, то есть совершать этическое действие.

Главный же вопрос остается в том, что именно считать истинно необходимым. Что именно подводит нас к относительной оценке того или иного действия?

«Настоящая этика не может быть относительной» («Этика благоговения перед жизнью не признает относительной этики» [Швейцер, 1992, С. 222]), – говорит Швейцер. С этой точки зрения действие может быть отнесено либо к разряду этичного (положительного или этически нейтрального), либо к разряду неэтичного. При этом его этика не приемлет условностей. Определяющим критерием для нее является лишь способность сохранять и поддерживать жизнь.

Безусловно, столь категоричный подход, использующий абсолютные категории, весьма сложен для восприятия и повседневного применения. Более того, существование в его рамках неизбежно привело бы человека к огромным страданиям от осознания того, какое количество неэтичного совершается им постоянно. Поэтому в нашем сознании двойственная система этической оценки трансформируется в тройственную, в которой, помимо одобрения и осуждения, существует положение оправдания. Мир не кажется нам черно-белым. Простая логика «да – да, нет – нет» уступает место более сложной. Отсюда рождается оправдание. Именно действие, достойное оправдания, может быть отнесено к разряду необходимого. Но каковы критерии определения этой необходимости?

Если предположить в качестве основополагающего фактора критерий «благоговения перед жизнью», то, согласно идее Швейцера, мы должны выказывать равное благоговение по отношению как к своей собственной жизни, так и к любой другой. Возможно ли это на практике? Пожалуй, что нет. Да и сам Швейцер, как и любой человек, неоднократно сталкивался с этим вопросом в жизненных ситуациях. Он был для него принципиальным. Он не раз говорил об

этом. Как и любому из нас, ему приходилось подавлять одну жизнь, чтобы сохранить другую. Как врач он непременно должен был пожертвовать жизнью микроба, чтобы сохранить жизнь человека, как строитель госпиталя – срубить дерево ради постройки здания, как человек – добыть рыбу для прирученного пеликана, который не мог больше летать.

Драма жизни не позволяет нам отречься от неэтичных поступков, абсолютно отречься от подавления другой жизни. В этом этика «благоговения перед жизнью» усматривает трагедию мира, трагедию бытия.

Но отсутствие практической возможности вовсе не означает невозможность стремления!

Жизнь всегда ставит нас перед вопросом, задает нам сложную задачу, называемую этическим выбором. Каков будет этот выбор, зависит от индивидуального понимания каждого человека. И все же есть нечто общее, понятное и доступное каждому, вне зависимости от уровня его погружения в проблему этической оценки.

В контексте благоговения и любви к жизни это общее правило можно выразить короткой формулой: «Не причиняй страданий, которые ты можешь не причинять». «Можешь не убивать – не убивай, можешь не разрушать – не разрушай». Так звучит принцип разумного и осознанного ограничения. Принцип, основанный на доброй воле человека и его стремлении к ней.

Конечно же, каждый волен выбирать то отношение к окружающему миру, которое ему диктует его совесть. Однако, взяв на вооружение определенные принципы отношения к жизни, сделать этот выбор становится гораздо легче. И это чрезвычайно важно для понимания этичного действия и осознанности нашего выбора. Если мы ищем ответ на вопрос, что именно считать необходимым и достойным оправдания в каждой конкретной ситуации, то ответ, безусловно, следует искать внутри себя. Этот выбор постоянен. Это рассуждение неизбежно. Можно, конечно, стараться не думать о нем, но чего тогда стоит разум?

Рациональное действие, основанное на осознанном понимании рационального принципа, открывает перед нами решение вечной и постоянной проблемы выбора между этичным и необходимым. И верным помощником здесь может стать идея уважения и любви, стремление к которым могло бы сопровождать наши поступки.

Понятие и понимание истинно необходимого формирует понимание разумного воздействия. Проявление этого императива в жизни неизбежно и верно означает для нас ограничение деятельности ввиду существующих этических установок.

То, что мы привыкли называть современным рациональным, сохраняющим, современной культурой, по своей сути является лишь частными случаями проявления этого императива. Этическая оценка разрушающей деятельности как недопустимой в конечном итоге приводит к ее осознанной минимизации. В этом этика действительно проявляет себя.

В любом случае наше взаимодействие с окружающим миром, окружающей природой связано с этическим пониманием и этической оценкой.

Этот факт еще раз указывает на неразделимую взаимосвязь понятий этики и науки, этики и практики, этики и культуры. Он указывает на объединяющую роль этического понимания для всех форм человеческой деятельности. Он представляет нам этику как основу нашего отношения.

Понимание критериев выбора этичного и неэтичного, этичного и необходимого заставляет нас разумно устраивать наше отношение к миру. И следует признать, что благоговение перед жизнью, как простой и универсальный принцип определения этичного действия, дает столь же простой и столь же универсальный ответ на вопрос «необходимости необходимого» в каждой конкретной ситуации, с которой мы сталкиваемся на протяжении всей своей жизни.

Наиболее фундаментальный конфликт в современном обществе – это конфликт этики и интересов. Во множестве проявлений мы находим его в нашем

окружении. Он сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни. То, насколько этический принцип и его понимание способны разрешить этот конфликт, привести к разрешению его основы, отречься от него, определяет действенную силу этого принципа.

Современное нам общество противопоставляет этике прагматическое отношение, лишает этику возможности претендовать на рациональность (то есть разумность), противопоставляя ей утилитаризм или редуцируя ее до него.

«Что такое прагматизм? Это философия ценностей, отбросившая этические критерии. Прагматизм говорит: “Любая идея, которая помогает мне жить, истинна”. <...> Так современное мышление приходит к доктрине двойной истины. Теория двойной истины духовно опасна. Если существуют две истины, значит, не существует ни одной. Ощущение искренности притупляется, а это уже не компенсируется мышлением. Искренность – основа всей духовной жизни, и, когда эта основа дает трещину, от духовной жизни не остается ничего. Прагматизм подвергает опасности не только истину и искренность, но и этику – поскольку этика уже не является критерием ценности» [Швейцер, 1996^A, С. 486].

Истинная, безотносительная и универсальная этика не признает интересов в качестве своей основы. Она свободна от них, она попросту пренебрегает ими. И именно потому остается истинной этикой.

Конфликт этики и интересов есть наиболее значимый конфликт нашего бытия. Большинство прочих конфликтов являются всего лишь его частными случаями. Освободиться от интересов. Встать на путь этического самоотречения. Руководствоваться добродетелью как высшей и единственной ценностью на нашем жизненном пути. Тот день, когда человечество осознает всю красоту и разумность этих принципов, станет переломным днем в развитии нашей культуры и нашей цивилизации.

По своей сути этика есть практическая философия, и каждый из нас в полной мере является практикующим философом. Ведь в основе всех наших поступков и действий в конечном счете находится этика: этическая оценка и

этическое понимание – понимание этического, этическая оценка смысла и цели действия и этическое понимание его причины.

Понимание этического действия говорит нам: «я делаю это потому, что это правильно», «я делаю это для того, чтобы мое действие послужило добру».

В единении причины и цели обретает этика свою силу. Принцип благоговения перед жизнью является одним из тех принципов, который органично, без лишних измышлений и построений сочетает в себе два этих мотивирующих понимания. А потому является по-настоящему действенным принципом. Одновременно просто объясняет он причину действия и его цель. Так же просто он определяет критерий оценки и отнесения действия к этическому и неэтическому. В этом скрывается его сила и его разумная действенность.

Благоговение перед жизнью принимает своей основой единственный и естественный интерес, интерес жизни, интерес воли к жизни. «Ich bin Leben, das leben will, inmitten von Leben, das leben will»¹³ [Schweitzer, 2007, С. 308], – звучит определяющее ее положение. Естественный интерес к развитию жизни, одновременно характерный для любых ее проявлений, – основа принципа благоговения.

В свете этого принципа конфликт этики и интересов становится наиболее острым. Частные интересы одной жизни неизбежно пересекаются с интересами другой жизни. В этом благоговение перед жизнью находит трагедию нашего мира и нашего бытия. Но этика благоговения перед жизнью является, безусловно, оптимистичной концепцией. Она говорит о том, что нашей целью является не изменение естественной, предустановленной природы мира, но изменение окружения настолько, насколько оно зависит от нашей воли.

В этом заключается возможность проявления этического принципа благоговения как практического действия и его применения для решения многочисленных конфликтов интересов и этики. То, насколько простой и разумной представляется эта возможность, во многом характеризует уровень

---

¹³ «Я есть жизнь, которая хочет жить, существующая среди жизни, которая хочет жить» (нем.).

развития нашей культуры и нашу способность и стремление к гармоничному существованию, избегающему конфликтов.

В свете этики благоговения перед жизнью многие конфликты находят простое и действенное решение. Единственное, чего требует от нас этот принцип, – разумное размышление и переживание, исходящее из внутреннего побуждения.

Продемонстрировать это предположение во многом является задачей истинной, универсальной и действенной этики.

Говоря о действенном разрешении нравственных конфликтов, обратим внимание на то, что большинство исследователей, сталкивающихся с анализом концепции «Благоговения перед жизнью» Альберта Швейцера, отмечают наличие в ней огромного внутреннего *противоречия*. Отмечают правильно. И здесь хотелось бы подробнее рассмотреть это противоречие и определить его место в этической концепции Швейцера.

Для этого, прежде всего, следует выделить два главных фактора, которые слагают это противоречие. Они таковы:

1. Этика Швейцера объявляет безграничной ценность любой жизни, а этическим – действие, помогающее сохранению и развитию жизни.
2. В реальном мире одна жизнь неизбежно вынуждена подавлять или уничтожать другую, для того, чтобы существовать самой.

Разберем каждое из этих положений подробнее. Как известно, основной предпосылкой идеи о нравственном отношении к жизни у Швейцера является ее единство в стремлении жить. «Я – жизнь, которая хочет жить, я – жизнь среди жизни, которая хочет жить» [Швейцер 1992, С. 217] – так звучит основная предпосылка к дальнейшему размышлению. Она приводит этический поиск Швейцера к следующему определению: «Этика заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать *равное* (здесь и далее курсив мой – С. Г.) благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом состоит основной принцип нравственного.

Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [Швейцер 1992, С. 218]. Исходя из этого определения можно предположить, что безгранично этичным было бы такое существование, при котором уничтожение или же любое принижение воли к жизни было бы невозможным. Как воли к жизни во мне, так и воли к жизни вне меня.

Однако, здесь рождается то самое противоречие, создаваемое самой природой, самой сущностью нашего бытия – противоречие раздвоения воли к жизни во мне и вне меня. Разумеется, Швейцер отмечает это. И отмечает неоднократно: «И я подвержен раздвоению воли к жизни. В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнями <...> Чтобы сохранить свою жизнь, я должен оградить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред <...> я могу уничтожить бактерии, которые подвергают мою жизнь опасности. Я добываю для себя пищу путем уничтожения растений и животных. Мое счастье строится на вреде другим людям» [Швейцер 1992, С. 222]. Приведенная выше цитата относится к знаменитой XXI главе книги «Культура и этика». Однако еще за несколько лет до ее выхода свет (в 1923 г.) Швейцер публично говорит о фундаментальном противоречии в своих проповедях, посвященных этической проблеме¹⁴. «Природе все это (благоговение перед жизнью – С. Г.) неведомо. С удивительным упорством она порождает неисчислимые формы жизни и с поразительно беспечностью уничтожает их. <...> Эта великая воля, воля к жизни, благодаря которой живет и сохраняется природа, непостижимым образом противоречит сама себе. <...> Воля к жизни таит в себе непостижимое противоречие – сама жизнь выступает против жизни, причиняя страдания и смерть, невинная и в то же время виновная» [Швейцер 1990, С. 131].

Но если природа не наделена способностью нравственной оценки, то человек наделен ею. Следовательно, перед этикой должен встать вопрос о

---

¹⁴ 15 проповедей, произнесенных Швейцером в страсбургской церкви св. Николая в 1919 г. Полный текст на немецком языке можно найти в издании: Schweitzer, A. Predigten. 1898–1948. – München: C. H. Beck, 2001. – S. 1233–1319.

возможности преодоления этого фундаментального противоречия. Здесь Швейцер бескомпромиссен: «Как же оправдывает этика ту жестокую необходимость, которой я подвержен в результате раздвоения воли к жизни? Обычная этика ищет компромиссов. Она стремится установить, в какой мере я должен пожертвовать моей жизнью и моим счастьем и сколько я должен оставить себе за счет жизни и счастья других жизней. Таким путем она создает прикладную, относительную этику <...> Тем самым она приводит к чудовищному заблуждению, способствует все большему затемнению понятия этического» [Швейцер 1992, С. 222]. Это заявление кажется безапелляционным и неразрешимым, однако сам Швейцер решает его так: «Человек становится более нравственным не благодаря идее взаимной компенсации этики и необходимости, а благодаря тому, что *он все громче слышит голос этики, что им овладевает все сильнее желание сохранять и развивать жизнь...*» [Швейцер 1992, С. 222]. Именно здесь поднимаются критически важные для осознания внутреннего противоречия этики Швейцера понятия: понятия этического (в ориентирах благоговения перед жизнью) и необходимого. Конфликт этического и необходимого – становится для человека основным этическим конфликтом, который он непрестанно должен решать в тысячах его проявлений. Сам Швейцер отмечает, что «в этических конфликтах человек может встретить только субъективные решения. Никто не может за него сказать, где каждый раз проходит крайняя граница настойчивости в сохранении жизни» [Швейцер 1992, С. 223]. Таким образом, Швейцер вверяет оценку и принятие решения каждому человеку. Он видит лишь субъективную границу между этическим и необходимым. Но существует ли объективная граница?

Современные авторы часто пытаются найти ее (особенно часто этот поиск проявляет себя в прикладной этике).

А. А. Гусейнов, говоря об этике ненасилия, отмечает: «Что этика ненасилия, любви и милосердия, и современная цивилизация несовместимы между собой – это вещь настолько очевидная, что обойти ее невозможно. Весь вопрос в том, какую сторону занять: встать ли на этическую, нравственную позицию и

поставить под вопрос современную цивилизацию <...>, или говорить от имени цивилизации и под нее приспособить нравственное учение, как это делают большинство авторов...» [Гусейнов 2016, С. 9]. Примерно то же самое можно сказать и о поиске объективной границы между этическим и необходимым. Можно занять лишь две позиции: позицию активного поиска компромисса, или бескомпромиссную этическую позицию. Очевидно, что при втором подходе полностью этическая жизнь представляется физически невозможной, как невозможной становится и чистая совесть. Сам Швейцер вынужден был сталкиваться с этим фактом. Он был врачом и, конечно, должен был уничтожать вредные микроорганизмы в ранах своих пациентов, тем самым безусловно принижая волю к жизни. В его больнице в Ламбарене жили пеликаны (об этом мы знаем из его повествований и по многочисленным фотоматериалам). Одного из них он вылечил сам. Но пеликаны питаются рыбой. Опять неизбежность субъективной оценки и выбора между этическим и необходимым. Бесконечное число подобных ситуаций составляют жизнь. По Швейцеру, противостоять этой трагедии в какой-то мере может лишь этика.

Этика и нравственность для Швейцера едины. «Этика в его понимании – это и есть нравственность, притом единственно возможная. А все остальное не имеет права называться этим именем. То, что принято считать моралью <...> не имеет отношения к этике» [Гусейнов 1992, С. 540]. Для него этика является формой действия [Гусейнов 1992, С. 540], самой жизнью, если рассматривать жизнь как совокупность действий, неизбежно имеющих этическую «цену». Осознание этой цены – рефлексия, анализ уже является этическим действием, рациональным этическим действием, проистекающим из факта признания воли к жизни во мне и вне меня как основы основ этики. Это действие и есть этика.

Что же, таким образом, выход из внутреннего противоречия в этике Швейцера действительно возможен лишь в субъективной оценке? Да. Это одновременно удручает, но и воодушевляет. Субъективный поиск неизбежно обращает человека к поиску критерия нравственного. «Борьбу против зла,

заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда над другими, а с помощью собственного суда над собой» [Швейцер 1992, С. 221], – говорит Швейцер. Точно так же мы ведем борьбу против зла принижения жизни как факта, как категории. Одно это уже является огромной заслугой концепции Швейцера. Рациональный поиск компромиссов, в конце которого возможна бескомпромиссная позиция является одним из ценнейших ее компонентов. Рационализм, столь характерный для этики (и всего мировоззрения) Швейцера, вступает здесь в органичную взаимосвязь отчасти (лишь отчасти) с мистическим пониманием воли к жизни, на котором основывается его этический принцип¹⁵.

«Субъективная ответственность, и вглубь и вдаль уходящая в бесконечное, ответственность за всю жизнь, принадлежащую сфере влияния человека, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, – это и есть этика», – утверждает Швейцер. [Швейцер 1992, С. 216].

Внутренняя противоречивость этики Альберта Швейцера, заключающаяся в том, что одна жизнь неизбежно вынуждена подавлять другую, ведет человека к *постоянной* этической рефлексии, постоянному процессу этического совершенствования, стремления к идеалу, *постоянному этическому развитию*,

---

¹⁵ Необходимо указать, что вопрос о мистицизме в мировоззрении Швейцера до сих пор остается остро дискуссионным среди отечественных исследователей. Однако, здесь следовало бы привести цитату самого Швейцера из предисловия к «Культуре и этике»: «Отношение к многообразным проявлениям воли к жизни, которые составляют мир, в духе благоговения перед жизнью – это этическая мистика. Любое глубокое мировоззрение – мистика. Ведь существо мистики в том, что из моего непосредственного, наивного бытия в мире благодаря размышлению над сущностью Я и мироздания вырастает духовная преданность таинственной бесконечной воле, проявляющейся в универсуме» [Швейцер 1992, С. 88].

В одной из своих последних крупных философских работ – «Мировоззрении индийских мыслителей» (увидела свет в 1934 году) Швейцер так же указывает: «Мистика в основе которой лежит этика, в высшей степени рациональна <...> Приняв эту мистику, исходящую из этики, человек получает непосредственно и навечно мировоззрение в котором уже содержатся все идеалы истинной человечности, равно как и глубочайшая духовность и импульс к деятельности» [Швейцер 2002, С. 250-251] (В этой главе Швейцер, конечно же, говорит о своей этике благоговения перед жизнью).

А. А. Гусейнов в своей знаменитой статье «Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера» указывает, в качестве парадокса тот факт, что в философии Швейцера много парадоксального, «и основной парадокс состоит в том, что он рационально ограничивает пределы рационального, логически обосновывает нелогичность этики. В его “Культуре и этике” есть слова которые были бы более уместны в книге поэтической или пророческой, чем научной: “Мистика является не другом, а скорее врагом этики. Она поглощает ее. И все же, несмотря на это, этика, удовлетворяющая мышление, рождается из мистики”» [Гусейнов 1992, С. 535]. В. А. Петрицкий так же отмечает, что «швейцеровская воля к жизни преисполнена мистицизма. Но не того бытового мистицизма, который сейчас в моде, а космического мистицизма как ощущения тайн, трансцендентного в зарождении и проявлении воли к жизни» [Петрицкий 2011, С. 73].

рождающемуся из миро- и жизнеутверждения (Welt- und Lebensbejahung), и проявляющему себя в этическом самоотречении. В этом, вероятно, состоит основная внутренняя сила этической концепции Швейцера.

Как заметил сам Швейцер в докладе «Проблема этики в ходе развития человеческой мысли», прочитанном им 20 октября 1952 года во Французской академии социальных наук: «В мире воля к жизни находится в конфликте сама с собой. В нас она ищет мира сама с собой» [Швейцер, 1992, С. 507].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, внутреннюю противоречивость этики Швейцера следовало бы поставить скорее в качестве ее заслуги, но ни в коем случае не как фундаментальный ее недостаток.

В завершение главы приведем основные **выводы**, которые следуют из нее. Прежде всего необходимо обратить внимание на этическую основу нашей культуры, на культуросотворяющую (культуросозидающую) функцию этики. Этическая оценка наших действий сопровождает нас всегда, сосредотачиваем ли мы на ней свое внимание или же нет. А этическое понимание действительности не ограничивается пределами внутриобщественных отношений. Все это позволяет рассмотреть этическое или нравственное понимание бытия как универсальную основу для разрешения вопроса о должном характере взаимодействия между нашим обществом и окружающей его природой, между двумя проявлениями единого феномена жизни.

Этическое понимание одновременно наделяет нас не только способностью к сочувствию и соощущению окружающей жизни, но и глубочайшей ответственностью за нее. А идеалы уважения и любви к окружающей жизни в высшем своем проявлении, проявлении сочувствия и ответственной сопричастности к ней, положительно отвечают на вопрос о возможности взаимосозидательного или хотя бы неразрушительного сосуществования природы и общества.

Именно эти идеалы лежат в основе этического принципа «благоговения перед жизнью», предложенного миру Альбертом Швейцером. Проявление

деятельной любви к жизни в этике Швейцера не противопоставляется тому неизбежному количеству страданий, которые мы ей причиняем, не служит его компенсацией. Добро в ней воспринимается как нечто должное, как нечто нормальное, не возвышающее человека над обстоятельствами и другими людьми, но делающее его подлинным человеком. Истинная этика в понимании Швейцера не использует громких слов, не выступает с настойчивыми требованиями и не вызывает к эмоциям. Она просто действует. Действует как нечто обычное – как то, что вочеловечивает человека и делает его достойным этого звания.

Особенно важно, что этический принцип «благоговения перед жизнью» является поистине универсальным. Благоговение перед жизнью не модифицирует основополагающее правило этических отношений, не дополняет, а скорее утверждает его, расширяя границы его применимости. Именно это соответствие, это утверждающее положение делает этику благоговения перед жизнью универсальной, понятной и общедоступной.

Этический принцип уважения и любви к окружающей жизни, к совокупности окружающих жизней не противоречит культурной традиции, не привносит в нее принципиально новых элементов, но утверждает ее, расширяя ее применимость. В этом заключается главная предпосылка к имплементации принципа благоговения перед жизнью в культуре современного общества.

Что касается критериев выбора, критериев этического, то, как полагает сам Швейцер, этика благоговения перед жизнью не может быть относительной, что усиливает в нашем понимании драматизм нашей жизни, где одна жизнь вынуждена подавлять другую, чтобы существовать. «Я всегда вынужден выбирать между этическим и необходимым», – заключает Альберт Швейцер. Этическое и необходимое – две категории, между которыми приходится делать выбор, то есть совершать этическое действие.

Главный же вопрос остается в том, что именно считать истинно необходимым? Что именно подводит нас к относительной оценке того или иного

действия? Критерий этики благоговения перед жизнью прост и понятен – в этом заключается его сила.

Понимание же критериев выбора этического и неэтического, этического и необходимого заставляет нас разумно относиться к миру. И следует признать, что благоговение перед жизнью как простой и универсальный принцип определения этического действия дает столь же простой и универсальный ответ на вопрос о необходимости «необходимого» в каждой конкретной ситуации, с которой мы сталкиваемся на протяжении всей нашей жизни.

Наиболее фундаментальным конфликтом в нашем обществе является конфликт этики и интересов. Во множестве проявлений мы находим его в нашем окружении. Он сопровождает нас на протяжении всей нашей жизни. То, насколько этический принцип и его понимание способны разрешать этот конфликт, отречься от него, определяет действенную силу этого принципа.

Что касается отношений с окружающей жизнью, то этика Швейцера говорит нам о том, что частные интересы одной жизни неизбежно пересекаются с интересами другой жизни. В этом благоговение перед жизнью видит трагедию нашего мира и нашего бытия. Но этика благоговения перед жизнью является, безусловно, оптимистичной концепцией. Она говорит о том, что нашей целью является не изменение природы мира, но изменение бытия настолько, насколько оно зависит от нашей воли. В этом заключается возможность реализации этического принципа благоговения в виде практического действия и его применения для решения многочисленных конфликтов интересов и этики. То, насколько простой и разумной представляется эта возможность, во многом характеризует уровень развития нашей культуры и нашу способность и стремление к гармоничному существованию, избегающему конфликтов.

В свете этики благоговения перед жизнью многие конфликты находят простое и действенное решение. Единственное, что требует от нас этот принцип, – разумное размышление и переживание, исходящее из внутреннего побуждения.

Продемонстрировать это предположение во многом является задачей истинной, универсальной и действенной этики.

Внутренняя противоречивость этики Альберта Швейцера, заключающаяся в том, что одна жизнь неизбежно вынуждена подавлять другую, ведет человека к *постоянной* этической рефлексии, постоянному процессу этического совершенствования, стремления к идеалу, *постоянному этическому развитию*, рождающемуся из миро- и жизнеутверждения (Welt- und Lebensbejahung), и проявляющему себя в этическом самоотречении. В этом, вероятно, состоит основная внутренняя сила этической концепции Швейцера.

2 ЭТИКА «БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ» И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА С ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДОЙ

2.1 Этика благоговения и ее деятельное понимание.

От возможности к вероятности

Переходя от экспозиции оснований любой, даже самой высокой идеи к предпосылкам и самой возможности ее деятельного понимания, прежде всего необходимо отдавать себе отчет в том, насколько это понимание согласуется с объективной реальностью нашего мира. Реальностью как естественной (натуральной, физической), так и культурной (общественной, исторической, социальной). Как часто, упуская из вида тот или иной компонент, сосредотачивая свое внимание лишь на одной из этих двух составляющих, высокая идея не находит дороги к своему воплощению.

Задача этой части работы видится главным образом в том, чтобы продемонстрировать понимание идеи «благоговения перед жизнью» реалистичным и рациональным – равно основывающимся как на естественной, так и на культурной реальности.

Говоря о естественных предпосылках воплощения идеи нравственного отношения к окружающей жизни, проявляющегося в этическом принципе «благоговения» перед ней, прежде всего стоит упомянуть о простом и очевидном для современного общества факте: факте его (общества) абсолютной зависимости от окружающей его жизни – от окружающего его растительного и животного мира.

Вновь и вновь мы приходим к пониманию и констатации этого факта. Во многом эта зависимость происходит от факта единства биологической природы нашего общества и окружающей жизни. Одна жизнь неразрывно связана с

тысячью жизней, ее окружающих. Эта зависимость была определена самой историей и направлением развития жизни.

С точки зрения современной эволюционной теории нелепо было бы рассматривать развитие общества и человека как вида в отрыве от предшествующего и сопутствующего ему развития окружающей жизни. Единство процесса эволюции природных сообществ, коэволюции, проявляющейся в следующей из нее коадаптации организмов, объединяет жизнь как явление, формирует величественную картину единства и сложности феномена жизни, которая, вероятно, не может быть охвачена полностью даже самым пронизательным мысленным взором [Горшков и др., 2000; Горшков, Макарьева, 2001; Дарвин, 2014; Докинз, 2013; Марков, 2010; Марков, Наймарк, 2014; Циммер, 2014].

«Века и тысячелетия прошли, пока человеческая мысль смогла отметить черты единого связного механизма в кажущейся хаотичной картине природы» – утверждал В. И. Вернадский [1989 (1926), С. 14]. И вот теперь мы отчетливо наблюдаем эту взаимосвязь и нашу бесконечно тесную вовлеченность в нее.

Зависимость общества от окружающей жизни не является для него в какой бы то ни было степени оскорбительной, не говорит о недостаточном уровне его развития, но, напротив, является естественной закономерностью, проистекающей из единства и общности феномена жизни. Так же и окружающая жизнь остается во многом зависимой от нашего общества, и с течением времени эта взаимная зависимость лишь только усиливается. Рост технологической мощи человеческой цивилизации, ее значительный численный рост заставляют нас все больше и больше обращать внимание на эту зависимость, которую, впрочем, мы часто замечаем лишь в отдельных ее проявлениях – проявлениях конфликтных и кризисных. И лишь обратившись к естественной созависимости общества с окружающей жизнью, мы можем по-настоящему, в действительности увидеть картину нашего мира, в котором проявляется бесчисленное количество сложных взаимосвязей, которые делают его таким, каким мы можем его наблюдать.

В свое время великий Гёте уподобил природу «единственной книге, с великим содержанием на каждом листе». И эта метафора на самом деле лишь отчасти является таковой. Разнообразие и удивительная сложность взаимосвязи и взаимозависимости жизни, которую представляет собою природа, которые наблюдаются нами в природе, говорят о том, что содержание этой «книги» неразрывно связано друг с другом и потеря лишь нескольких «слов» из него является невосполнимой утратой.

В этом и заключается связь этики благоговения перед жизнью с объективной, (биологической, естественной, природной) реальностью.

Что же касается реальности культурной, то здесь дело обстоит немного сложнее. Как известно, человеческая культура многообразна и имеет свойство эволюционировать – изменяться во времени. То, что еще вчера казалось нам верным, сегодня кажется безумным и устаревшим, а сегодняшнее понимание с большой вероятностью так же скептически будет восприниматься в будущем.

Современная культура во многом отличается большим значением в ней объективного, научного знания. Оно стало, пожалуй, ведущей основой цивилизации, наряду с моральным законом, в той или иной степени, той или иной интерпретации воспринимаемым всеми людьми. И все же, говоря о силе научного знания, следует справедливо отметить его основополагающую роль в развитии современного общества.

Впрочем, многие склонны находить в этом и отрицательную сторону. И во многом эта точка зрения также является справедливой. Прежде всего потому, что разрыв между научным прогрессом и прогрессом нравственным порой достигает огромных масштабов.

«Человек овладевает природой, еще не научившись владеть самим собой» [Никольский, 2013, С. 162], – гласит выражение, традиционно приписываемое авторству Альберта Швейцера. Вероятно, оно как нельзя лучше характеризует дух нашего непростого и опасного для дальнейшего развития времени. Наглядные

примеры этого предположения мы можем видеть во множестве современных примеров, речь о которых пойдет в третьей главе настоящей работы.

Сам Швейцер находил в разрыве между этическим и технологическим, научным развитием цивилизации основу того культурного кризиса, который удалось ему засвидетельствовать при своей жизни и который в определенной степени можно наблюдать и сегодня.

И все же сконцентрируем свое внимание на развитии научного знания как объективной особенности современной культуры, как одной из ее направляющих.

Это понимание, в частности, заключено в девизе Ф. Бэкона «Знание – сила» («Knowledge itself power»). Английский естествоиспытатель и философ, несомненно, был прав, когда охарактеризовал наше знание в виде силы – силы, которая действует. Последствия же этого действия главным образом определяются тем, куда она будет направлена. Само по себе знание науки нейтрально. Оно подобно свету от далеких звезд, который вдохновляет поэтов или водит корабли в пространстве морей. Куда же будет держать курс этот корабль, зависит в первую очередь от желания направляющей его команды и состояния рулевой доски – маленького, но самого важного, сокровенного механизма в устройстве огромного корабля. Таким устройством для нас является нравственное понимание.

Знание – сила, но приложение этой силы, ее проявление в нашем мире целиком и полностью зависит от нашего мироощущения и отношения к миру. Иными словами, проявление силы, которое предоставляет нам понимание мира, всецело зависит от нашего нравственного отношения и от этического закона, который действует в нас.

И здесь необходимо сказать о безграничной важности второй составляющей нашей культуры – нравственной составляющей. Именно этическое понимание во многом формирует сам образ культуры, поскольку именно оно определяет наши поступки, служит тем самым направляющим механизмом, согласно которому прикладывается огромная сила знания. А потому этика и этическое понимание

представляются объективно столь же важной чертой культурной реальности, как и рациональное знание.

Таким образом, мы можем смело предположить, что этическая идея благоговения перед жизнью самым непосредственным образом связана с объективной реальностью, сразу в двух ее составляющих – естественной и культурной, а потому возможность воплощения этого принципа представляется весьма разумной, ведь сама предпосылка этой идеи заключается в устройстве нашего мира таким, каким мы его знаем и наблюдаем сегодня.

Однако на нелегком пути от декларации и анализа какой-либо, возможно даже самой сильной идеи к вопросу о ее понимании, влекущем за собой возможное деятельное ее проявление в мире, необходимо, конечно, проанализировать вопрос о ее месте в существующей системе нашего знания и системе современного устройства отдельных видов человеческой деятельности. Говоря проще – указать на ее место и ее необходимость в контексте какой-либо узкой проблемы. Ведь именно такое, во многом наглядное рассмотрение способно будет утвердить понимание о применимости идеи и ее принципов к наблюдаемой нами действительности.

В этой связи встает вопрос о необходимости рассмотрения и анализа не просто идеи «благоговения перед жизнью» как этического принципа, но значения этики и этического понимания вообще, в контексте вопросов сохранения окружающей жизни – охраны природы и разумного (рационального) использования природных ресурсов. То есть рассмотреть вопрос о месте этики в основе охраны природы и рационального природопользования.

И разумным было бы сделать это последовательно, переходя от одного вида деятельности к другому, находя и указывая общие звенья, характерные для основы обоих, – рассматривая начала, лежащие в основе всей деятельности, направленной на сохранение окружающей нас жизни.

«Еще более 170 лет назад, в 1838 году, Р. Эмерсон в лекции, прочитанной в Бостоне, отметил, что все первоначально зарождается в умах людей и лишь затем находит свою реализацию в мире:

«Каждая нация и каждый человек немедленно окружает себя материальным аппаратом, *точно соответствующим их моральному состоянию или состоянию их мыслей...* Понаблюдайте, как каждая правда и ошибка, каждая мысль чье-либо ума одевают себя обществами, домами, языком, церемониями, газетами. Понаблюдайте за идеями сегодняшнего дня... посмотрите, как каждая из этих абстракций обрела плоть в виде внушительного социального аппарата, и, подобно древесине, кирпичу, известняку или камню, приняла удобную форму, повинувшись главной идее, царствующей в умах многих людей. Отсюда, конечно, следует, что малейшее распространение его идей, малейшее смягчение его чувств по отношению к другим... может вызвать поразительные перемены в окружающих вещах» [цит. по: Лосев, 2010, С. 188-189].

Иными словами, материальные проявления нашей культуры зависят от наших стремлений и понимания, а сознание определяет бытие¹⁶.

Современное общество, перешагнув порог третьего тысячелетия, осознало свою подлинную зависимость от окружающего его живого мира. Старая истина гласит: чтобы начать по-настоящему ценить что-то, надо это потерять. Так и человечество, уничтожив, подчас бездумно, многие и многие тысячи экологических систем, наконец обратилось к важности и необходимости охраны окружающей природной среды.

Несмотря на очевидную важность сохранения естественных природных экологических систем, человечество продолжает нещадную их эксплуатацию: порой ради элементарного выживания, а порой лишь ради неразумного обогащения.

---

¹⁶ Хотя в контексте идеи «благоговения перед жизнью» бытие, в свою очередь, также определяет сознание, поскольку сам этический принцип, предложенный А. Швейцером, основывается на соощущении жизни («во мне и вне меня») и проявлении ее внутренней, естественной воли.

Порою даже приходится искать ответ на вопрос о том, к какой сфере деятельности более прочих относится охрана природы. Совершенно необходимо заметить, что «прикрепить» охрану природы к какой-либо одной, конкретной сфере человеческой деятельности представляется совершенно невозможным. Многочисленность и многогранность рассматриваемых вопросов определенно указывают на пересечение нескольких начал, образующих основу природоохранного дела. Впрочем, в результате некоторых размышлений можно прийти к выводу, что их, в общем-то, не так уж и много, а потому попробуем рассмотреть их независимо и по отдельности.

Первое начало – экологическое. Глубокие, фундаментальные *знания* о функционировании сложнейших надорганизменных живых систем в совокупности со взаимодействием с окружающей их средой. Именно эти знания являются отправной точкой для обоснованного и обдуманного подхода к делу сохранения жизни на самом высоком – экосистемном уровне ее организации.

Второе начало – этическое. Начало, указывающее на *понимание верности и разумности* действий.

Наконец, третье начало – правовое. *Обеспечение* приложения наших знаний к нормам жизни современного общества осуществляет инструмент права – юридического закрепления их в виде установленных норм, правил и мер.

Знание, понимание и ответственное применение – три этих начала, вероятно, являются основой природоохранной деятельности, основой ее культуры. Поэтому специалисту, желающему посвятить свою жизнь этому благородному и столь необходимому в наши дни делу, очень важно погрузиться во все три области знания. И хотя первое и третье из указанных начал привлекают к себе всеобщее внимание, этическое начало в деле охраны природы остается подчас незамеченным. Но именно этическое начало создает ту *концептуальную среду*, в которой и существует вся природоохранная деятельность.

Таким образом, можно сделать предположение о рассмотрении охраны природы в рамках системы экологического знания, этической концепции и правового инструмента реализации.

Однако, в таком случае возникает закономерный вопрос о месте экономики в сохранении проявлений окружающей жизни. Существует ли экономическое начало в сфере охраны природы? Здесь необходимым представляется сделать маленькое отступление от линии повествования.

Возможно, стоит согласиться с тем, что сохранение естественных природных экосистем способно приносить прибыль. Но эта прибыль заключена не в валютном эквиваленте, а в количестве аккумулированной и переработанной экосистемой энергии. Таким образом, само понятие прибыли здесь относится не к экономической, а сугубо к экологической сфере и принадлежит к экологическому началу охраны природы.

Попытка вывести монетарный эквивалент сохраняемой природной единицы как на генетическом, так и на видовом или экосистемном уровне обречена на провал, поскольку каждая такая единица бесценна. Бесценна в силу своей индивидуальной неповторимости и уникальности, а также невозможности ее полного воссоздания в будущем в случае утраты.

Что же касается прибыли, выражаемой в валютном эквиваленте, то охрана природы не способна обеспечить положительный баланс, то есть получение какой-либо прибыли.

Как только речь заходит о получении прибыли в монетарном значении, в любом случае появляется компонент эксплуатации природных систем, который не имеет никакого отношения к охране природы.

Сугубо экономические вопросы имеют к делу охраны природы лишь опосредованное, отдаленное отношение и никогда не должны ставиться в главенствующее положение. Бизнес заинтересован лишь в получении дохода, который может быть обеспечен исключительно методами эксплуатации природных экосистем. Он не заинтересован в их сохранении в первоначальном виде.

Именно поэтому стоит всегда принимать во внимание тот факт, что экономическое начало в деле охраны природы если вообще имеет место, то должно находиться в конце списка приоритетов.

Впрочем, если к рассмотрению основы охраны природы еще можно подойти с относительно бескомпромиссной позиции, то, когда речь заходит о вопросах естественно обусловленного использования природы и природных ресурсов, рассуждение становится несколько более сложным.

Но прежде всего необходимо сделать еще одно отступление и задать вопрос о том, что именно определяет рациональность, то есть разумность деятельности. Возможно, ключевое понятие, определяющее разумность любой, в том числе и преобразующей деятельности, – это ответственность. Но деятельная ответственность не формируется сама по себе. В ее основе находится определенное понимание, а ее реализация должна опираться на некоторое знание и обеспечиваться создаваемыми условиями. Наверное, именно это можно назвать культурой деятельности.

Вопрос оптимизации (рационализации) системы природопользования является одним из ключевых экологических вопросов современности. Очевидным является факт полной зависимости человечества от используемых и эксплуатируемых им природных ресурсов, что делает изучение основ природопользования одним из важнейших направлений современной научной деятельности.

Однако многие авторы отмечают, что сам термин «природопользование» до сих пор не имеет однозначного толкования, а теория природопользования еще находится в стадии формирования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011; Лосев, 2010].

Закономерен вопрос: зачем уделять время такой, казалось бы, глубоко изученной проблеме? Этот вопрос не только закономерен, но и вполне логичен. Ведь, кажется, нет ничего проще, нежели определить основу использования природы в качестве экономической или же эколого-экономической категории.

Можно расширить этот обзор и привлечь в него множество подчиненных понятий, областей знания и дисциплин. А можно распространить этот обзор настолько, что сведенную логическую схему трудно будет воспроизвести по памяти. Значит, задача состоит в том, чтобы попытаться найти тот достаточный минимум, при котором логическая система основы деятельности будет полно и вместе с тем достаточно просто описывать ее. Безусловно, все приведенные ниже рассуждения остаются лишь рассуждениями, руководствующимися в равной степени и фактическими наблюдениями, и субъективным мысленным взглядом. Они вовсе не претендуют на конечную истинность. Их задача состоит лишь в том, чтобы показать всю сложность основы вариантов взаимодействия общества с окружающей природной средой и, что более важно, акцентировать внимание на некоторых основных моментах, которым, безусловно, следовало бы уделить в равной степени пристальное внимание.

Но прежде всего необходимым представляется рассмотреть современное понимание предмета и задач природопользования, а также определение самих терминов «природопользование», «эффективное природопользование» и «рациональное природопользование».

Как известно, само слово и понятие «природопользование» было предложено еще в 1959 году зоологом Ю. Н. Куражсковским, который привел в качестве его определения следующий тезис: «Задачи природопользования как науки сводятся к разработке общих принципов осуществления всякой деятельности, связанной либо с непосредственным использованием природой и ее ресурсами, либо с изменяющими ее воздействиями. Конечная цель этой разработки – обеспечить единый подход к природе как к всеобщей основе труда» [Природопользование..., 2009, С. 18].

Важно, что в этом определении задачи природопользования отражен подход к природопользованию как к науке, некоей системе знаний.

Обобщая имевшиеся к концу 1980-х годов работы, известный отечественный эколог Н. Ф. Реймерс привел сразу шесть определений

природопользования [Природопользование..., 2009], два из которых, пожалуй, заслуживают особого рассмотрения и внимания.

Одно из этих определений гласит, что под природопользованием понимается «комплексная научная дисциплина, исследующая общие принципы рационального (для данного исторического момента) использования природных ресурсов человеческим обществом» [Реймерс, 1990, С. 405].

Другое определение указывает на природопользование как на «совокупность всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мер по его сохранению» [Реймерс, 1990, С. 404].

Исходя из анализа приведенных выше определений, можно отметить, что современное понимание природопользования вмещает в себя понимание о нем и как о процессе использования природных ресурсов, и как о системе знаний, организующих этот процесс.

Оба этих понимания логически приводят к необходимости определения понятий «эффективного» и (или) «рационального» природопользования.

В своей работе Реймерс определяет рациональное природопользование как «систему деятельности, призванную обеспечить экономную эксплуатацию ресурсов и условий и наиболее эффективный режим их воспроизводства с учетом перспективных интересов хозяйства и сохранения здоровья людей» [Реймерс, 1990, С. 405].

Впрочем, следует отметить, что существуют и другие, весьма похожие определения этого термина. Например, рациональное природопользование понимается как «система деятельности общества, призванная обеспечить наиболее эффективный режим эксплуатации и воспроизводства природных ресурсов в сочетании с сохранением параметров среды обитания, здоровья людей, необходимых человеку как биологическому виду и разумному социальному существу» [Плотников, 2004, С. 15].

В определенной степени в этих формулировках проявляется и понятие эффективности природопользования как эффективности режима эксплуатации и воспроизводства природных ресурсов.

Интересным является вопрос о взаимоотношении понятий «эффективного» и «рационального» природопользования. Обзор современных источников показывает, что эти понятия во многом тождественны, поскольку рациональное современное природопользование одновременно является и эффективным.

Однако здесь необходимо учесть факт возможного различия в понимании эффективности природопользования как процесса эксплуатации природных ресурсов с уклоном в экономически или же экологически ориентированную сторону.

Во многом соотношение понятий эффективности и рациональности зависит от господствующего подхода к определению этих терминов.

Интересно также отметить, что в приведенном выше определении Куражсковского еще присутствует термин «природа», тогда как в последующих приоритет отдается уже более специальным понятиям: «природные ресурсы» и «природно-ресурсный потенциал».

Интересное и развернутое определение природопользования было предложено В. В. Дежкиным. Природопользование рассматривается в нем как «деятельность человека по изучению, разведке, извлечению, первичной переработке (обогащению) природных ресурсов с целью их прямого потребления или обеспечения ими производственной сферы, осуществляемая с учетом основных эколого-экономических, социальных и природоохранных критериев, официально принятых обществом» [Дежкин, Попова, 2005, С. 11].

В. В. Дежкин и Л. В. Попова предлагают схему, дифференцирующую общее природопользование на два более или менее самостоятельных направления: «природопользование, занимающееся рациональным использованием возобновимых ресурсов... и природопользование, поле деятельности которого заключается в использовании всех остальных ресурсов» [Дежкин, Попова, 2005,

С. 15]. Первое из этих направлений предлагается именовать биологическим природопользованием, стратегической задачей которого является «обеспечить требуемое соотношение воспроизводимых природой (иногда с помощью человека) ресурсов с их изъятием, с тем, чтобы на протяжении определенных эксплуатационных периодов изъятие не превышало прироста» [Дежкин, Попова, 2005, С. 15].

Приведенные выше примеры призваны обратить внимание на разнообразие и большое количество модификаций современных представлений о природопользовании и, следовательно, различиях и широте спектра понимания основ этой деятельности.

Однако же стоит вернуться к простой идее выделения и рассмотрения компонентов, составляющих основу природопользования, уже имевшей место выше, при попытке рассмотрения начал, слагающих основу культуры процесса сохранения окружающей жизни – культуру процесса охраны природы.

Как уже было отмечено, рациональное природопользование по современным представлениям должно быть и эффективным. Но эффективным как с экономической, так и с экологической точки зрения. Для понимания путей достижения такой комплексной, ответственной эффективности очень важно выделить начала, лежащие в основе процесса рационального природопользования, а также связать их с понятием культуры природопользования.

Однако, в отличие от охраны природы, природопользование является более сложным вариантом отношения общества к окружающей жизни, поскольку всегда существует на компромиссной основе, связанной с балансированием между экономической и экологической составляющими. Во многом начала культуры природопользования будут аналогичны комплексу начал основы природоохранной (природосберегающей) деятельности. Однако в случае с природопользованием трехкомпонентная, тройственная эколого-этико-правовая система основы охраны природы превращается в четырехначальную за счет добавления важного экономического компонента.

Безусловно, базовым компонентом основы природопользования является экология – объективное знание. Экологическое начало учитывает естественные особенности окружающей природной среды: исторически сложившиеся в ней связи, закономерности и механизмы функционирования. Без экологического знания невозможно эффективное природопользование, так как невозможно качественное управление сложнейшим механизмом без знания основ его устройства и функционирования.

С точки зрения экологии, природопользование как процесс эксплуатации окружающей природной среды само по себе деструктивно. Однако уровень деструктивного воздействия на экосистему может быть весьма различным. Поэтому в экологическом понимании эффективным можно считать процесс природопользования, наносящий минимальный ущерб окружающей природной среде в длительном интервале времени: минимально нарушающем экологическое равновесие в системе и установившиеся в ней естественные связи. Говорить же о минимизации ущерба экосистеме невозможно без глубокого анализа ее фундаментальных характеристик.

Экономика, экономическое начало – второе неотъемлемое и фундаментальное слагающее – элемент, обосновывающий саму цель процесса природопользования: получение материальных ресурсов, материальной выгоды.

Стоя на фундаменте понятий о материальной выгоде и необходимом материальном обеспечении, экономика отвечает на вопрос об эффективности, рациональности и текущей необходимости процессов преобразования и эксплуатации природы, то есть в той или иной степени использования окружающей жизни.

В действительности многие современники отмечают, что природопользование – категория прежде всего экономическая, хотя в своей основе оно обязательно должно иметь некоторое гуманистическое начало [Природопользование..., 2009; Красовская, 2013].

И тут неизбежно возникает вопрос об этических (нравственных) основах, об этическом начале, которое формирует среду субъективного понимания о верном или неверном характере любой деятельности, в том числе и процесса эксплуатации весьма ограниченных природных ресурсов. Оно производит оценку и сопоставление правильности и необходимости воздействия на окружающую природную среду в каждом конкретном случае. Этика отвечает на вопросы приоритета экономической и экологической составляющих процесса природопользования. Однако здесь возникает закономерный вопрос о методологии этического, правильного и допустимого. О методологии, способной объединить субъективное этическое понимание с объективными знаниями и наблюдениями, быть универсально простой и столь же универсально понятной.

И здесь мы возвращаемся к пониманию универсального принципа «благоговения перед жизнью», которому посвящена работа. Подлинная этика универсальна. Понятие этического общедоступно. Именно поэтому природопользование, как и любой вид человеческой деятельности, может существовать только в гармонии с общей этической основой (главенствующей в данный исторический период времени), и ее производными.

И наконец, еще одно важное начало, о котором уже говорилось, заключается в действии права. Право – организующий инструмент, реализующий разграничение и устанавливающий порядок деятельности, связывающий на уровне норм и установок три предыдущие области знания, которые в нашем случае могут быть названы мотивирующими областями.

Одним из наиболее важных и интересных вопросов является вопрос о взаимоотношениях указанных начал с понятием культуры природопользования. В качестве ответа на него можно выдвинуть предположение о том, что *культура природопользования проявляется в его рациональности. Таким образом, и рациональное (то есть по современным представлениям разумное) природопользование можно назвать проявлением культуры.* Это означает, что все

области знания, указанные выше, равно принимают участие в формировании культуры природопользования.

Безусловно, рассмотрение основы природопользования и культуры природопользования в рамках совокупности экологического и экономического знания, этического понимания и правовой организации может показаться недостаточным.

Важным, например, является рассмотрение положения в указанной системе технической и технологической областей знания.

Безусловно, технология как инструмент является важной составляющей рационализации природопользования. Но всего лишь как прикладной инструмент, поскольку не имеет начального мотивационного и организующего значения, а является скорее закономерным итогом культурного развития, происходящего в результате уже сформированной и организованной мотивации. То есть она относится скорее не к идеалистической, а к сугубо материалистической части. Наряду с ресурсами, которые содержит в себе окружающая природа.

Подобно инструменту и материалу, они неотъемлемо сопутствуют итоговому результату работы, но не определяют его форму, а если и определяют ее, то лишь опосредованно.

Таким образом, рассмотрение базиса природопользования в рамках системы четырех основных начал представляется вполне достаточным. Попробуем привести весьма условную формулу такой системы, в которой мотивирующие и организующие компоненты определенным образом связаны с понятиями культуры и непосредственного процесса рационального природопользования.

Подобную формулу можно представить следующим образом: *процесс природопользования складывается в результате взаимодействия ресурсного базиса, включающего в себя скрытые в природе ресурсы и доступные технологии, а также культурной основы, которая формируется посредством взаимодействия естественной мотивации, экологического и экономического знания, нравственного (этического) понимания и правового обеспечения.*

Для сравнения по аналогии приведем также принципиальную формулу основы природоохранной деятельности.

В данном случае взамен природных ресурсов в качестве базисной, фактической (материальной) основы процесса выступают уже природные ценности (natural values), непосредственно не связанные с природоресурсным потенциалом. То есть по сути та же природа, но совсем в иной ее интерпретации, в ином ее понимании. *Основа же культуры и процесса сохранения природы представляется в виде тройственного сочетания экологического знания, мотивирующего этического понимания и права как доступного и развитого инструмента реализации.*

При составлении подобных комплексных систем, схем или формул существует опасность неоправданного и чрезмерного их усложнения. Конечно, хотелось бы этого избежать и соблюсти широко известный научный методологический принцип экономности (бережливости, достаточности, редукции), носящий имя Уильяма Оккама¹⁷.

В связи с этим представляется важным рассмотреть предложенные выше схемы основ природопользования и охраны природы с поочередным вычитанием каждого из предложенных компонентов.

Начнем с наиболее сложной системы основы природопользования. Если вычитание экологического, экономического или правового начала с очевидностью рушит конечный результат и делает систему недостаточной, то оправдание наличия этического начала остается, пожалуй, не столь очевидным.

В таком случае стоит рассмотреть систему, исключаящую его. При исключении этической составляющей она трансформируется в эколого-экономическую систему с правовым подкреплением взаимодействия этих начал. Функционирование такой системы сводится к экономически обусловленному воздействию с поправкой на экологические особенности объекта

---

¹⁷ Лат. Lex parsimoniae (также известен и как логический принцип «достаточного основания»). Принцип, согласно которому для объяснения не следует привлекать дополнительные компоненты, кроме объективно необходимых, дословно: «Множественность (многообразие) никогда не следует полагать без необходимости» (лат.: Frustra fit per plura quod potest fieri per pauciora – (досл.): «Не преумножай сущности без необходимости»).

природопользования. Но даже такая упрощенная система должна иметь в своей основе концепцию, регулиующую взаимодействие экологического и экономического начал. Например, концепцию приоритета обеспечения экономических интересов над экологическими или наоборот. Это означает, что система существует в некой концептуальной среде, что вынуждает нас вновь вернуться к понятиям этических указаний и этического начала. Закономерно, что понятие рационального природопользования является производным, в том числе и от *этической парадигмы* взаимоотношения общества с окружающей природной средой, которая (как нам о том свидетельствует история) особенно для каждого исторического периода. Другими словами, от этической парадигмы взаимодействия с окружающей природой, действующей в определенный исторический период, и образуется понимание рациональности ее использования.

Таким образом, можно предположить, что все четыре указанных начала являются необходимыми слагаемыми основы правильного, разумного, рационального природопользования.

Что же касается основы охраны природы, то здесь отсутствие этического понимания необходимости самого процесса делает его бессмысленным и недееспособным. Стало быть, этическое понимание лежит в основе природоохранной деятельности так же, как и в основе любой другой.

И несомненно важным является тот факт, что грамотный, понимающий и разумный (рациональный) природопользователь должен погрузиться во все указанные в виде «начал» области знания. Лишь в результате совместного учета указанных компонентов может быть сформирована высокая культура природопользования, закономерно проявляющаяся в его эффективности и рациональности. Также в результате этого сложения создается культура охраны природы, всецело ориентированная на сохранение окружающей жизни. Культура, имеющая в своем основании принцип благоговения перед жизнью.

Подводя же общий итог, можно с некоторой долей уверенности сказать о том, что рассмотренное в контексте деятельностных вопросов охраны природы и

разумного использования природных ресурсов сочетание глубокого научного знания, этического понимания и правового обеспечения имеет общекультурный характер и общекультурное значение.

Важно заметить, что ценность живой природы бесконечна хотя бы уже потому, что наша зависимость от окружающего живого мира является абсолютной, а ресурсы, которыми мы так беззаботно пользуемся сегодня, в целом конечны. Одно только это заставляет нас задуматься о восприятии живой природы как одного из величайших богатств, сохранение которого является условием благополучного развития общества. С другой стороны, бесконечная ценность элементов окружающей жизни обусловлена их индивидуальной неповторимостью и невозможностью их полного воссоздания в случае разрушения или утраты, что говорит нам о моральной ответственности за их сохранение.

Трудно не согласиться с мнением английского мыслителя и историка науки Робина Атфилда, который в одной из своих работ говорит следующее: «Я не приемлю той точки зрения, что, дескать, ценность биосферы состоит в ее целостности или что ее компоненты ценны лишь тогда, когда необходимы для ее стабильности: такое представление означает полный разрыв с принятыми этическими нормами, и я не вижу необходимости в какой-то дополнительной аргументации в данном случае. Экосистемы должны быть сохранены ради самих существ, которые их поддерживают. Поэтому нет проблемы выбора между человеком и биосферой: причина сохранения последней лежит в области человеческих интересов и интересов других существ, и нет причины более значимой» [Атфилд, 1990, С. 254].

В легендарной книге «Календарь песчаного графства» О. Леопольда мы можем найти следующее: «Чтобы открыть дорогу становлению этики достаточно одного: просто перестаньте считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически. Хороша же

любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же что этому препятствует – дурно» [Леопольд, 2000, С. 212].

Этика и прагматика, этическое и прагматическое. Каково взаимоотношение этих понятий – этих двух видов нашего понимания в связи с идеей необходимости ответственного отношения к живой природе, безусловно провозглашаемого принципом благоговения перед жизнью?

Мы привыкли именовать разумным лишь прагматичный подход к любому делу. Что ж, в таком случае попробуем обосновать необходимость ответственного подхода к природопреобразующей деятельности и с такой точки зрения. Вопрос же о достаточности такого подхода оставим до времени за рамками рассуждения.

«Пределы роста», «устойчивое развитие», «экологизация» деятельности и даже мышления – эти слова сегодня стали для нас обыденными. Однако появились эти термины относительно недавно. Одной из отправных точек современных воззрений на проблемы взаимодействия общества и окружающей его природной среды стала презентация знаменитого доклада «Пределы роста» (The Limits to Growth), состоявшаяся в 1972 году. В нем Д. Медоуз вместе со своими соавторами наглядно продемонстрировали выводы о естественной конечности используемых человечеством ресурсов и неких пределах устойчивости глобальной экологической системы, частью которой является человечество [Meadows et al., 1972]. Помимо этого, авторы привели глубокий анализ путей выхода из возможного кризиса. Во многом результатом этого анализа явилось то, что сегодня принято именовать концепцией устойчивого развития общества¹⁸. И конечно же, базовой частью этой концепции стала экологическая составляющая.

Но почему? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к самой основе функционирования жизни на нашей планете. К основе, которая делает наш

---

¹⁸ Впоследствии эта работа над концепцией «Пределов роста» была продолжена, результатом чего стали книги «Пределы роста 30 лет спустя» («The Limits to Growth 30-years Update») [Медоуз и др., 2007] и «За пределами роста» [Медоуз и др., 1994], ставшие без преувеличения эталонными в области современной глобальной экологической мысли.

мир таковым, каким мы его наблюдаем сегодня. В определенном смысле знание об этой основе можно назвать даже самым основным экологическим знанием.

В свое время К. А. Тимирязев в своей лекции в Лондонском королевском обществе¹⁹ выдвинул замечательную формулу всеобъемлющей (космической) роли зеленых растений [Тимирязев, 1903]. И в контексте наших знаний эта формула имеет отнюдь не метафоричное, а самое прямое значение [Никольский, 2014]. Ведь именно зеленый покров нашей планеты является основой существования и функционирования жизни. Именно зеленый покров Земли обеспечивает экологические и социальные системы компонентами, необходимыми для их жизнедеятельности. Аккумулируя кинетическую энергию солнечного света в виде органических соединений и создавая из нее первичную биологическую продукцию, зеленые растения формируют вещественно-энергетический базис биосферы. Именно природный зеленый покров играет важную роль в формировании глобального климата. Наконец, зеленые растения играют определяющую для нас роль в поддержании газового состава нашей атмосферы, поставляя живительный кислород.

Стало быть, в этом зеленом покрове со всеми сопутствующими ему формами жизни сосредоточена основа нашего биологического и технологического существования. Все выглядит довольно просто. Живая природа, живой покров нашей планеты обеспечивает нас необходимым, при этом исполняя все наши желания. Но, подобно шагреновой коже из одноименного романа О. де Бальзака, зеленый покров при этом уменьшается в своих размерах [Никольский, 2013].

Можно бесконечно приводить примеры этого уменьшения в обмен на ресурсы и временные блага. Еще полвека назад немецкий зоолог Бернгард Гржимек (B. Grzimek), обеспокоенный размышлениями об увиденном им в разных частях света, в первой главе своей книги «Для диких животных места нет» весьма подробно описал, как происходит (и будет происходить) это сокращение

---

¹⁹ Крунианская лекция 1903 года.

живого покрова [Гржимек, 1978]. Наши современники могут убедиться в его правоте. Пока еще не все уничтожено. Некоторые «тесные комнаты» остались свободны.

Но конечность ресурсов и наличие предела устойчивости любой живой системы говорит нам о том, что в какой-то момент будет необходимо остановиться. А этот факт ставит под угрозу те темпы развития, которые сегодня характерны для нашего общества. Выходом из подобного положения является гармоничное использование природных ресурсов, в основе которого лежит ответственное отношение к окружающей жизни.

Окружающая жизнь – основа нашего существования. Это очевидное положение. Наша ответственность по отношению к природе во многом продиктована прагматичными соображениями. Но достаточен ли такой сугубо прагматичный подход? И для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к сфере нравственного, этического понимания основ взаимодействия общества с окружающей жизнью.

Ключевым понятием здесь остается понятие ответственности, ответственного отношения. Ответственности как перед окружающей жизнью, перед будущими поколениями, так и перед самим собой.

В отличие от прагматического подхода, этическое понимание утверждает, что ответственность является органичным продолжением нашего восприятия окружающего мира. Иными словами, в этическом понимании заложено то, что упускает из виду прагматичный расчет. В нем заложено осознание величайшей ценности окружающей жизни как феномена. Осознание чрезвычайной сложности, рациональности и одновременной уязвимости устройства живого мира. Порой данный факт поражает наш разум, но следствием этого действительно сильного впечатления неизбежно становится осознание ценности жизни, подкрепляемое выводом о моральной ответственности за ее сохранение. Осознание жизни как уникального и невероятно сложного феномена лежит в основе правильного

понимания нашей деятельности. Невозможно продолжать строительство здания, попутно разрушая его фундамент.

В практической философии XX столетия появились различные концепции, утверждающие имманентную ценность жизни, к которым, в частности, относятся органицистская философия А.Н. Уайтхеда, философия организма и жизни и этика ответственности Г. Йонаса [Йонас, 2004], новые версии философского эволюционизма, экологическая этика. В отношении последней «ключевым является вопрос о внутренней ценности, т.е. ценности самой по себе, не зависящей от той выгоды, которую можно из нее извлечь» [Сычев, 2016. С. 28].

Этическое и прагматичное понимание вопросов взаимодействия общества и окружающей природной среды глубоко и тесно связаны между собой. Только их гармоничное сочетание способно привести к действительно ответственному отношению каждого человека и общества в целом к окружающей жизни.

Осознание зависимости от окружающей природной среды носит прагматичный характер. Осознание ответственности за ее состояние затрагивает сферу этики. Осознание и того и другого можно назвать рациональным.

Нравственное понимание ответственности по отношению к окружающей жизни, безграничной ответственности за все, что живет, – важный шаг общества на пути его развития. Это нравственное понимание в совокупности с нравственной оценкой деятельности организуют наши знания, и в итоге ведут по пути созидания и сохранения, а не по пути разрушения. Это особенно важно в контексте существования в мире, где рост ограничен рядом пусть и динамичных²⁰ пределов.

Развитие становится продуктивным и устойчивым лишь в том случае, когда его характер согласуется с характером ответственного взаимодействия общества с окружающим нас миром, которое создается путем нравственного отношения к нашему окружению, указывающего правильный путь.

---

²⁰ Подробнее о значении динамичности пределов устойчивости биосферы см. [Медоуз и др., 2007].

И если этический подход, основанный на необходимости бережного и ответственного обращения с живой природой, кажется сегодня очевидным, то как же быть с тем, что в большей степени основывается на субъективном переживании – эстетическим взглядом на окружающий нас мир? Вопрос о соотношении двух фундаментальных феноменов, присущих сознанию человека, – этики и эстетики приобретает в контексте проблемы сохранения жизни особую силу.

Когда мы произносим слова «живая природа» перед нашим мысленным взором чаще всего возникает нечто, похожее на безмятежный зеленый пейзаж, радующий нас своей гармонией и тишиной. Или же наоборот, наполненное жизнью пространство экваториального леса. Отчего так происходит? Трудно сказать. Скорее всего, современному человеку природа представляется неким тихим, укромным уголком, отличным от суетности его теперешней жизни. С другой стороны, почему мы не представляем себе при упоминании слова «природа» лесозаготовку или, например, бескрайние засеянные поля? Видимо, в нашем глубоком понимании под природой, к которой мы стремимся как к тихому, укромному месту, подразумевается именно дикая, естественная ее составляющая. Получается, что в простом человеческом понимании природные ценности сегодня связаны скорее не с ресурсным потенциалом, а с самим фактом существования естественных экологических систем – нетронутой окружающей жизни. Все это, конечно же, характерно для современного общества, однако на протяжении всей истории люди обращали свое внимание на естественную красоту, присущую нашему миру – миру, формируемому и поддерживаемому жизнью.

Наверное, в какой-то степени можно говорить об универсальной эстетической ценности природы, ведь почти каждый находит в ней что-то близкое, завораживающее.

На эстетическом критерии были основаны многие идеи, ставившие перед собой задачу сохранения живого покрова нашей планеты.

Однако для того, чтобы не свернуть с пути логического мышления, безусловно следует обратиться к факту относительности эстетического критерия.

Подобная относительность может наблюдаться нами даже при первом взгляде, при первом же мысленном эксперименте: постановке вопроса об эталоне эстетической привлекательности. Для кого-то бесспорным примером красоты природы будут альпийские луга и горные вершины, кому-то ближе оставшаяся еще в нескольких местах на планете, нетронутая саванна Африки. Для кого-то эталоном эстетики ландшафта будут его родные места, что обусловлено уже скорее культурными, а не вкусовыми особенностями. Этот простейший эксперимент позволяет нам понять, сколь относительным может быть эстетический критерий. Эта относительность интересно подмечена Дарвином, который говорит, что мысль о том, что именно признавать красивым, нельзя считать неизменной, а само чувство красоты несколько не зависит от реальных свойств объекта эстетического наслаждения.

Между тем идея сохранения окружающей жизни может найти свое деятельное применение лишь в том случае, если она имеет под собой понятную, общедоступную и универсальную основу. На первый взгляд, эстетическое восприятие обладает всеми этими качествами. Однако только что мы продемонстрировали возможную относительность эстетического критерия. Как же в таком случае быть с универсальностью?

По всей видимости, эстетика является важным, но не основополагающим камнем в фундаменте понимания необходимости сохранения природы, то есть окружающей нас жизни. Само по себе эстетическое восприятие не является полностью универсальным без восприятия, носящего более глубокий этический характер.

«Мы должны подняться до этики, включающей в себя всю духовность, и до духовности, включающей в себя этику» [Швейцер, 1992, С. 215], – говорит Альберт Швейцер. Глубокое и справедливое замечание. Не углубляясь в теологические и философские аспекты определения понятия «духовности», нужно

отметить, что способность этического и эстетического восприятия, несомненно, является ее неотъемлемой частью. Значит, в этике есть место для эстетики, а эстетика тесно связана с этическим пониманием.

На практике мы понимаем данное определение как указание: не следует разрушать то, что нам нравится. Но сколь справедливо такое указание с точки зрения этических воззрений, претендующих на универсальность?

Как уже не раз было сказано выше, согласно этической концепции А. Швейцера, «этика не может быть относительной». Термин «относительности» здесь, правда, выступает прежде всего в контексте представлений об этической оценке.

Но относительность также может проявляться и в выборе объектов, на которые распространяется этика. Этика не может быть относительной. Относительной во всем. Однако эстетический критерий по своей сути уже относителен, ведь эстетическая оценка субъективна и подчинена больше внутреннему чувственному переживанию, нежели рациональному пониманию.

Поэтому возникает закономерный вопрос о применимости эстетического критерия, когда мысль касается сохранения природы, а также о взаимоотношениях понятий природоохранной этики и эстетики.

Безусловно, как было показано, количество пересечений этики и эстетики велико. Порою в нашем понимании они, словно капли сплава, растворяются друг в друге и становятся неразделимы. Но насколько эти пересечения являются значимыми с точки зрения деятельности человека по сохранению окружающей жизни?

В связи с этим вопросом возникает два направления мысли, разрешающих встающий перед нами вопрос: либо мы должны придерживаться мнения (признать), что эстетика природы абсолютна в любых ее (природы) проявлениях; либо для нас должно быть очевидным, что эстетичность является относительным и изменчивым критерием.

Можно предположить, что в последнем случае эстетический критерий не может выступать в качестве определяющего для построения концепции сохранения природы и должен уступить место более общему этическому критерию, определяющему необходимость сохранения жизни вне ее зависимости от ее эстетической ценности лишь по факту существования.

Это второе предположение соотносится с уже знакомой нам идеей любви и уважения к любой жизни.

Обратимся к документам. В качестве простого примера попробуем проанализировать известнейший ныне список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, дополняющий знаменитую Парижскую конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия [Парижская конвенция, 1972].

Природные критерии объектов, входящих в этот список, включают в себя, помимо сугубо эстетических, и экологически обоснованные положения. Точнее было бы указать, что последние – экологические положения – являются производными от этической парадигмы всеобщей значимости сохранения жизни.

Таковы, например, критерии научной ценности объектов или редкости обитающих в их пределах видов живых организмов.

Казалось бы, научная ценность прямо не связана с этическими положениями, однако под научной ценностью можно подразумевать и самоценность объектов как незаменимых частей общей системы, как составных частей естественного разнообразия, как естественной частички окружающей жизни.

В российском федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» эстетический критерий стоит лишь на четвертом месте по приоритетности вслед за природоохранным, научным и культурным.

Эстетический критерий не встречается в статье, определяющей статус и задачи государственных природных заповедников (ст. 6 «Общие положения»), то есть отсутствует в качестве определяющего применительно к заповедным

территориям как к охраняемым территориям самого высокого ранга [Об особо охраняемых природных территориях, 2011].

Впервые упоминание об эстетическом значении встречается лишь в главе «Национальные парки». Этот факт отнюдь не умаляет значения эстетического критерия в сфере охраны природы относительно прочих, однако он довольно четко иллюстрирует дифференциацию критериев и их применительно-целевое назначение. Ведь национальные парки служат, помимо цели непосредственной охраны природы, цели приобщения населения к его (населения) природному наследию.

Следовательно, в понимании отечественных и зарубежных законодателей эстетический критерий не является ни единственным, ни определяющим.

Но если эстетический критерий не является основополагающим, является ли он необходимым? В этой связи ответ может быть скорее положительным. Ведь этическое понимание основано как на рациональном восприятии идеи, так и на чувственном ее переживании. Эстетическое же восприятие прямо связано с чувственным переживанием, которое предопределяет необходимость и востребованность приобщения людей к живой природе, к их природному наследию.

Например, когда речь заходит о такой категории охраняемых территорий, как национальные парки, значение эстетического критерия уже трудно переоценить. Решаемая ими задача приобщения населения к природному наследию, вероятно, может быть решена только с учетом эстетической значимости сохраняемых объектов.

Неплохой пример в этом смысле демонстрирует система охраны природы Соединенных Штатов Америки. Так, совместно с агентством National Geographic²¹ в этой стране был запущен ряд интересных и успешных проектов, направленных на привлечение посетителей в национальные парки. Главенствующей идеей этих проектов является проявление феномена эстетики природы через феномены

---

²¹ В данном случае речь идет о проекте «National Parks» созданном агентством «National Geographic».

общественных коммуникаций и массовой информации. Сегодня они доступны широкому кругу людей и, как показывает практика, весьма востребованы. Это подтверждает успешность избранного пути «консервативного» сохранения природы, через эстетику.

Однако все же не будем забывать о фундаментальном – этическом понимании. В чем состоит противоречие этического и эстетического критериев? В чем их главное отличие и в чем их «конфликт»?

Эстетический критерий говорит нам: «Я должен сохранить это лишь потому, что это красиво», тогда как этика утверждает: «Я должен сохранить это, потому что таковое действие представляется разумным, должным и правильным, и неважно, каково мое личное отношение к объекту».

В этом смысле слепое следование лишь эстетическому критерию способно привести к печальному сокращению живого покрова.

Стоит лишь вспомнить слова Б. Гржимека о том, что в недалеком будущем диких животных можно будет увидеть только на буклетах и в среде специальных резерватов [Гржимек, 1978]. А ведь это предположение было выказано им более полувека назад.

Наверное, ошибочным является переход от этической парадигмы всеобщности охраны природы к эстетической парадигме. Переход от принципа «сохранению подлежит все» к принципу «сохранению подлежит лишь то, что интересно (красиво)».

Наоборот, переход от эстетической парадигмы к этической предопределяет всеобщность сохранения окружающей жизни.

Впрочем, необходимо сказать еще несколько слов об эстетике природы. К сожалению, ее эстетическое восприятие не всегда идет ей на пользу.

Феномен эстетики природы хорошо известен, мы часто сталкиваемся с ним, порою даже не обращая на него особого внимания. В полной мере он проявляет себя в феномене информации, во всех видах искусства, начиная от живописи и архитектуры и заканчивая музыкой. Можно сказать, что эстетика природы давно

уже стала неотъемлемой частью материальной и отчасти духовной культуры человечества. Разнообразие проявления феномена эстетики природы впечатляет. И все же эстетический критерий изменчив, а следовательно, относителен.

Иногда эстетический критерий настолько подавляет этический, что противоречит последнему. Классический пример представляет собой трофейная охота. Эстетика трофея как частицы природы подавляет в этом случае желание сохранить эту частицу. На первый план выходит желание завладеть ею, не оправданное никакой объективной необходимостью. Такой диссонанс между этикой и эстетикой еще раз подтверждает, насколько далеки друг от друга могут быть эти понятия. Эстетика может выступать против этики. К сожалению, это является фактом.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что эстетический критерий является важной, но не основополагающей частью культурной основы сохранения окружающей природы, окружающей жизни.

Эстетика опирается на чувственное восприятие (что подтверждается самой этимологией этого понятия). Да и сами по себе законы эстетики, например, в живописи, не могут быть чувственно восприняты нами в отрыве от произведений живописного искусства.

Этика же включает в свою сферу рациональное понимание, выражающееся в последующем чувственном восприятии, или же, наоборот, в чувственном восприятии, отражающемся в разумных заключениях, воспроизводимых в последующем. Таким образом, *этический критерий универсален*, так как воспринимается прежде всего нашим разумом, хотя и не отказывает в восприятии нашему сердцу.

Значит ли это, что *этика доминирует над эстетикой*? На этот вопрос можно ответить утвердительно, в том случае, если этика имеет в своем основании универсальный и безотносительный принцип.

2.2 Идея уважения жизни в декларируемых современных программных документах о взаимодействии общества с окружающей природной средой

Стремление к структурированию и систематизации является, пожалуй, одной из основных черт, присущих сознанию современного человека. Это естественное стремление к обозначению круга главенствующих положений какой-либо концепции, конечно же, нашло свое отражение и в столь актуальной области, как разработка концепций взаимодействия общества с окружающей его природной средой.

Как уже было указано, окружающая природа, и прежде всего живая ее часть, определяющая сам облик окружающего нас мира, является естественной основой для существования общества. Стало быть, основы нашего взаимодействия с ней должны быть крайне подробно и ответственно осмыслены. Понимание этого приводит к рождению концепции. Следующим логическим шагом является обоснование этой концепции и определение круга основных положений, описывающих или же позволяющих реализовать ее основную идею (применительно к реальной жизни). Во многом именно по совокупным сводам таких положений мы можем судить о практическом выражении, практической сути концепции, главенствующей в определенный исторический период времени.

Именно поэтому сравнение и анализ положений подобных декларативных сводов представляется крайне интересным с точки зрения понимания развития мысли. И делать это желательно на конкретных примерах.

Пожалуй, наиболее известным на сегодняшний день документом подобного рода является Всемирная хартия природы – World Charter for Nature. Этот весьма примечательный свод был принят резолюцией за номером 37/7 Генеральной ассамблеи ООН от 28 октября 1982 года и фигурирует в рамках кодификационных индексов под названием UN GA A/RES/37/7.

Слово «хартия», производное от латинского *charta* – письмо, сочинение, характеризует этот документ как произведение публично-правового характера, а с

учетом исторического контекста такое обозначение документа говорит о том, что в его содержании заложены некоторые насущные требования.

Эти требования носят, конечно, декларативный, но вместе с тем актуальный и значимый характер. Значимый, поскольку их ставит перед нами как настоящее, так и будущее время.

Приведем всего лишь несколько небольших положений этого документа.

«Природу необходимо уважать и не нарушать ее основные процессы» (Всемирная хартия природы, ч. I «Общие принципы», п. 1 [Всемирная хартия природы, web]).

«Генетическая основа жизни на Земле не должна подвергаться опасности; популяция каждой формы жизни, дикой или одомашненной, должна сохраняться, по крайней мере, на том уровне, который достаточен для обеспечения ее выживания; необходимые для этого среды обитания следует сохранять» (Всемирная хартия природы, ч. I «Общие принципы», п. 2 [Всемирная хартия природы, web]).

«Используемые человеком экосистемы и организмы, а также ресурсы суши, моря и атмосферы должны управляться таким образом, чтобы можно было обеспечить и сохранить их оптимальную и постоянную производительность, но без ущерба для целостности тех экосистем или видов, с которыми они сосуществуют» (Всемирная хартия природы, ч. I «Общие принципы», п. 4 [Всемирная хартия природы, web]).

«Любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, какой бы ни была ее полезность для человека, и для признания этой неотъемлемой ценности других живых существ человек должен руководствоваться моральным кодексом поведения» (Всемирная хартия природы, преамбула [Всемирная хартия природы, web]).

Последнее из приведенных положений весьма примечательно, поскольку оно отсылает нас уже не просто к объективно обусловленным, прагматичным

причинам необходимости сохранения живой природы, а к более сложному этическому (моральному) осознанию необходимости ее сохранения.

Насколько это оправданно? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшое отступление и вновь поговорить о том, какова роль этики, этического понимания и этической оценки в концепциях взаимодействия общества с окружающей природной средой. Как уже было сказано, во многом эта роль представляется определяющей, поскольку именно этическое понимание формирует то, что принято именовать культурой. В том числе и культурой взаимоотношений между обществом и его окружением. А значит, отсылка к этическим основам носит не метафоричный, а самый реалистичный, обоснованный и действенный характер.

Теперь же стоит задаться вопросом о том, насколько очевидны на сегодняшний день указанные положения, во многом представляющие собой императивы взаимодействия общества с окружающей природой, окружающей жизнью. Насколько они общедоступны?

Для этого предстоит провести небольшой сравнительный анализ современных декларативных сводов, в которых присутствуют такие тематические положения. В современном мире их существует довольно много. И тем интереснее было бы сравнить формально (с точки зрения обстоятельств написания: времени, коллектива авторов, мотивации и др.) не пересекающиеся между собой документы, с целью обнаружить в них соответствия или противоречия.

Так, например, небольшая разработка российских ученых-географов под названием «Кодекс современной культуры природопользования» [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011], вполне подходит под определение свода положений, характеризующих основы взаимодействия человека и природы. Попробуем последовательно проанализировать некоторые положения этой разработки, при этом сравнив их с положениями Всемирной хартии природы.

Во многом это поможет определиться с ответом на вопрос, сколь сходными являются главенствующие сегодня и перспективные представления о взаимоотношениях общества и окружающей жизни.

Итак, последовательно приведем несколько основополагающих декларируемых пунктов двух сводов.

«Природа – единственный источник жизненных сил народа» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Человечество является частью природы, и жизнь зависит от непрерывного функционирования природных систем, которые являются источником энергии и питательных веществ» (Всемирная хартия природы, преамбула [Всемирная хартия природы, web]).

Здесь оба текста обращаются к идее основополагающей роли природы в качестве источника сил и ресурсов для выживания общества.

«Нельзя изменять природные условия, не учитывая даже мельчайших негативных последствий. Природные условия согласовывались друг с другом в течение многих и многих миллионов лет. Последствия, казалось бы, незначительных, но безответственных изменений могут стать причинами непредсказуемых природных катастроф» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Деятельности, способной нанести ущерб природе, должна предшествовать оценка ее возможных последствий, и исследования о воздействии проектов в целях развития на природу следует проводить достаточно заблаговременно, и если принято решение о проведении такой деятельности, она должна осуществляться на плановой основе и вестись таким образом, чтобы до минимума сократить ее возможные вредные последствия» (Всемирная хартия природы, ч. II, ст. 11, с [Всемирная хартия природы, web]).

«Деятельности, таящей в себе повышенную опасность для природы, должен предшествовать глубокий анализ, и лица, осуществляющие такую деятельность,

должны доказать, что предполагаемая польза от нее значительно больше, чем ущерб, который может быть нанесен природе, а в случаях, когда возможное пагубное воздействие такой деятельности четко не установлено, она не должна предприниматься» (Всемирная хартия природы, ч. II, ст. 11, b [Всемирная хартия природы, web]).

В этих положениях содержится упреждение разрушительного воздействия человека на окружающую его природу.

«О природе необходимо постоянно заботиться, восстанавливая ее потенциал, потребленный в процессах природопользования. Восстановление геосистем требует таких же усилий и затрат, которые необходимы для технологий добычи, обработки и потребления природных ресурсов. Но результат вложений в восстановление природы бесценен – это улучшение среды, пригодной для жизни людей» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Природные ресурсы должны не расточаться, а использоваться в меру, как того требуют принципы, изложенные в настоящей Хартии, и согласно следующим правилам:

а) биологические ресурсы используются лишь в пределах их природной способности к восстановлению;

б) производительность почв поддерживается или улучшается благодаря мерам по сохранению их долгосрочного плодородия и процесса разложения органических веществ и по предотвращению эрозии и любых других форм саморазрушения;

с) ресурсы многократного пользования, включая воду, используются повторно или рециркулируются;

д) невозобновляемые ресурсы однократного пользования эксплуатируются в меру, с учетом их запасов, рациональных возможностей их переработки для потребления и совместимости их эксплуатации с функционированием

естественных систем» (Всемирная хартия природы, ч. II, ст. 10 [Всемирная хартия природы, web]).

Здесь декларируется необходимость заботы общества о природе.

«Человек – дитя природы. Возросшее могущество человека не должно угнетать мать-природу, но должно обеспечивать создание взаимоощадящих, взаимообогащающих, взаимооберегающих технологий природопользования» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Цивилизация уходит своими корнями в природу, которая наложила отпечаток на человеческую культуру и оказала влияние на все творения искусства и научные свершения, и именно жизнь в гармоничном согласии с природой представляет человеку наилучшие возможности для развития его творческих начал, отдыха и организации досуга» (Всемирная хартия природы, преамбула [Всемирная хартия природы, web]).

Демонстрируется существующее взаимодействие общества и окружающей природной среды.

«Нельзя губить природу. Человек стал столь могучим, что в состоянии наносить непоправимый вред природе и, как безумец, губить то, что живет» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Человек может своими действиями или их последствиями видоизменить природу и исчерпать ее ресурсы, и поэтому он должен в полной мере сознавать насущную необходимость сохранения равновесия и качества природы и природных ресурсов» (Всемирная хартия природы, преамбула [Всемирная хартия природы, web]).

«Нельзя использовать природные богатства для личного (или группового) чрезмерного обогащения. Дары природы принадлежат всем. Они должны распределяться справедливо – на пользу общества» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

И вновь мы возвращаемся к идее ответственного и бережного отношения к окружающей природной среде.

«Нельзя грабить природу для создания излишеств, похвальбы роскошью перед окружающими людьми. Использование даров природы должно обуславливаться, главным образом, для удовлетворения насущных жизненных потребностей человека» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Деградация природных систем в результате чрезмерного потребления природных ресурсов и злоупотребления ими, а также неспособность установить надлежащий экономический порядок между народами и государствами ведут к разрушению экономических, социальных и политических структур цивилизации» (Всемирная хартия природы, преамбула [Всемирная хартия природы, web]).

«Долгосрочные выгоды, которые могут быть получены от природы, зависят от сохранения экологических процессов и систем, существенно важных для поддержания жизни, а также от разнообразия органических форм, которые человек подвергает опасности в результате чрезмерной эксплуатации или разрушения природной среды обитания.

Погоня за редкими ресурсами является причиной конфликтов, а сохранение природы и ее ресурсов способствует установлению справедливости и поддержанию мира, и невозможно сохранить природу и природные ресурсы, пока человечество не научится жить в мире и не откажется от войны и производства оружия» (Всемирная хартия природы, преамбула [Всемирная хартия природы, web]).

Перспективы экономического роста не должны затмевать необходимости бережного отношения к окружающей жизни.

«Нельзя строить отношения с природой на полуправде. Даже малая ложь, прикрытая правдой, внесенная в технологии природопользования, со временем, разрушая природу, принесет большую беду человечеству» (Кодекс современной культуры природопользования [Кочуров, Лобковский, Смирнов, 2011]).

«Деятельность, способная оказывать вредное воздействие на природу, должна контролироваться, и следует использовать наиболее подходящую технологию, которая может уменьшить масштабы опасности или других вредных последствий для природы, в частности необходимо воздерживаться от деятельности, способной нанести непоправимый ущерб природе» (Всемирная хартия природы, ч. II, ст. 11 [Всемирная хартия природы, web]).

И вновь оба текста возвращают нас к идее разумного подхода и ответственного отношения к природе, а, следовательно, окружающей жизни.

Два кодекса, два примера, одна идея. Обратим внимание, что приведенные вместе положения двух сводов читаются скорее как единый текст. Положение «Кодекса культуры природопользования» ставит некоторое указание в краткой, но яркой, стилистически выраженной форме, тогда как соответствующее ему положение Всемирной хартии природы раскрывает его суть.

Вместе с тем при сравнении документов могут быть выявлены некоторые различия в их логике. И прежде всего они заключаются в первичной мотивации сохранения окружающей природы, окружающей жизни, отраженной в этих сводах.

В «Кодексе культуры природопользования» нет определения самоценности природы. Ценность ее лишь опосредована через благо общества, что характерно для современного, действующего восприятия идеи о необходимости сохранения окружающей жизни.

Не лишена этого и Всемирная хартия природы. Однако последняя содержит одно крайне важное положение – представление об уважении окружающей природы и, стало быть, окружающей жизни.

Однако важным является признание факта общности понимания ценности и уязвимости окружающей природной среды и необходимости бережного к ней отношения. В целом нужно отметить, что представленные декларативные своды не противоречат, а гармонично дополняют друг друга, неся в себе главную идею

развития культуры рационального, сохраняющего воздействия на окружающую природу.

В результате рассуждений, основанных даже на ограниченном примере, на таком небольшом сравнении, можно предположить, что при попытке создания общего «свода» различные авторы, независимо друг от друга, приходят к единым положениям, что, в свою очередь, указывает на общность экологической мысли, на ее общекультурную и общечеловеческую основу и на ее культурное и цивилизационное значение.

И все же главным остается иное. Главным остается имеющее сегодня место признание безграничной ценности природы и окружающей жизни и необходимость бережного отношения к ней. Понимание необходимости уважения к природе. Понимание ее безграничной ценности, которое лежит в основе сохранения жизни.

Так, примечательный и весьма интересный документ, носящий название «Хартия Земли», является еще одним примером, в котором находят свое отражение нравственные основы взаимодействия общества и окружающей природной среды. Однако в отличие от, например, Всемирной хартии природы, Хартия Земли не ограничивается одними лишь эколого-социальными вопросами, но обсуждает и принципы взаимодействия внутри общества.

Внимание к этому документу в настоящее время весьма велико. Например, статья С. А. Мохаммада «Мысли об этических основах международно-правового управления охраной окружающей среды» [Мохаммад, 2012] разбирает его достаточно подробно. При этом в ней указывается ряд концепций, которые в той или иной степени повлияли на становление идеи, определяющей характер созданного документа.

Среди таковых в этой работе рассматриваются концепции «потребительского отношения к природе», «невмешательства в природу», «ограничения экономического развития, потребностей и народонаселения», а также наиболее современная концепция «устойчивого развития».

«Как нам представляется, всем рассмотренным выше концепциям и моделям взаимодействия общества с природой в большей или меньшей степени свойствен один существенный недостаток – отсутствие в них этических начал» [Мохаммад, 2012, С. 65], – справедливо заключает автор.

Конечно, сугубо научные концепции не включают в себя столь неоднозначный и спорный момент, как этическое обоснование. Но могут ли они существовать (быть реализованы) без него? Можно ли описать искомый оптимум взаимоотношений общества и окружающей природной среды, прибегая лишь к языку математических формул и строгих юридических установок? Органична ли такая концепция? Реализуема ли она? Пожалуй, что нет. То же касается и концепций, описывающих взаимодействие внутри общества.

Многие исследователи (и далеко не только философы) отмечают, что этика является одним из основных начал любой человеческой деятельности. Этическое понимание совместно с этической оценкой определяет характер поступков и мыслей человека. Допустимость тех или иных действий. Необходимость той или иной деятельности. Существует также распространенное предположение о том, что именно нравственное понимание создает бытие, то есть определяет саму сущность наших взаимоотношений с окружающим миром, делает нас людьми.²² Однако в природе нет этических отношений (так же, как и правовых). Понятие морали и нравственности присуще лишь человеку, человеческому обществу. Тем более ценным представляется уникальный инструмент этики, находящийся в наших руках.

Культуротворящая функция этики является основой для процессов взаимодействия природы и общества. В таком случае важным представляется рассмотрение вопроса о правовом закреплении этических принципов. Экология, этика и право. Таков действенный комплекс знания, обеспечивающий правильное взаимодействие. При этом «правильность» (эффективность, рациональность)

---

²² Согласно известному выражению академика А. А. Гусейнова: «Мораль не есть то, что мы должны делать как люди. Она есть то, благодаря чему мы суть люди и можем говорить о себе в первом лице» [Гусейнов, 2012, С. 46].

взаимодействия определяется опять-таки характером главенствующей этической концепции, который меняется с течением исторического времени.

В этом смысле рассматриваемый документ – Хартия Земли – во многом имеет историческое значение, поскольку в нем зафиксированы этические воззрения, характерные для современности.

Кто знает, может быть, именно этот документ станет текстом, характеризующим взгляды на социальные и эколого-социальные отношения начала XXI века?

Рассматривая историю создания этого уникального документа, стоит отметить важнейший момент – комплексность и разнообразие источников, послуживших основой для его положений.

Одним из источников ценностей и принципов, заложенных в Хартии, стали действующие международные договоры и декларации (включая Стокгольмскую декларацию 1972 года, Декларацию «Рио» 1992 года и заявления прошедших в 1990-е годы конференций ООН). В результате анализа двухсот документов были определены 14 основополагающих этических принципов, в отношении которых существовал глобальный консенсус [Мохаммад, 2012].

Другим источником стало рассмотрение проекта Хартии общинами более чем сорока государств, в том числе, представляющих разные культурные традиции. Пример тому – география проведенных региональных форумов, затронувших Латинскую Америку (Бразилия), Африку (ЮАР), Ближний Восток (Иордания), Россию [Мохаммад, 2012].

Основные положения Хартии заключены в шестнадцати базовых пунктах и шестидесяти одном пункте поддержки.

Принципы документа организованы вокруг четырех основных тем: «Экологическая целостность», «Уважение живого сообщества и забота о нем», «Социальная и экономическая справедливость», «Демократия, ненасилие и мир».

В частности, тема «Экологическая целостность» объединила в себе принципы:

- защиты и сохранения целостности экосистем Земли, с уделением особого внимания биологическому разнообразию и процессам поддержания жизни;
- использования в качестве лучшего метода защиты окружающей среды стратегии предотвращения вреда, а при недостатке информации – стратегии предосторожности;
- применения моделей производства потребления и воспроизводства, сохраняющих регенеративные возможности Земли, права человека и благополучие сообществ;
- развития исследований в области экологической устойчивости, осуществление открытого обмена информацией и ее повсеместного применения на практике [Хартия Земли, 2013; Мохаммад, 2012].

Тема «Уважение живого сообщества Земли и забота о нем» включила в себя принципы:

- уважения Земли и жизни во всем ее многообразии;
- заботы о живом сообществе и отношения к нему с пониманием, состраданием и любовью;
- создания справедливых, открытых для сотрудничества, устойчивых и миролюбивых демократических сообществ;
- сохранения богатства и красоты Земли для настоящего и будущих поколений [Хартия Земли, 2013; Мохаммад, 2012].

Третья тема «Социальная и экономическая справедливость» образована принципами:

- признания искоренения нищеты этическим, социальным и экологическим императивом;
- способствования тому, чтобы экономическая деятельность и экономические институты на всех уровнях поддерживали устойчивое развитие человека в духе справедливости;

– признания справедливости и равенства в отношениях между полами с условием устойчивого развития и обеспечения всеобщего доступа к образованию, здравоохранению и возможностям экономического процветания;

– поддержки прав всех людей без исключения на природную и социальную среду, поддерживающую их достоинство, здоровье и духовное благополучие, с уделением особого внимания правам коренных народов и различных меньшинств [Хартия Земли, 2013; Мохаммад, 2012].

Наконец, в четвертую тему «Демократия, ненасилие и мир» вошли принципы:

– укрепления демократических институтов на всех уровнях, обеспечения прозрачности и подотчетности управления, а также участия в принятии решений и доступа к правосудию;

– введения в формальное образование и систему повышения квалификации ценностей и навыков, необходимых для устойчивого образа жизни;

– отношения ко всем живым существам с уважением и состраданием;

– формирования культуры толерантности, ненасилия и мира [Хартия Земли, 2013; Мохаммад, 2012].

«Уважение к жизни» – эти слова лейтмотивом проходят по всему содержанию Хартии. Что это означает? Лишь то, что она вторит постулату понимания этического, сформулированному Альбертом Швейцером. Постулату благоговения перед жизнью. Пусть «уважение» к жизни является только *первым шагом* на пути к благоговению перед ней, но этот шаг уже крайне важен.

Уважение к жизни – собственной жизни, жизни других людей, жизни всех живых существ – становится основой устойчивости.

Безусловно, Хартия выглядит идеалистичной. Возможно, в ней заключена наивная мечта – надежда, утверждаемая деятельным оптимизмом. Безумие отказываться от нее лишь потому, что наши текущие наблюдения заставляют нас скептически смотреть на возможность ее воплощения.

Необходимо заметить, что концепция этики Швейцера не ограничивается положениями главы XXI книги «Культура и этика». В разное время в разных источниках мы можем найти отдельные положения, касающиеся общих и специальных этических воззрений будущего нобелевского лауреата. К примеру, часть из них, касающаяся социальной справедливости, встречается среди его ранних работ.

Справедливое распределение благ, согласно Швейцеру, в том числе должно быть основано на сострадании и ощущении сопричастности общему миру – то есть на том, что также является важным проявлением благоговейного отношения к феномену жизни.

Итак, этика Хартии Земли и этика «благоговения перед жизнью» во многом совпадают в своей основе. О чем это говорит? Приведем лишь два скромных предположения.

Первое – этика Хартии Земли является закономерным проявлением этики «благоговения перед жизнью».

Второе – Альберту Швейцеру удалось сформулировать универсальную этическую концепцию, утверждаемую этическим принципом, основные положения которой будут подтверждены независимым, комплексным анализом международного законодательства и этических воззрений разных народов, проведенным гораздо позднее.

Оба этих предположения указывают на универсальность, общедоступность и общечеловеческую основу этики Швейцера. Это означает, что время лишь подтверждает глубину и значимость этической концепции «благоговения перед жизнью», концепции уважения, сочувствия и любви ко всему живому и всей окружающей жизни.

В заключение главы приведем основные **выводы** из нее.

Действенной этическая идея может быть лишь в том случае, если она гармонично и непротиворечиво согласуется с объективной реальностью нашего

мира. Реальностью как естественной (натуральной, физической), так и культурной (общественной, исторической, социальной). Этический принцип благоговения перед жизнью самым непосредственным образом связан с объективной реальностью, сразу в двух ее составляющих – естественной (биологической) и культурной, а потому возможность воплощения этого принципа представляется весьма разумной, ведь сама предпосылка этой идеи заключается в устройстве нашего мира в том виде, в каком мы знаем его сегодня.

Рассматривая вопрос о месте этики и этического понимания в основе частных деятельностных процессов охраны природы и рационального природопользования, мы приходим к выводу, что именно этическое начало создает ту концептуальную среду, в которой и существует вся природоохранная деятельность. А значит, играет в ее основе одну из определяющих и самых главных ролей.

Что же касается взаимодействия этических и прагматических основ, определяющих ответственное отношение к окружающей жизни, то этическое и прагматичное понимание вопросов взаимодействия общества и окружающей природной среды глубоко и тесно связаны между собой. Только их гармоничное сочетание способно привести к действительно ответственному отношению каждого человека и общества в целом к окружающей жизни. Осознание зависимости от окружающей природной среды носит прагматичный характер. Осознание ответственности за ее состояние затрагивает сферу этики. Оба этих принципа можно назвать рациональными.

Важным примером взаимодействия этики с нашим обыденным пониманием является пример взаимодействия феномена этической оценки и эстетического восприятия. Вопрос о соотношении двух фундаментальных феноменов, присущих сознанию человека, – этики и эстетики приобретает в контексте проблемы сохранения жизни особую силу. И здесь вновь важно вспомнить о понятии универсальности. Этический критерий (в отличие от чувственного, относительного – эстетического) представляется универсальным, так как

воспринимается прежде всего нашим разумом, хотя и не отказывает в восприятии нашему сердцу. А это значит, что этика доминирует над эстетикой. Конечно, в том случае, если имеет в своем основании универсальный и безотносительный принцип.

Иными словами, нравственный принцип благоговения перед жизнью утверждает бóльшую ценность этического восприятия и понимания мира, нежели эстетического, и тем самым определяет в качестве наиболее разумной именно этическую парадигму деятельности по сохранению окружающей жизни, порой далекую от эстетической парадигмы.

Особенно важным для глубокого понимания принципа благоговения перед жизнью в качестве основы современной концепции сохранения окружающей жизни является признание факта общности понимания ценности и уязвимости окружающей природной среды и необходимости бережного к ней отношения. Такое признание мы находим во множестве декларативных и обсуждаемых документов самого различного уровня, в том числе и международного, однако проявление принципа благоговения перед жизнью ограничивается в нем более общим (и менее действенным на наш взгляд) определением «уважения жизни».

3 ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА «БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ». ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

3.1 Благоговение перед жизнью и основные направления природосохраняющей деятельности: отчуждение, приобщение, разумное использование

Итак, настало время обратиться к заключительной и, пожалуй, наиболее наглядной части тройственной системы реализации этического принципа благоговения перед жизнью в контексте сохранения окружающей жизни – к особенностям, возможностям и примерам ее фактической реализации, к ее фактическому и действительному проявлению в нашем мире и перспективам этого проявления.

И самым очевидным пространством реализации принципа благоговения перед жизнью является его осознанное применение как определяющего критерия для сохранения окружающей природной среды.

Но здесь сразу же мы сталкиваемся с конфликтом, который, впрочем, не выходит за рамки типичнейшего конфликта этики и интересов – конфликтом между осознанием необходимости сохранения жизни в привычной ей естественной безмятежности и личными интересами приобщения к окружающей природной среде.

Об этом конфликте пойдет речь в этом и двух следующих разделах. Для того, чтобы наиболее наглядно продемонстрировать основу и принципы решения этого конфликта, мне кажется разумным и правильным использовать чуть отвлеченный язык художественной метафоры, которая, однако, не так далека от реальности.

«Нарисуй барашка», – попросил Маленький принц летчика, застрявшего посреди пустыни. Этот эпизод, наверное, запомнился каждому, кто когда-нибудь читал книгу о Маленьком принце, книгу о самом главном. «Нарисуй барашка», – попросил он. И летчик нарисовал простую коробку. Простую коробку, наличие в которой того самого заветного барашка доступно одному лишь мысленному взору, одной лишь фантазии. Как просто и в то же время логично. Идея Антуана де Сент-Экзюпери кажется простой и наивной, а ведь в ней кроется самый глубокий смысл. Пусть мы не видим чего-то, но представляем, что оно есть, и от того нам определенно становится лучше.

А если не представляем, вернее, не предполагаем, а более того – *знаем* о существовании того самого заветного содержимого, которое скрывают от нас стенки «коробки»?

Все это слишком похоже на идею, над которой вот уже не первый год и не первое десятилетие рассуждает природоохранное сообщество.

В последнее время приходится наблюдать обилие идей, касающихся устройства систем охраны живой природы. Как на региональном, так и на международном уровне. Споры ведутся о площадях, формах и даже самой необходимости защиты жизни во всех разнообразных формах ее проявления.

Среди этого многообразия дискуссий особенно выделяется вопрос о методах сохранения живой природы, в частности, речь идет об идее ***заповедания и ее реализации***. История системы охраны природы и природоохранного движения знает несколько таких форм. Не углубляясь в прошлое вопроса, сосредоточимся лишь на том, что в последнее время привлекает к себе наибольшее внимание.

Речь идет о конкуренции двух форм, двух видов особо охраняемых природных территорий, то есть о конкуренции двух идей сохранения природы на наиболее высоком и сложно устроенном – экосистемном уровне. Речь идет о противопоставлении форм заповедника и национального парка.

Принципиальное различие концепций двух этих систем охраны состоит в том, что первая форма не допускает какого-либо взаимодействия человека и человеческого общества с охраняемыми экосистемами²³, оставаясь заповедной – закрытой, отчужденной от человеческого влияния территорией.

Вторая же, наоборот, стремится к этому. Ведь главной задачей национального парка (помимо, собственно, охраны природы) является приобщение населения к природному наследию.

Чем же принципиально лучше тот или иной подход? На этот счет существуют различные мнения. Многое здесь зависит от контекста развития системы охраны природы конкретной страны. Например, для стран североамериканского континента традиционной формой является национальный парк, тогда как для российских просторов наиболее традиционным остается заповедание.

Но все имеет свойство изменяться. Изменяться под влиянием времени, понимания и интересов. Так происходит и с системой охраны природы. В качестве примера можно привести изменения в российском федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях», вступившие в силу 30 ноября 2011 года [Об особо охраняемых природных территориях, 2011]. Небольшие изменения в одной из статей наделили заповедники, считавшиеся ранее некими неприступными крепостями дикой природы, необходимостью способствования развитию познавательного туризма на их территории. То есть де-факто приравнивали заповедник к национальному парку. Хорошо это или плохо? Сказать достаточно сложно.

Вот тут нам для рассуждения и пригодится тот самый «барашек» Экзюпери, ну и, конечно, некоторое знание, а вернее, понимание основ системной экологии.

Как известно, даже небольшое изменение естественных характеристик природной экосистемы выводит ее из состояния равновесия, а значит, приводит к ее изменению.

---

²³ Помимо научных исследований и других специфических форм.

Стало быть, наилучшим деянием, способствующим сохранению жизни в ее естественном состоянии, является невмешательство. В этом и заключена идея заповедания, которое по-английски звучит как *preservation*. Однако человеческая природа такова, что требует контакта с любым уникальным объектом, особенно когда речь идет об объекте естественном. Феномен эстетики природы известен с самых давних времен, не стоит даже начинать перечислять его проявления, это попросту заняло бы не одну сотню страниц. Однако в контексте феномена информации феномен эстетики природы проявляется, пожалуй, особым образом. Экологический туризм и приобщение людей к реликвиям дикой природы стали неотъемлемым атрибутом современной цивилизации. Но здесь рождается парадокс конкурирующих друг с другом интересов. Все желают сохранения природных ценностей, но в то же время ищут контакта с ними, несмотря на то что такой контакт может быть для этих ценностей губительным.

Возможно ли конструктивное совмещение этих интересов? В теории – да. По крайней мере, это определяется нашими знаниями об устройствах экологических систем. Но можем ли мы учесть все моменты? Можем ли мы обеспечить беспрекословное соблюдение уровней допустимого воздействия, происходящего из теоретических расчетов, основанных на современном экологическом знании, на практике? Наверное, нет. Так как же быть с вопросом о формах охраны природы, который во многом должен решаться на индивидуальном уровне, как с точки зрения индивидуального подхода к охраняемому объекту, так и с точки зрения индивидуального подхода каждого человека к проблеме? Ответить сложно.

Иногда простое представление об объекте, представление о его ценности способно заменить прямой контакт с ним. Вопрос идеи заповедания, вернее, вопрос о готовности принятия идеи заповедания зависит более от нашего восприятия. На смену эстетическому критерию приходит этический критерий самоограничения. Впрочем, поиск формы, в которой этический критерий самоограничения может сочетаться с воплощением эстетического чувства в виде

контакта с живой природой, определенно является одним из ключевых вопросов идеи охраны природы.

«Заповедники и национальные парки являются тем местом, где *любая* жизнь имеет особый статус и царит дух благоговения перед жизнью... но в повседневной в практике заповедного дела этот *основополагающий* принцип регулярно нарушается... Мы стали забывать, что еще совсем недавно охрана природы была для нас *этической* самоцелью» [Никольский, 1996, С. 8]. Трудно не согласиться с этой мыслью. Впрочем, трудно и свыкнуться с ней. Ведь абсолютным приоритетом для функционирования охраняемых территорий должны быть все-таки интересы окружающей жизни. Из этого следует, что любая потенциально разрушительная деятельность не может быть допустима. И все же... В регулярной практике вновь и вновь поднимается вопрос о поиске компромиссов. Компромиссов, которых с точки зрения благоговения перед жизнью быть не должно.

Быть ли заповедникам в том виде, в котором они предполагались, в виде очагов нетронутой дикой природы, лишенной чрезмерного внимания? Этот вопрос предстоит решить нашему обществу уже в самое ближайшее время. Однако совершенно необходимо отметить, что с позиций этического критерия любое разрушительное (и даже потенциально разрушительное) воздействие по отношению к жизни в пределах этих особых, отчужденных от разрушения зон недопустимо.

Однако это предположение еще не завоевало среди общества абсолютной поддержки. По крайней мере споры о характере функционирования заповедников до сих пор не утихают [Никольский, 1998]. Быть ли заповедности *абсолютной*? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, главное – обеспечение сохранности жизни, сохранности того самого заветного «барашка» (позволю себе вернуться к метафоре, приведенной в начале этой главы), находится он в коробке или же нет. Хотя, как говорит нам экологическое знание, в коробке ему было бы все же немного спокойней.

Иными словами, этика благоговения перед жизнью говорит нам о том, что ненарушаемая внешним влиянием воля к жизни, гораздо ценнее удовлетворения интересов людей. «Там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно осознавать насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного», – говорит Швейцер [Швейцер, 1992, 223]. А это означает, что именно отчуждение от разрушения, в форме заповедания, является наиболее правильной и глубокой формой заботы о сохранении окружающей жизни. И чем в большем количестве эта форма заботы проявляет себя, тем больше проявляет себя наше понимание, превосходящей все прочее, ценности стремления к сохранению окружающей жизни.

Окружающий нас мир прекрасен, своим разнообразием, удивительной сложностью устройства и столь же удивительной его гармоничностью. На протяжении всей своей истории человек не перестает удивляться величественной красоте природы. Потрясающий результат эволюции и, что еще более важно, коэволюции, именуемый нами природой, без всякого сомнения, является безграничной ценностью, которой мы, однако, порой не придаем значения.

Современное общество, оторванное от возможности созерцания и непосредственного общения с окружающим миром, с естественной природой, с окружающей жизнью во всем величии ее проявления, все более обращается к необходимости хотя бы кратковременного воссоединения с ним.

Возможность такого временного воссоединения открывается нам сегодня в виде того, что в современной терминологии принято называть **«экологическим туризмом»**.

Не секрет, что возможности общения населения с окружающей природой весьма ограничены – во многом по вине самого общества. За последние несколько сотен лет площадь естественных экологических систем неуклонно сокращалась. Низводимый до полного разрушения, рассекаемый цивилизацией, изменялся вид естественного ландшафта. В той или иной степени этот процесс затронул почти все уголки земного шара. Именно поэтому оставшиеся острова нетронутой дикой

природы воспринимаются нами как редкость и огромная ценность. К счастью, сегодня эта ценность является очевидной. Очевидной же является и необходимость сохранения оставшихся островков, принадлежащих дикой природе. Впрочем, эту задачу, скорее всего, невозможно решить без участия общества. Именно поэтому приобщение населения к его природному наследию является важной составляющей процесса сохранения дикой природы. Более того, приобщение к природному наследию является неотъемлемой частью культурного развития современного общества.

Проявление отношения общества к природному наследию в форме экологического туризма, то есть непосредственного временного контакта с объектом этого наследия – частичкой живой природы, сегодня является одной из основных форм взаимодействия общества с окружающим миром. И скорее всего, будет оставаться таковой и в будущем.

Совсем не случайно приходится использовать столь изменчивую терминологию, попеременно обращаясь к таким словосочетаниям, как «живая природа», «окружающий мир» или «природное наследие». Это разнообразие понятий обусловлено многообразием проявления и единством основы того, что мы принимаем в качестве объекта нашего приобщения. Объектом этим в любом случае является жизнь. Жизнь как фактор, который формирует облик нашего окружения. Именно поэтому весьма верным представляется рассмотрение вопроса взаимодействия общества с окружающим миром (в том числе и в форме экологического туризма) в контексте отношения к окружающей жизни.

Отношение к окружающей жизни – вот что может быть мерилom разумности в разрешении вопросов, касающихся воздействия на окружающую природу.

Отношение к окружающей жизни имеет в своей основе сразу две одинаково ценные составляющие – разумную (рациональную) и этическую (чувственную). Взаимодействие двух этих составляющих в конечном счете и формирует отношение. Впрочем, попробуем сосредоточиться лишь на второй – этической

(нравственной) составляющей, приняв утверждение о том, что нравственное и разумное в действительности всегда совпадают.

Нравственное отношение неизменно стремится к идеалам, в том числе образцам разумности, доброты и истины. Так же, как и рациональность стремится к истине. В вопросах взаимодействия общества (человека) с живой природой эта истина (по современным представлениям) заключается в идеале минимизации воздействия на окружающую природу. На чувственном уровне это проявляется в виде демонстрации уважения и любви к окружающей жизни.

Применительно же к сфере экологического туризма это уважение превращается в то, что способно, собственно, определить экологический туризм как самостоятельный вид культурной деятельности.

Идея достаточно проста. Она заключается в следующем: *действительно экологическим является тот туризм, который ставит перед собой в качестве абсолютного приоритета интересы окружающей жизни.* А это означает прямое внедрение принципа благоговения перед жизнью в теоретическую и методологическую основу названного вида активности.

Именно это обстоятельство выделяет экологический туризм из понятия туризма вообще.

Сегодня мы привыкли именовать экологическим туризмом любой выезд на природу, любое пребывание в условиях естественных природных ландшафтов. Однако является ли такое пребывание культурным действием?

Если исходить из предположения, что культурным является прежде всего созидательное действие, то можно прийти к выводу, что приобщение к окружающей природе, не имеющее в своей основе приоритета этической составляющей, таковым, скорее всего, не будет. В первую очередь потому, что оно допускает разрушение как противоположность созиданию.

В погоне за своими желаниями мы часто не замечаем того разрушения, того беспокойства, которое способны принести в окружающую жизнь. Ставя свои

кратковременные интересы выше интересов окружающей жизни, мы наносим ей определенный урон, то есть разрушаем то, что изначально хотели бы сохранить.

В этом и заключается парадокс современного «экологического» туризма. Приобщаясь – разрушаем. Таким иногда становится печальный итог подобной деятельности.

Человек стремится к общению с природой, но природа отнюдь не стремится к этому общению. Лишь изредка она способна продемонстрировать свое величие тому, кто относится к ней с должным терпением и благоговением. К сожалению, в суете и спешке мы порой забываем об этом или не хотим этого замечать. Именно поэтому экологический туризм как созидательное проявление, как культурное действие уступает свое место дежурному мероприятию, цель которого – получение удовольствий.

Примеров тому можно найти великое множество.²⁴ Но в наших силах изменить это. Нравственное понимание, основанное на благоговении перед жизнью вполне способно утвердить критерии экологического туризма как формы культурной деятельности и, более того, указать на определение этой деятельности. Это определение лаконично и подразумевает под собой простую логику, поэтому позволю себе привести его еще раз.

Лишь тот туризм можно назвать истинно экологическим, что ставит перед собой в качестве безусловного приоритета интересы и благополучие окружающей жизни. Лишь тот туризм, что сторонится причинения разрушений и беспокойства, является созидательным действием, способствующим истинному культурному росту.

Наконец, обратим внимание на такой вопрос, как *взаимоотношения бизнеса и природоохранной деятельности*, который уже не раз обсуждался на страницах научных и популярных книг и журналов, в рамках встреч,

---

²⁴ Печальных примеров разрушающего поведения человека по отношению к окружающей жизни в рамках «экологического» туризма можно обнаружить достаточно много. Это и прямое разрушение, и фактор беспокойства (часто фатального, учитывая экологические особенности определенных видов) охраняемых представителей живого мира. Все это заставляет задуматься над необходимостью контроля (в том числе и правового – в виде лицензирования деятельности в области экологического туризма) за указанной сферой деятельности.

симпозиумов и конференций; вместе с тем актуальным он остается и по сей день. Попробуем кратко проанализировать эту тему еще раз. Но уже в контексте совместного использования современного экологического знания и этического принципа благоговения перед жизнью.

Прежде всего приведем любопытный факт. В английском языке отечественному термину «охрана природы» соответствуют сразу два понятия: conservation и preservation [Копылов, 2012; Norton, 1986]. Первое можно трактовать как сохранение природы в условиях ее эксплуатации, второе (более знакомое нам по традиционной природоохранной практике) можно расшифровать как отчуждение от использования, «заповедание». В контексте двух этих понятий образовались две противоположные точки зрения, два мнения на предмет возможности сосуществования коммерческой и природоохранной деятельности.

Рассмотрим два полярных мнения о возможности сосуществования бизнеса и охраны природы. Оба они достаточно развиты и находят поддержку в современности.

Первое из них основано на предположении о возможности интеграции бизнеса и охраны природы. При этом указывается, что бизнес и охрана природы способны органично интегрироваться, проявляя взаимодействие по принципу +/0 или даже +/+, известные в классической экологии под названием комменсализма и протокооперации²⁵.

Применение экологической терминологии может показаться здесь излишним, однако такой пример, пожалуй, как нельзя лучше способен охарактеризовать взаимоотношения природы, природоохранной деятельности и бизнеса.

Заметим при этом, что один из знаков в этих соотношениях всегда будет положительным, поскольку получение выгоды в виде прибыли является основополагающим условием самого существования бизнес-проектов.

---

²⁵ Протокооперация (+/0) – вариант взаимовыгодного взаимодействия организмов (частный случай симбиоза), при котором такое сосуществование не является для них обязательным.

Рассмотрим противоположное суждение, основанное на предположении об антагонизме охраны природы и коммерческой деятельности на ее основе. При этом такое взаимоотношение будет характеризовать формула $+/-$, что в классической экологии соответствует хищничеству или паразитизму.

При таком взаимодействии коммерческая выгода сопряжена с безусловным ущербом, причиняемым охраняемым экосистемам.

В этих двух полярных мнениях вряд ли можно найти что-то общее. Точкой соприкосновения здесь является, пожалуй, только осознание необходимости охраны и сохранения природных ценностей.

Чтобы разобраться в непростом вопросе соотношения бизнеса и охраны природы и сориентироваться между полярными точками зрения на предмет возможности их сосуществования, важно задаться вопросом о мотивации обоих видов деятельности.

Охрана природы базируется прежде всего на представлении о непрерываемой ценности окружающей жизни. Бизнес же основан на понятии прибыли. Получение прибыли – одновременно и изначальная мотивация бизнеса, и его конечная цель. Таким образом, можно предположить, что изначально бизнес не заинтересован в сохранении природных ценностей в их первоизданном виде.

Конечно, можно апеллировать к предположению о том, что бизнес заинтересован в получении прибыли в долгосрочной перспективе, а эту долгосрочную перспективу способно обеспечить только устойчивое существование средства ведения бизнеса, коим, по сути, и является охраняемый природный объект. Однако на практике между долгосрочным, размеренным существованием и кратковременным получением максимально возможной прибыли бизнес чаще всего выбирает второе. Такой выбор не является предосудительным, поскольку он продиктован самой концепцией бизнеса как деятельности, направленной прежде всего на получение прибыли. И чем больше эта прибыль, тем выше эффективность бизнеса. Такова его стратегия. Она исходит из того, что бизнес всегда существует в неограниченном количестве

изменяющихся внешних условий и долгосрочное функционирование бизнес-системы зависит от их благоприятного стечения. Изменчивость внешних условий, таким образом, определяет стратегию получения максимальной прибыли в максимально короткие сроки, как наиболее эффективную. Таковы существующие реалии.

Отметим еще одну важную деталь. Коммерческая эксплуатация природных экосистем всегда сопряжена с непосредственным воздействием на них. В таком случае об охране природы в понимании *preservation* речь уже не идет.

Природное наследие отличается от культурного тем, что представляет собой живую динамическую систему, к нарушению равновесия в которой способно привести даже случайное и незначительное воздействие.

Однако приобщение населения к природному и культурному наследию является задачей, декларируемой на самых высоких уровнях. Безусловно, это важная задача. Но каким образом можно рассчитать баланс между благой целью приобщения населения к его природному наследию и сохранением этого самого наследия?

Разработанные методики расчета допустимой нагрузки на территорию сохраняемых природных объектов плохо увязываются с изначальной целью коммерческой деятельности. Любое ограничение для нее означает в первую очередь потерю прибыли, а значит, снижение эффективности в ее коммерческом понимании²⁶.

Но рассмотрим возможные положительные моменты: тот самый второй плюс в редком даже в природе взаимодействии по типу протокооперации (+/+). Что может «получить» природный объект от организации его коммерческой эксплуатации? В первую очередь материальные средства, которые, впрочем, сами по себе ему нужными не представляются. Следовательно, положительное воздействие должно быть опосредованным. На практике это опосредованное

---

²⁶ Получается в некотором роде «неполноценное» предпринимательство. В таком своем виде оно либо вынуждено существовать в условиях ограничения и поддерживаться извне, либо неизбежно будет стремиться побороть установленное ограничение.

воздействие проявляется в виде организации деятельности по поддержанию существования объекта в сложившихся условиях, а точнее по снижению ущерба от его эксплуатации.

Безусловно, речь не идет о таких важных составляющих, как финансирование научных работ, способствующих восстановлению ранее уже нарушенных объектов, однако зададимся еще одним важным вопросом. Должно ли финансирование деятельности по сохранению природного наследия быть основано на его коммерческой эксплуатации?

Природное наследие является, без преувеличения, всемирным достоянием (об этом, в частности, говорит Парижская конвенция) и вместе с тем достоянием народа. Мировое сообщество и суверенные государства в таком случае вполне могли бы взять на себя обязательства по его поддержанию.

К сожалению, в ряде случаев это невозможно. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что коммерческая эксплуатация природных ценностей может иметь место. Но при каких условиях? При условиях исчерпанности всех прочих источников финансирования.

Как же быть с необходимостью приобщения населения к природному наследию? Здесь стоит вспомнить о том, что этот процесс вполне может быть не связан с коммерческой деятельностью. Всеобщая коммерциализация стала спутником современности. К сожалению, этот факт проявляется и в отношении к окружающей природной среде.

Каков же должен быть выбор между представленными чуть выше полярными точками зрения? Как ни парадоксально, слабость обеих этих точек зрения находится в их полярности. В современных реалиях любая хозяйственная деятельность по большому счету есть результат компромиссов. Поиск компромиссов является важнейшей задачей в рассмотрении вопроса возможности коммерческого использования природных ценностей.

Интеграция или антагонизм? Пожалуй, лучшим выбором среди этих двух точек зрения может быть третье – *независимость* (0/0). Независимость, которая в

каждом конкретном случае может трансформироваться как в положительное, так и в отрицательное решение о совместимости бизнеса и природоохранной деятельности.

Единственное, что представляется недопустимым, – это направленный поиск причин для коммерциализации охраны природы, разрушающий первоначальную, независимую от понятия экономической выгоды (прибыли) мотивацию этой деятельности.

Поиск разумных и компромиссных решений – вот первоочередная задача для тех, кто решает проблему возможности коммерческой эксплуатации природных ценностей, подлежащих охране и сохранению. В конце концов, не случайно термины *conservation* и *preservation* наравне существуют в единой системе. Это означает, что два этих подхода, происходящие о двух, означенных выше точек зрения, способны органично сосуществовать, выбор же между ними должен быть продиктован осознанной необходимостью и разумным анализом.

Компромисс как основа осознанного решения о возможности сосуществования коммерческой и природоохранной деятельности, вероятно, должен быть основан на совокупности двух условий. Условий, характеризующих интересы каждой стороны, каждого вида деятельности.

Первое, сугубо экономическое условие – условие экономической рентабельности коммерческой деятельности. Второе – условие допустимости этой деятельности в границах сохраняемых объектов.

Для того чтобы проиллюстрировать эту совокупность, позволю себе применить несколько совсем несложных формул, характеризующих основные логические положения.

В качестве расчетного параметра для них представляется правильным взять один из фундаментальных параметров, лежащих в основе функционирования как экологических, так и экономических систем, – энергетический параметр. Понятие энергии столь же часто встречается в экологии, сколь и в экономике.

Если же мы допустим, что единица измерения энергии, которой, как известно, является джоуль, выступает по своей сути естественной, «безусловной» (в противовес условности денежных единиц) «валютой», то логичным будет предположить, что материальную выгоду с таким же успехом можно измерить в энергетическом эквиваленте, как и в традиционном – валютном.

USD, EUR, CHF → Дж.

Итак, приведем формализованную запись совокупности условий возможности сосуществования коммерческой и природоохранной деятельности.

Первое – сугубо экономическое условие, условие положительной рентабельности коммерческой деятельности:

$$\text{Eff} = \frac{E_{\text{prof}}}{E_{\text{ex}}} > 1 \text{ или же } E_{\text{prof}} > E_{\text{ex}},$$

где Eff – показатель экономической эффективности (рентабельности) деятельности, E_{prof} (англ. *profit* – прибыль) – получаемая прибыль в ее энергетическом эквиваленте, E_{ex} (англ. *expenses* – расходы, затраты) – затраты на получение прибыли в том же энергетическом эквиваленте.

Второе, экологическое условие – условие допустимости реализации деятельности в границах сохраняемого объекта, исходящее из применимости широко известного в экологии правила одного процента²⁷ (настолько, насколько оно, конечно, верно проявляется на практике):

---

²⁷ По современным представлениям, согласно «правилу одного процента», известному в классической (системной) экологии, изменение энергетической характеристики экологической системы в пределах до 1 % не выводит ее из равновесного состояния, то есть не приводит к критическим изменениям (осредненное за ряд десятилетий изменение энергетики природной системы более чем на 1% выводит систему из состояния гомеостаза [Экологическая энциклопедия, 2008^A, 323]). Безусловно, применимость этого правила в каждом отдельном случае должна быть тщательно проанализирована. Да и собственно, остается справедливым вопрос о том, сколь правильным является ограничение «незаметного» изменения энергетического оборота системы в рамках одного процента.

$$\Delta E_{\text{nat.circ}} < \frac{E_{\text{nat.circ}}}{100} \text{ или же } \Delta E_{\text{nat.circ}} < 1\%,$$

где $\Delta E_{\text{nat.circ}}$ (англ. *natural circulation* – естественный оборот) – значение изменения характеристики первичного естественного энергетического оборота в экологической системе.

Однако реализация подобной совокупности условий на практике чрезвычайно сложна, требует должного научного обеспечения и, главное, наличия воли к ее реализации.

Рассмотрение самой возможности создания подобных компромиссных условий на практике является первоочередной задачей в решении вопроса совместимости бизнеса и охраны природы.

В заключение стоит добавить, что разумный анализ при организации коммерческих проектов на основе пусть даже и опосредованной, но эксплуатации природных ценностей, конечно же, должен содержать в себе тщательную, взвешенную и, самое главное, ответственную оценку.

Важную роль в таком случае могут сыграть инструменты научной экономической, эколого-экономической, а также *независимой от критериев выгоды, этической оценки и экспертизы, имеющей в своей основе определяющий этический принцип.*

Организованный на высоком уровне подобный дискуссионный, оценочный комплекс способен разрешить множественные вопросы, связанные с определением возможности сосуществования коммерческой деятельности совместно с охраной природы.

Впрочем, с точки зрения этики «благоговения перед жизнью», любой компромисс в данном случае был бы не оправдан, никакой этической

необходимостью. Этика благоговения противится подобным компромиссам.²⁸ И это следует признать и иметь в виду. Однако для того, чтобы понимание этики в качестве единственного определяющего критерия возобладавало, необходимо еще время, усилия и диалог, который может продемонстрировать действенную силу этического критерия.

Несмотря на то, что современное общество привыкло искать компромиссы, тем самым создавая «относительную этику», являющуюся по сути псевдоэтикой, важно осознать, что действенная этика противится компромиссам, указывая на невозможность оправдания действий, противоречащих ее идее, но оправдываемых *несуществующей или же несущественной* «необходимостью», о чем говорил, обосновывая свой принцип, Альберт Швейцер.

3.2 Препятствия на пути сохранения жизни

В настоящем параграфе хотелось бы рассмотреть наиболее яркие примеры современных социальных явлений, препятствующих сохранению окружающей жизни, а, точнее, прямо противостоящих ему. На двух примерах попробуем обосновать пространство для применимости этического принципа благоговения перед жизнью, как методологической основы для преодоления этих препятствий и связанных с ним проблем. Можно так же сказать о том, что именно благоговение перед жизнью как этический принцип способно стать разрешающим фактором для решения рассматриваемых вопросов.

Одной из самых болезненных и серьезных проблем для всего дела сохранения уникальных природных объектов по сей день является **браконьерство**, то есть непосредственное, целенаправленное уничтожение

---

²⁸ Как замечает Швейцер: «Обычная этика ищет компромиссов. Она стремится установить, в какой мере я должен пожертвовать моей жизнью и моим счастьем и сколько я должен оставить себе за счет жизни и счастья других жизней. Таким путем она создает прикладную, относительную этику. То, что в действительности отнюдь не является этическим, а только смесью неэтической необходимости и этики, она выдает за этическое. Тем самым она подводит к чудовищному заблуждению, способствует все большему затемнению понятия этического. Этика благоговения перед жизнью не признает относительной этики» [Швейцер, 1992, С. 222].

охраняемых объектов, коими являются представители растительного и животного мира.

Браконьерство наряду с сокращением площадей естественных мест обитания стало на сегодняшний день главным и беспощадным врагом для мира дикой природы. Тысячи петель и ловушек расставлены в эти дни в лесах и саваннах, сотни людей каждый день и каждую ночь выходят на свой промысел. Итогом этих кровавых рейдов становится статистика, согласно которой распространение популяций наиболее редких видов сегодня неумолимо сокращается.

Под термином «браконьерство» (англ. poaching), как правило, подразумевается «незаконная добыча или уничтожение животных и растительного сырья, запрещенных к добыче, без надлежащего разрешения, в запрещенные сроки или запрещенными орудиями и способами» [Экологическая энциклопедия, 2008, С. 219].

При этом следует различать спорадическое и системное браконьерство. Первое характеризуется единичными проявлениями, такими, например, как нарушение правил охоты, не имеющими под собой мотивации получения материальной выгоды. Второе ставит «промысел» на поток и имеет своей основной целью получение прибыли от реализации незаконно добытой продукции. С последним приходится считаться особо.

Как уже было сказано, результатом неразумного, безжалостного и безответственного уничтожения объектов живого мира становятся потери, которые в своем численном выражении порой ужасают своей динамикой.

Приведем лишь пример по числу убитых в Южной Африке за последние 12 лет носорогов. Если в период с 2001 по 2002 год число убитых животных не составляло и десятка, то уже в период с 2002 по 2007 год подобные потери составили от 10 до 25 особей ежегодно. В дальнейшем последовал настоящий взрыв. В 2008 году было убито 83 особи, в 2009 – 122, в 2010 – 333, в 2011 – 448, а в 2012 – 668 особей [Biggs et al., 2013].

Если сложить показатели, то получится, что за период последних 10 лет браконьерами было убито 1761 животное. При этом общая численность популяции двух видов африканских носорогов (*Ceratotherium simum* Burchell, 1817 и *Diceros bicornis* L. 1758) составляла в этот период (по оценкам на 2010 год) всего около 25 тысяч особей, большая часть которых (93% для *C. simum* и 39% для *D. Bicornis*) обитали в пределах Южной Африки²⁹.

Подобная участь постигла и многих других «ценных» представителей живого мира. Так, за период 1973-1987 гг. численность слонов сократилась в Уганде на 89 %, в Кении на 85 %, в Танзании на 53 % [Экологическая энциклопедия, 2008]. А те, что еще остались, вынуждены довольствоваться весьма ограниченными территориями заповедников и иных охраняемых территорий, где ввиду создавшейся высокой плотности они вынужденно уничтожают древесную растительность.

Сопоставляя указанные выше численные данные, несложно понять, какую опасность носит систематическое браконьерство для популяции столь редких видов живых организмов. Если же сопоставить эти значения с пространственным распределением, то есть попросту взглянуть на карту, ситуация окажется куда более серьезной. Сокращение и фрагментация ареалов диких видов в настоящее время является основной причиной их деградации. В совокупности с натиском системного браконьерства таковая ситуация представляется критически опасной для их выживания.

Но как выглядит сама система, приводящая к подобному безумному и безответственному отношению к живому миру? Чтобы взглянуть на складывающуюся картину наиболее полно, логичным представляется разобраться в механизме самого явления. А механизм этот носит экономический характер.

Спрос рождает предложение – эта простая формула является основой и отправной точкой для развития системного браконьерства. Динамика показателей

---

²⁹ Оценки приведены по данным Международного союза охраны природы (IUCN) [IUCN Red List, 2010].

спроса и предложения формирует тогда некий цикл, который ведет к развитию этой системы. Выглядит он следующим образом:

1. Появление спроса на некоторую продукцию.
2. Появление предложения и уничтожение представителей живого мира.
3. Снижение численности добываемых видов.
4. Рост цены на продукцию.
5. Увеличение масштабов браконьерства, обусловленное высокой ценой на продукцию.

Три последних пункта образуют собой порочный круг, справиться с которым на местах приходится как отдельным энтузиастам и природоохранным организациям, так и правительственным структурам.

Как видно, немаловажным является условный показатель цены, который зависит от соотношения спроса и предложения. Но, понятия «цена» и «ценность» имеют совершенно разные основания.

Однако указанная выше схема не учитывает одного важного факта. Дело в том, что явление браконьерства, как и любое явление в современном мире, существует во взаимодействии с феноменом информации. Поэтому на его динамику информация оказывает значительное влияние. Например, сокращение численности незаконно добываемого вида и следующий за этим рост цены на продукцию браконьерского промысла активно поддерживают наличие спроса на нее. Ведь чем более дорогой и редкой является вещь, тем более «ценной» и престижной она становится в глазах многих людей. Феномен массовой информации запускает некое подобие порочного круга – *circulus vitiosus* – о котором и говорится выше.

Во многом мы сталкиваемся с недооценкой феномена информации при разработке подхода к разрыву порочного круга браконьерской деятельности.

Основные меры, предпринимаемые в сфере борьбы с браконьерством, сосредоточены на пресечении предложения, но обходят стороной столь важный аспект, как формирование спроса.

Работа по сохранению находящихся под угрозой видов, вероятно, должна формироваться исходя из понимания необходимости комплексно предпринимаемых мер.

Что касается предложения, то система противодействия незаконному промыслу в настоящее время разработана довольно подробно. Положения большинства национальных законодательств предусматривают ответственность за занятие браконьерством. На международном уровне принят целый ряд документов, препятствующих незаконной добыче, транспортировке и реализации браконьерской продукции. Среди них особое положение занимает конвенция CITES³⁰, преамбула которой является настоящим гимном сохранению живого мира и биологического разнообразия нашей планеты.

Но главное все же – основа. А основой браконьерства является спрос. Совместное воздействие мер, направленных на уменьшение спроса, и уменьшение предложения представляются куда более эффективными, нежели их отдельная реализация.

Правда, со спросом все несколько сложнее, нежели с предложением.

На сегодняшний день существует непростая ситуация, когда одна и та же продукция может существовать в виде товара легального и нелегального происхождения. Но само существование подобной продукции в ее законном виде является прямым стимулированием спроса на нее.

Периодически возникают предложения об организации трофейной охоты на представителей исчезающих видов. Подобные предложения мотивируются аргументом, согласно которому прибыль, полученная от организации единичных охот, могла бы пойти на целевое финансирование природоохранных мероприятий. Однако такие предложения также являются прямой информационной поддержкой спроса на продукцию браконьерства и в случае их реализации способны привести только к его увеличению.

---

³⁰ Конвенция ООН о международной торговле редкими видами диких животных и растений от 1973 года (Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora).

Предложения по легальному производству «ценной» продукции животного мира (например, того же носорожьего рога [Biggs et al., 2013]) способны решить проблему лишь временно, поскольку основаны на модификации элемента предложения, но не затрагивают спроса. На время исчезнет предложение, но спрос останется. Поэтому эти меры также, наверное, не могут считаться фундаментальными. Это подтверждается и некоторыми расчетными экологическими исследованиями [Lusseau, Lee, 2016; Morell, 2016].

Все это означает, что современному обществу еще предстоит проделать огромную работу над тем, чтобы разорвать порочный круг и не допустить гибели оставшихся представителей растительного и животного мира. Если, конечно, у него на это хватит времени.

Безусловно, особое место здесь занимают привычные регулирующие инструменты права, способные повлиять на предложение.

Действительно, логично было бы предположить разумность и необходимость сочетанного, комплексного подхода, включающего в себя охранительные правовые и компенсационные экономические меры, ликвидирующие предложение или же замещающие его.

Но что можно противопоставить безжалостному спросу? Только этическое понимание. Понимание, в котором и заключается идея бережного отношения к живой природе.

Как мы видим, и здесь определяющая роль лежит в области этического восприятия, понимания и оценки, что говорит о бесценной роли этики как феномена, способного решать самые различные проблемы.

Возможно, когда-нибудь общество осознает *бесконечную ценность* окружающей жизни, которая не имеет ничего общего с экономическими понятиями стоимости, моды или престижа. *А это означает возобладание этического критерия, в основе которого может и должно лежать проявление принципа благоговения перед жизнью.*

Перейдем, пожалуй, к одному из самых ярких примеров конфликтов этики и интересов (подробнее см. п. 1.2), которые можем мы наблюдать в современности. Проблема открытого насилия, проявляющего себя в виде **вооруженных конфликтов**, являет собой одно из ярчайших свидетельств об уровне развития современного нам общества. И как бы ни печально было это признать, возможно, именно это свидетельство говорит о весьма большом превозвышении самоназвания человека, в качестве разумного существа как «sapiens».

«...Или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать» – так звучит одна из главных мыслей классика мировой литературы Л. Н. Толстого, озвученная им в «Севастопольских рассказах».

Бесчисленное количество раз эти и подобные им слова и мысли звучали на страницах книг и журналов, газет и листовок, в речах ученых и политиков, в залах научных собраний и на площадях, в воззваниях знаменитых гуманистов и скромных размышлениях не столь известных людей. Эти мысли звучат с театральных подмостков и киноэкранов, в радиоэфире и колонках интернет-новостей.

Одно уже это является огромной заслугой идеи гуманизма, огромным шагом человечества на пути его развития.

Однако извечные конфликты интересов, порождаемые слабостями и страстями людей, все так же продолжают раздирать наш мир, трансформируясь в столкновения с применением насилия. Вооруженные конфликты давно уже стали неотъемлемой частью развития и упадка народов, обществ и государств. Не прекращаются они и по сей день. Многие историки, культурологи и философы склонны описывать современную цивилизацию как «цивилизацию войны», «цивилизацию насилия» (см. например [Басовская, 1991]). Возможно, такие оценки оправданны, если учесть масштабы насилия в современном нам мире.

«Только за период после Второй мировой войны, по подсчетам ученых в разных регионах мира произошло около 100 различных по масштабам и интенсивности вооруженных конфликтов» [Маилян, 2013, С. 5].

Усилия международного сообщества пока не привели к повсеместному прекращению огня или хотя бы безусловному применению норм международного гуманитарного права. Внутренние же вооруженные конфликты порой ведутся без учета каких бы то ни было правовых и даже этических норм (если сам факт насилия, которое обретает форму вооруженного конфликта, вообще можно хоть сколько-нибудь относительно оценивать с этических позиций).

Закономерно, что последствия подобных конфликтов затрагивают и окружающую жизнь, тем самым лишь увеличивая степень своего разрушительного влияния.

В связи с этим, необходимым представляется рассмотрение роли объектов природного наследия как безмолвных и невольных участников подобных конфликтов, их положения и защищенности нормами национального и международного права. Ведь сохранение природного наследия является одной из важнейших задач современного общества, имеющей как научное, так и этическое обоснование.

Что может быть противопоставлено безответственному отношению к природному наследию в зоне возникшей напряженности? Пожалуй, только понимание его безграничной ценности. То самое понимание, которое и привело к рождению термина «природное наследие».

Говоря о природном наследии, прежде всего следует определиться с пониманием того, что мы подразумеваем под этим термином. В общем понимании природное наследие определяется как «совокупность объектов и явлений природной среды, имеющих особую ценность... прямо не связанную с ресурсным (природоресурсным) потенциалом» [Мазуров, 2010, С. 100].

Профессор Ю. Л. Мазуров призывает отличать понятие «природное наследие» от близкородственных ему понятий, таких как «природа», «природное

достояние» или «природные ценности»: «Природное наследие – это далеко не все природные ценности, формирующие среду жизни этносов, а только те, которые проявляются в феномене информации и находятся под угрозой утраты» [Мазуров, 2010, С. 100].

Наряду с культурным наследием природное наследие является неотъемлемой составляющей понятия «всемирное наследие» (world heritage).

Все эти три термина: всемирное, природное и культурное наследие, обыкновенно ассоциируются с одноименной конвенцией ЮНЕСКО.

Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия от 11 ноября 1972 года (Парижская конвенция) в ст. 2 понимает под природным наследием следующие категории [Парижская конвенция, 1972]:

– «природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки»;

– «геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения»;

– «природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты».

В этом узком, но точном определении содержится одновременно понимание ценности указанных объектов как с научной, так и с эстетической точки зрения. Обе эти точки зрения вполне уживаются в единой этической парадигме, обретающей в современности форму «консервативной» концепции охраны природы.

Определим также основные мотивирующие положения, указывающие на необходимость сохранения природного наследия. Они указаны в преамбуле Парижской конвенции, которая говорит о том, что:

«культурному и природному наследию все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями» [Парижская конвенция, 1972];

«повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляют собой пагубное обеднение достояния всех народов мира» [Парижская конвенция, 1972].

«В связи с масштабом и серьезностью новых опасностей, которые им угрожают, все международное сообщество должно участвовать в охране природного и культурного наследия, предоставляя коллективное содействие» [Парижская конвенция, 1972], – гласит еще одно положение конвенции ЮНЕСКО.

Механизм сохранения природного наследия в общем виде раскрывается в п. d ст. 5 Парижской конвенции, согласно которому «государства стремятся принимать соответствующие юридические, научные, технические, административные и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения, популяризации и восстановления этого наследия» [Парижская конвенция, 1972].

Таким образом, признанными являются:

Первое – понимание угрозы уничтожения природного наследия вследствие «вредоносных и разрушительных» явлений социальной и экономической жизни.

Второе – понимание недопустимости утраты объектов природного наследия ввиду их исключительной и всеобщей ценности.

Третье – понимание необходимости применения широкого круга мер (в том числе юридических, административных и финансовых), направленных на поддержание, охрану и восстановление объектов природного наследия.

Определим еще одну особенность природного наследия – его дифференциацию. В настоящее время принято выделять из общего ряда объектов природного наследия объекты национального уровня и объекты, имеющие

наднациональное (всемирное) значение. Последние перечислены в соответствующем списке объектов Всемирного наследия (World Heritage List).

Не будем задаваться вопросом, насколько такая ситуация отвечает концепции понимания природного наследия как всеобщей ценности. Отметим лишь, что действие международного права прямо распространяется прежде всего на вторую категорию объектов. Объектов, имеющих неоспоримое наднациональное значение.

Становление и прогрессивное развитие отрасли международного гуманитарного права (в узком его понимании) можно рассматривать в качестве закономерной реакции мирового сообщества на развязывание и ведение вооруженных конфликтов.

Охрана окружающей среды является одним из общепризнанных принципов международного гуманитарного права [Маилян, 2013]. Несмотря на это, количество документов, прямо посвященных вопросам сохранения окружающей среды, в нем невелико [Соколова, 2012].

Так, в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протоколе I) от 8 июня 1977 года, закреплена норма, согласно которой запрещено применять методы или средства, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (ст. 35, п. 3) [Маилян, 2013; Протокол I, 1977].

Другой документ – Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (приложение к резолюции Генеральной ассамблеи ООН 31/72 от 10 декабря 1976 года) непосредственно установила запрет на использование окружающей среды в военных или враждебных целях.

Основополагающие обязательства государств в области защиты окружающей среды сформулированы в первой статье (ст. 1) Конвенции [Конвенция, 1976], согласно которой государства обязуются:

– «не прибегать к военному или любому враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие долгосрочные или серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику»;

– не помогать, не поощрять, не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению названной выше деятельности.

Два приведенных выше документа обыкновенно упоминаются в качестве основных нормативно-правовых актов международного гуманитарного права, так или иначе посвященных вопросам защиты природной среды.

Если Протокол I запрещает использовать методы и средства ведения войны, которые могут причинить ущерб природной среде, то Конвенция запрещает воздействие на природную среду уже в качестве средства ведения войны [Маилян, 2013].

Таким образом, природоохранная мотивация может считаться условно первичной в Протоколе и вторичной в Конвенции.

Однако стоит учесть, что понимание «серьезности» ущерба природной среде в Протоколе I связано в первую очередь с нанесением ущерба здоровью или выживанию населения (ст. 55):

«При ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. Такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения» [Протокол I, 1977].

С учетом этого дополнения природоохранная мотивация протокола лишь опосредованно связана с пониманием природы как самостоятельной ценности.

Пояснения границ понятий «серьезности», «обширности» и «долговременности» уровня ущерба в Протоколе I и Конвенции несколько различаются в этих документах [Маилян, 2013].

Однако в отношении природного наследия толкование этих критериев, наверное, не имеет особой значимости ввиду его исключительной ценности для всего человечества. Потеря даже небольшой части природного наследия фактически является невосполнимой утратой. Причинение же даже небольшого ущерба может привести к разрушению всего объекта, поскольку тот представляет собой сложнейшую, динамически развивающуюся систему.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что в рассмотренных документах защита природного наследия не представляется в виде обособленного положения, а рассматривается скорее в рамках недопустимости общего негативного воздействия на окружающую среду.

Не определяется также необходимость защиты объектов природного наследия ввиду их научной или эстетической ценности.

Логично предположить, что подобный подход является недостаточным для полноценной правовой охраны объектов природного наследия. В связи с этим рассмотрим положения других источников международного гуманитарного права.

Ближе всего к понятию защиты природного наследия от последствий ведения вооруженных конфликтов находятся соглашения об охране культурных памятников, и прежде всего Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года.

Преамбула этого документа гласит, что «сохранение культурного наследия имеет большое значение для всех народов мира, и важно обеспечить международную защиту этого наследия» [Гагская конвенция, 1954].

Важнейшим понятием, закрепленным в Гагской конвенции, является понятие «уважения культурных ценностей». Одноименная статья конвенции (ст. 4) раскрывает это понятие в виде запрещения «использования этих ценностей в целях, которые могут привести к их разрушению или повреждению» и

воздержания от «какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей» [Гаагская конвенция, 1954].

В качестве механизмов специальной защиты конвенция предлагает ее предоставление ограниченному числу культурных ценностей, имеющих «очень большое значение», при условии, что они «находятся на достаточно большом расстоянии от крупного индустриального центра или любого важного военного объекта» и «не используются в военных целях» [Гаагская конвенция, 1954].

При этом (согласно ст. 8, п. 5) ценность, все же расположенная вблизи важного военного объекта, может быть взята под специальную защиту, «если Высокая Договаривающаяся Сторона, которая просит об этом, обязуется никоим образом не использовать этот объект в случае вооруженного конфликта» [Гаагская конвенция, 1954].

Важно также отметить, что согласно ст. 8 п. 4 Конвенции «культурные ценности не считаются используемыми в военных целях, если они охраняются вооруженной стражей, специально предназначенной для этой охраны, или если около них находятся полицейские силы» [Гаагская конвенция, 1954].

«Специальная защита предоставляется культурным ценностям путем внесения их в Международный реестр...» [Гаагская конвенция, 1954].

В случае внутреннего вооруженного конфликта Конвенция (согласно ст. 19) предполагает, что каждая из сторон будет применять, по крайней мере, положения об уважении культурных ценностей [Гаагская конвенция, 1954].

Какое же отношение может иметь Конвенция о защите культурных ценностей к защите природного наследия? Культурное наследие наравне с природным является неотъемлемой частью всемирного наследия. Поэтому мотивы и механизмы сохранения природного и культурного наследия во многом должны быть сходны.

На это указывают и многочисленные логические пересечения между положениями Конвенции о защите культурных ценностей и существующими реалиями, касающимися объектов природного наследия.

Например, применительно к объектам природного наследия охраняемыми силами (вооруженной стражей, о которой говорит Конвенция о защите культурных ценностей) являются рейнджеры и иные работники организаций, занимающихся охраной таких объектов, а Международный реестр культурных ценностей логически пересекается со списком объектов Всемирного наследия.

Многие аспекты международного гуманитарного права, касающиеся недвижимых объектов культурного наследия, могут без особых изменений быть применены к объектам наследия природного.

К сожалению, все рассмотренные выше документы международного гуманитарного права прямо не декларируют необходимость сохранения природного наследия как самостоятельной ценности и не описывают механизма его охраны. Хотя, без сомнения, такие объекты должны быть защищены от разрушений, приносимых войной [Соколова, 2012].

В завершение раздела, посвященного нормам международного гуманитарного права, хотелось бы привести небольшое рассуждение о том, что определение «гуманитарное» в понятии «международное гуманитарное право» пересекается с понятием гуманизма как философской концепции.

Как система воззрений гуманизм утверждает право человека на развитие и проявление своих способностей. Это же положение уже пересекается с пониманием феномена природного наследия как неотъемлемой части современной человеческой культуры, поскольку культурное развитие человека и общества вполне может сопровождаться их приобщением к природному наследию.

Если учесть хронологический порядок принятия некоторых основных документов международного гуманитарного (International Humanitarian Law) и экологического (International Environmental Law) права, касающихся защиты всемирного культурного и природного наследия, можно увидеть следующую картину.

Парижская конвенция 1972 года приравняла по значимости природное наследие к культурному, объединив их под общим понятием «всемирного наследия». Однако документа международного гуманитарного права столь же высокого уровня, специально защищающего объекты природного наследия подобно тому, как оно защищает недвижимые объекты культурного наследия, так и не появилось.³¹ Схематически описываемая ситуация может выглядеть следующим образом.

Всемирное наследие = всемирное культурное наследие + всемирное природное наследие.

При этом защита нормами международного гуманитарного (International Humanitarian Law – IHL) и международного экологического права (International Environmental Law – IEL):

Защита культурного наследия: Гагская конвенция 1954 года (IHL) + Конвенция о защите Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (IEL).

Защита природного наследия: Конвенция о защите Всемирного культурного природного наследия ЮНЕСКО (IEL) + (?) (IHL).

Дифференциация объектов природного наследия по значимости открывает перед нами с правовой точки зрения следующую картину.

Охрана объектов национального уровня и ниже, в соответствии с нормами международного гуманитарного права, всецело является ответственностью государств.

Охрана же всемирного наследия включает и ответственность структуры системы международного права, каковой в данном случае от имени ЮНЕСКО является Центр всемирного наследия (UNESCO World Heritage Centre).

Отсутствие в системе международного гуманитарного права документа, специально, направленно защищающего объекты природного наследия, весьма

---

³¹ На это, в частности, обращают внимание авторы широко обсуждавшегося, в свое время, материала в журнале «Nature» (подробнее см. [Durant, Brito, 2019]).

возможно, является *досадной оплошностью*. Возможно, его отсутствие является следствием недоказанности его необходимости.

Что ж, в таком случае обратимся к современным реалиям существования объектов природного наследия в условиях вооруженных конфликтов.

Определимся для начала с типами возможного воздействия на объекты природного наследия в рамках вооруженных конфликтов, которые открывает перед нами современность.

Логика действий конфликтующей стороны, в чьих руках оказывается объект природного наследия, может заключаться в трех вариантах.

Первый – бездумное и безответственное уничтожение уникального создания. Разрушение и повреждение его вследствие военных действий или направленной агрессии.

Второй – манипулирование сложившейся ситуацией в виде угрозы уничтожения и разрушения объекта с целью получения тактических или любых других преимуществ. В таком случае природа становится «заложником», разменной монетой в игре конфликтующих сторон и их интересов.

Третий вариант – использование объекта природного наследия с целью получения прибыли для финансирования деятельности конфликтующей стороны.

Последние два варианта показывают, что в настоящее время у конфликтующих сторон присутствует понимание ценности природного наследия, что довольно сложно было представить в прошлом.

В качестве примера воздействия на объекты природного наследия, проходящего по третьему из обозначенных сценариев, кратко приведем ситуацию, сложившуюся летом 2012 года (ко времени написания настоящего текста) в национальном парке Вирунга (Virunga National Park) в Демократической Республике Конго.

Этот объект входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО и к настоящему времени характеризуется как объект, находящийся под угрозой утраты.

По классификации объектов природного наследия, приводимой в Парижской конвенции, национальный парк представляет ценность в том числе ввиду того, что его территория включает ареал вида, находящегося под угрозой уничтожения. Именно здесь обитает единственная оставшаяся популяция восточных горных горилл (*Gorilla beringei beringei* Matschie, 1903).

Получившие всемирную известность горные гориллы со временем стали одним из ключевых символов природы трех стран региона Вирунга: Демократической Республики Конго, Руанды и Уганды.

Организация охраны и поддержания численности популяции стараниями сотрудников национального парка смогла успешно сосуществовать с организацией туристической и просветительской деятельности. Достаточно лишь проанализировать предложения по организации путешествий в горы Вирунга за последние мирные годы.

К сожалению, война не раз вторгалась в пределы национального парка. Летом 2012 года его территория вновь оказалась подконтрольной одной из противоборствующих сторон [Mollon, 2012]. Последовавшие за этим события демонстрируют весьма интересную тенденцию. По информации из открытых источников повстанцы, захватившие национальный парк, организовали собственные коммерческие туры к гориллам [Максимова, 2012].

Таким образом, в регионе сложилась практика довольно специфического экологического туризма.

В данном случае конфликтующая сторона приступила не к уничтожению, а к эксплуатации природного наследия, организуя приобщение к нему населения.

Однако этот любопытный факт вовсе не отменяет угрозы, представляющей для уникального объекта его вовлечение в конфликт, пусть даже и опосредованное. Ведь выгода, получаемая от эксплуатации объекта природного наследия, идет на пользу одной из сторон конфликта, а не на его охрану и сохранение.

В любом случае вовлечение территории объекта природного наследия в конфликт ведет к невозможности полноценного поддержания ее жизнедеятельности и контроля за ее состоянием. В этом кроется одна из главных угроз.

Современные проблемы, указывают нам на необходимость разработки и реализации мер по защите природного наследия, в том числе и в таких тяжелых условиях, как вооруженный конфликт.

Очевидно, что проведение полномасштабных столкновений в границах уникальных территорий недопустимо. Да и в конце концов, насилие рождает лишь новое насилие. «Вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом», – находим мы в тех же «Севастопольских рассказах» Толстого.

Поэтому усилия как национальных правительств и организаций, так и международного сообщества должны быть направлены на мирное и эффективное разрешение подобных ситуаций и недопущение их в будущем.

Механизм противодействия негативному влиянию вооруженных конфликтов на объекты природного наследия может заключаться в двух взаимосвязанных действиях.

Первое – закрепление норм охраны объектов природного наследия в нормах международного гуманитарного права (подобно тому, как оно защищает культурное наследие) и последующее их действие.

Второе – организация переговорного процесса.

При этом важно определить основные принципы обеспечения защиты объектов природного наследия во время вооруженных конфликтов. Эти принципы должны учитывать все возможные пути вовлечения природного наследия в конфликт.

Наиболее значимыми представляются три принципа:

1. Демилитаризация и необороняемость особо ценных территорий, относящихся к категории природного наследия. Превращение территорий природного наследия в полностью демилитаризованные зоны – зоны, на которые

находящимся в конфликте сторонам запрещается распространять свои военные операции.

2. Недопустимость любой эксплуатации объектов природного наследия в интересах сторон конфликта.

3. Обеспечение нормальной и безопасной деятельности организаций, напрямую связанных с поддержкой и обеспечением сохранения (существования) объектов природного наследия, в зоне конфликта.

Современность диктует необходимость закрепления этих принципов в нормах международного гуманитарного права по образцу норм, защищающих культурное наследие.

Что же касается переговорного процесса, то применительно к объектам природного наследия он должен ставить своей целью обеспечение безопасности, целостности и стабильного будущего объекта и его составляющих.

Природа, в основе которой находится жизнь, не должна страдать из-за споров людей. Такой может быть основная идея подобного переговорного процесса. Охрана природы находится вне политики и вне конфликта. Природоохранная деятельность не имеет в своей мотивационной основе политической или финансово-экономической составляющей.

Пути решения и организации переговорного процесса представляются в реализации двух составляющих: привлечения деятельности международных организаций и привлечения внимания широкой общественности.

Не секрет, что в современный век информации общественное мнение играет немаловажную роль в урегулировании многих споров. Прямо или косвенно (опосредованно), оно способно помогать их мирному разрешению. Формирование же общественного мнения напрямую зависит от степени информированности общества о происходящих событиях.

Деятельность международных посредников может преследовать цель доведения до противоборствующих сторон идеи о защитном нейтралитете в отношении уникальных объектов природного наследия.

Понимание объектов природного наследия как зон, свободных от человеческих распрей, человеческой жестокости, безусловно, должно быть одной из основ деятельности по сохранению природного наследия, имеющего всемирное и общечеловеческое значение. Сохранение же природного наследия является частью общей концепции сохранения природной среды.

Согласно Всемирной хартии природы, принятой резолюцией ООН 37/7 от 28 октября 1982 года, «природу необходимо защищать от разграбления в результате войны или иных враждебных действий» (п. 5) [Всемирная хартия природы, 1982], более того, «военных действий, наносящих ущерб природе, следует избегать» (п. 20) [Всемирная хартия природы, 1982].

Практическая реализация этих положений целиком и полностью зависит от инициативы как международного сообщества, так и каждого человека в отдельности.

Природное наследие принадлежит всем, вне зависимости от этнической принадлежности, социального статуса, политических взглядов или географического положения. Тем более, что оно принадлежит не только настоящим, но и будущим поколениям.

Инструменты международного гуманитарного и международного экологического права могут и должны оказывать поддержку в реализации деятельности по сохранению природного наследия и недопущению причинения ему сколь-нибудь значимого вреда.

В связи с этим вопрос о достаточности предпринимаемых мер и имеющихся норм международного права для защиты объектов природного наследия от разрушения вследствие вооруженных конфликтов является одним из наиболее актуальных природоохранных вопросов современности. Решение его зависит от воли общества, которое в свою очередь должно основываться на нравственной оценке самого глубокого характера. Возможно международному сообществу сегодня следовало бы задуматься над составлением особого пакта о защите природных комплексов (на подобие Пакта Рериха для культурных объектов),

либо дополнить уже существующие нормативные правовые акты международного гуманитарного права положениями о защите природного наследия наравне с культурным наследием. *Лишь осознав этическую основу ценности жизни, можно говорить о деятельном стремлении к ее сохранению.*

Достаточно даже поверхностного взгляда, чтобы понять, что именно, этическое понимание – *безграничное понимание ценности окружающей жизни* как феномена, а не как ресурса – заставляет нас обращать внимание на частные проблемы сохранения природного наследия с точки зрения защиты окружающей жизни, *с точки зрения благоговейного отношения к ней.*

3.3 Возможные организационные меры и решения

В качестве главной организационной меры, наиболее ярко выражающей имплементацию этических принципов, представляется *этическая экспертиза* в рамках рационального природопользования и охраны окружающей природной среды.

Пожалуй, впервые идея создания института этической экспертизы проектов, прямо или косвенно затрагивающих вопросы воздействия на окружающую природную среду, в отечественной литературе встречается в работах профессора А. А. Никольского [Никольский, 1996; Никольский, 2013].

Одна из главных идей автора в них такова: «Существует множество отраслей хозяйственной деятельности, где очевидна необходимость этической экспертизы. Например, планировочные работы при строительстве крупных объектов ... Никто при этом не подвергает сомнению целесообразность действий, сопровождаемых причинением вреда другим жизням. Проект утвержден, финансирование открыто. Даже самые добросовестные эксперты мыслят в таких ситуациях формальными технологическими, но не этическими, духовными категориями. Все экологические экспертизы используют лишь накопленные человечеством знания, но не его духовный опыт» [Никольский, 2013, С. 161-162].

Первоначально эта идея может показаться всему природоохранному сообществу утопией, потенциально конфликтной и труднореализуемой. Отчасти это верно, однако, возможно, стоит рассмотреть это предложение более тщательно, с тем чтобы определиться с основными положениями, характеризующими саму возможность создания такого института.

На повестке дня стоят два наиболее важных вопроса. Первый из них: каковы реальные перспективы института этической экспертизы в условиях современности? Второй: кто мог бы составить экспертное сообщество? Попробуем проанализировать их по порядку.

Актуальность и своевременность создания института этической экспертизы ярко иллюстрируют нам события последнего времени, часто переходящие в конфликты, подчас с применением насилия. Извечный конфликт интересов сиюминутного обогащения и долгосрочного благополучного существования как никогда обострился в наши дни. Весьма хороший и поучительный тезис приводится в том же докладе профессора А. А. Никольского: «Согласно концепции нормативно-правовой базы в части охраны и рационального использования живых ресурсов зеленые доллары стали эквивалентом зеленых листьев. Но даже если всю нашу планету покрыть несколькими слоями зеленых стодолларовых купюр, мы не сможем аккумулировать и кванта энергии солнечного света» [Никольский, 2013, С. 160].

Давно очевидно, что человеческая цивилизация полностью зависима от растительного и животного мира. Этот факт невозможно игнорировать, особенно принимая во внимание темпы развития нашей цивилизации. Впрочем, вернемся к последовательному рассуждению.

Итак, мы определились с необходимостью создания института этической экспертизы. Какова же должна быть ее основная концепция, главенствующая идея? Здесь мы напрямую сталкиваемся с понятием этики. Необходимо констатировать факт, что термин «этика» все чаще упоминается лишь в контексте системы моральных и нравственных норм определенной социальной группы.

Таким образом, мы можем встретить бесконечное число «этик», такое же бесконечное, как и число множющихся социальных и профессиональных групп. Однако не стоит забывать о понятии этики общечеловеческой. Труды Пьера Тейяра де Шардена, Махатмы Ганди и, конечно же, Альберта Швейцера многократно указывают на всеобщность и цивилизационное значение этических норм.

А ведь этический принцип «благоговения перед жизнью», предложенный Альбертом Швейцером, вполне мог бы стать опорой и основным принципом этической экспертизы.

«„Благоговение перед жизнью“, „преодоление отчуждения“, „стремление сохранить жизнь“ – эти выражения кажутся избитыми и сухими. Однако, несмотря на тривиальность, они несут в себе богатое содержание. Семя растения невзрачно на вид, но в нем содержится образ будущего творения. В этих простых словах заключено основное этическое воззрение, из которого проистекает нравственность. Основная предпосылка нравственности – это сопереживание всему живому, обязывающее нас делать все возможное для сохранения жизни» [Швейцер, 1990, С. 130].

Однако, несмотря на всю красоту и логическую простоту этической концепции А. Швейцера, не стоит забывать, что выполнение основного ее главного правила все еще не находит глубокой поддержки среди значительной части нашего общества. Очевидно, что в сфере природопользования оно еще неспособно противопоставить прагматичным экономическим принципам этические. Принцип альтернативности, полагающий в своей основе получение результата с большими экономическими издержками, в угоду этическим принципам, к сожалению, применяется исчезающе редко.

Это несоответствие порождает новый конфликт, который непременно станет основополагающим фактором при проведении этической экспертизы. Однако даже из этого конфликта рано или поздно можно будет извлечь положительные моменты. Возможно лишь в исторически обозримом будущем. Но

это не отменяет необходимости зарождения самого института этической экспертизы.

Какое же место может занять этическая экспертиза среди системы уже существующих отечественных экспертиз? Наиболее приближенной к сфере природопользования и охраны окружающей природной среды в наши дни является экологическая экспертиза. Российский федеральный закон «Об экологической экспертизе» прямо указывает, что целью таковой является «предотвращение негативного воздействия такой (хозяйственной и иной. – *Примеч. автора*) деятельности на окружающую среду» (ст. 1) [Об экологической экспертизе, 2011].

Среди принципов проведения экологической экспертизы особо можно выделить два: принцип научной обоснованности, объективности и законности заключений экологической экспертизы и принцип гласности, участия общественных организаций (объединений), учета общественного мнения (ст. 3) [Об экологической экспертизе, 2011]. Здесь рождается очередной конфликт, ведь научная обоснованность экспертизы никоим образом не соотносится с этическим принципом «благоговения перед жизнью. Поэтому целесообразно выделение этической экспертизы в самостоятельный, независимый институт, способный органично встроиться в существующую систему. На сегодняшний день, конечно же, не стоит вопрос о законодательном закреплении института этической экспертизы. Но, как известно, «самое большое безумие – видеть наш мир таким, какой он есть, не замечая того, каким он должен быть». Этическая экспертиза может стать «лакмусовой бумажкой», способной свидетельствовать о наличии мнения, отличного от концепции исключительной хозяйственной обоснованности и тотального обогащения.

Совершенно необходимо также отметить, что федеральный закон «Об охране окружающей среды» прямо указывает среди основных принципов охраны окружающей среды «научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях

обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды», «приоритет сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов», «сохранение биологического разнообразия», «обеспечение интегрированного и индивидуального подходов к установлению требований в области охраны окружающей среды к субъектам хозяйственной и иной деятельности, осуществляющим такую деятельность или планирующим осуществление такой деятельности», а также «участие граждан, общественных и иных некоммерческих объединений в решении задач охраны окружающей среды» (ст. 3) [Об охране окружающей среды, 2011].

Таким образом, правовая основа для реализации проекта создания этической экспертизы в рамках концепции рационального природопользования и охраны окружающей природной среды во многом уже существует. Совокупность указанных принципов, закрепленных на национальном законодательном уровне, еще раз подтверждает возможность реализации концепции этической экспертизы.

Однако совершенно необходимо помнить о том, что в существующем национальном законодательстве закреплен закрытый перечень экспертиз, прямо имеющих отношение к вопросам природопользования и охраны окружающей среды: уже рассмотренная нами экологическая экспертиза (государственная и общественная), а также ОВОС³². При существующем положении и вероятной незаинтересованности сторон в реализации полноценного проекта самостоятельной этической экспертизы, возможно, следует предусмотреть в законодательстве принцип «этического начала» в экспертизе. Аспекты реализации этого положения в законодательстве во многом тождественны принципам создания этической экспертизы как отдельного института. Реализация принципа «этического начала» также способна качественно изменить существующий подход к процессу рассмотрения проектов в рамках природопользования и охраны окружающей природной среды.

---

³² Оценка воздействия на окружающую среду (англ. Environmental Impact Assessment). В России проводится на стадии предпроектного обоснования инвестиций и по сути представляет собой «предварительную экологическую экспертизу».

Но возникает второй, не менее важный вопрос. Кто же может составить экспертное сообщество? Безусловно, это должны быть люди, имеющие глубокое профессиональное образование, большой опыт работы в сфере охраны природы. Они должны иметь также общественное признание и моральный авторитет. При желании возможно составить определенный список таких людей, от них будет требоваться лишь личная заинтересованность. Однако не стоит забывать о критичности в отборе членов экспертного сообщества. Большую опасность хранит в себе принцип выбора экспертов из числа лиц, имеющих лишь общественную известность. Необходимо отметить, что задачей ближайшего времени является именно выработка критериев создания экспертного сообщества в соответствии с основополагающим этическим принципом охраны окружающей среды.

Может показаться, что весь спектр идей подводит лишь к одной, главной идее. Однако это далеко не так. На мой взгляд, этический принцип «благоговения перед жизнью» является основополагающим, универсальным, но не самодостаточным. Поэтому крайне важно именно совещательное, дискуссионное общение. Такое общение может предоставить именно институт этической экспертизы. Этические аспекты современного природопользования и тем более охраны природы должны наконец выйти на один уровень с аспектами сугубо экономическими. При желании и наличии воли концепция реализации института этической экспертизы, имевшая ранее основное свое приложение к научной деятельности и деятельности в границах особо охраняемых природных территорий, успешно может быть перенесена на всю сферу хозяйственного воздействия на окружающую природную среду. Это обусловлено прежде всего универсальностью рассмотренных выше этических принципов в комплексе с дискуссионным обсуждением каждого конкретного проекта.

Подводя итог анализа перспектив развития этической экспертизы в области охраны окружающей природной среды, стоит выделить два ключевых момента. Первое. Необходимость создания института этической экспертизы как никогда

актуальна в наши дни тотального, подчас бездумного уничтожения экосистем. Второе. Перспективы развития института этической экспертизы в наибольшей степени зависят от подготовки общественного мнения (то есть от готовности общества признать главенство этических принципов охраны природы), а также энтузиазма и целеустремленности вероятных представителей экспертного сообщества.

Что же касается практической реализации, то в качестве хорошего примера возможности применения этической экспертизы при рассмотрении различных природопреобразующих проектов можно привести эпизод с проектом строительства дороги на территории известнейшего национального парка Серенгети в Танзании. Правительство страны предполагало построить магистраль, соединяющую центральные районы страны с побережьем озера Виктория. Проект предполагал масштабное строительство и последующее функционирование объекта посреди «бескрайних равнин» (дословный перевод названия национального парка). Привлечение внимания научной, природоохранной и широкой общественности позволило провести масштабные научные изыскания, в результате которых было установлено, что численность животных в случае реализации проекта может уменьшиться в несколько раз [Black, 2012]. Вопрос, который ставит настоящий раздел, состоит в том, стоило ли тратить существенные денежные и временные ресурсы на осуществление полноценной научной экспертизы? Не достаточно ли было принять во внимание факт проведенной общественностью условной этической экспертизы, результаты которой были отражены в письме весьма известных ученых? Тем более что результаты научной и этической экспертиз *совпали*. То есть научными категориями были подтверждены выводы, совершенно очевидные для этических размышлений (размышлений, одновременно руководствующихся современными экологическими и этическими категориями).

Еще несколько подобных примеров мы можем обнаружить в отечественной практике. Так, по подобию вышеописанного примера развивались события по

строительству дороги к Партомчоррскому месторождению апатитовых руд в Хибинском горном массиве, который в то же самое время был подготовлен для создания на его территории особо охраняемой природной территории – национального парка. Несмотря на всю драматичность событий, конец этой истории еще далеко не ясен [Кобяков, 2013] (в настоящее время проект дороги не реализован).

То же самое можно сказать о проекте строительства автомагистрали в центральном Казахстане, которая грозит перерезать ареал и пути миграции бетпакдалинской популяции сайгака (*Saiga tatarica tatarica* L., 1766). Общественными экологическими и природоохранными организациями предложены альтернативные маршруты, но проект в 2020 году находится еще на стадии разработки.

И все же главным является именно сам факт декларирования обществом недопустимости разрушения природного комплекса, исходящего именно из этических соображений необходимости сохранения жизни.

Еще одной сферой применения института этической экспертизы может стать экспертиза предполагаемых инвазивных научных исследований. Ее суть, в таком случае, будет состоять в оценке и сопоставлении действительной ценности научных результатов, получаемых при помощи инвазивных методов, с уровнем фактора беспокойства объекта исследования. Так, например, замечательный отечественный биолог – специалист по белому медведю (*Ursus maritimus* Phipps, 1774) Н. К. Овсяников отмечает (в личной беседе 26.03.2017), что методика мечения белого медведя с использованием спутниковых ошейников на нынешнем этапе развития науки не приносит значимой информации для изучения мировой популяции вида, в то же время доставляя животным большой дискомфорт, и даже ведет к гибели отдельных особей. Конечно же, с точки зрения этики благоговения перед жизнью, необходимость массового проведения подобных исследований в таком случае выглядит весьма сомнительной.

Еще несколько примеров, уже из законотворческой практики, имели место всего несколькими месяцами ранее того момента, как была закончена эта работа. Речь идет об общественной «экспертизе» законопроектов о частичной ликвидации обязательной экологической экспертизы для различных отраслей отечественной экономики, об упрощении охранного режима прибрежной полосы озера Байкал и, конечно же, о поправках в федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», согласно которым предполагалось допустить возможность преобразования заповедников в национальные парки (то есть возможность понижения природоохранной категории). По счастью, внимание общественности, обусловленное этическим пониманием, позволило частично поправить предлагаемые инициативы. Информацию об этом легко найти в глобальной сети.

Но все же принципиально важным остается другое. Принципиально важным остается осознание того, что этические принципы способны действительно проявлять себя в нашей реальности, в том числе и в сфере сохранения и охраны окружающей природной среды. А это демонстрирует значимость этики как одной из основ сохранения окружающей жизни.

В данном разделе обсуждалась возможность и перспективы создания института этической экспертизы в области рационального природопользования и охраны окружающей среды. Особым пунктом было обозначено, что создание института этической экспертизы в настоящее время труднореализуемо, прежде всего из-за вероятной незаинтересованности общественности. Введение дополнительной ступени экспертной оценки, скорее всего, усложнит процедуру согласования проектов, непосредственно касающихся сферы природопользования и охраны окружающей среды.

В качестве некой замены реализации концепции отдельного института этической экспертизы было предложено включить *этический принцип* в границы уже существующих национальных нормативно-правовых актов.

Рациональной и весьма разумной кажется мысль о поиске уже существующих этических начал, закрепленных на национальном

законодательном уровне. Здесь предложена попытка такого поиска. Этот обзор будет охватывать несколько основополагающих современных федеральных законов в области природопользования и охраны окружающей природной среды, в частности «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе» и федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях».

Встает вопрос о критериях оценки этичности принципов, декларируемых в указанных нормативно-правовых актах. Впрочем, в контексте настоящей работы эти критерии предопределены основным рассматриваемым принципом – этическим принципом благоговения перед жизнью и деятельного уважения к любым ее проявлениям.

Основным экологическим законом национального законодательства России традиционно считается федеральный закон «Об охране окружающей среды». И хотя в 2002 году из его названия пропало сочетание «природной среды», он преемственно остается главным природоохранным законом. Попробуем проанализировать принципы, декларируемые в ст. 3 данного закона, на предмет поиска этических начал.

Наиболее близко к общедоступному пониманию природоохранной этики находятся следующие, заложенные в Законе, принципы [Об охране окружающей среды, 2011]:

«охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности»;

«презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности»;

«обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности»;

«обязательность проведения в соответствии с законодательством Российской Федерации проверки проектов и иной документации, обосновывающих хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать

негативное воздействие на окружающую среду, создать угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, на соответствие требованиям технических регламентов в области охраны окружающей среды»;

«учет природных и социально-экономических особенностей территорий при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности»;

«приоритет сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов»;

«допустимость воздействия хозяйственной и иной деятельности на природную среду исходя из требований в области охраны окружающей среды»;

«сохранение биологического разнообразия»;

«обеспечение интегрированного и индивидуального подходов к установлению требований в области охраны окружающей среды к субъектам хозяйственной и иной деятельности, осуществляющим такую деятельность или планирующим осуществление такой деятельности»;

«запрещение хозяйственной и иной деятельности, последствия, воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды»;

«организация и развитие системы экологического образования, воспитание и формирование экологической культуры»;

«участие граждан, общественных и иных некоммерческих объединений в решении задач охраны окружающей среды».

При рассмотрении вышеуказанных принципов напрашивается вывод об объединении их в несколько групп по принципу их отношения (причастности) к этике. Так, принципы презумпции экологической опасности; допустимости воздействия исходя из требований в области охраны окружающей среды; запрещения деятельности, последствия которой непредсказуемы или могут

принести вред окружающей среде; а также принцип охраны, воспроизводства и рационального использования природных ресурсов носят характер норм, прямо или косвенно уберігающих от разрушительного воздействия.

Принципы обязательности проведения проверки проектов и иной документации, обосновывающих хозяйственную и иную деятельность; учета природных и социально-экономических особенностей территорий и участия граждан, общественных и иных некоммерческих объединений в решении задач охраны окружающей среды обеспечивают дифференцированный и обоснованный подход к регулированию деятельности в области природопользования и охраны окружающей среды.

А принципы организации и развития системы экологического образования, воспитания и формирования экологической культуры; сохранения биологического разнообразия и принцип приоритета сохранения естественных экологических систем природных ландшафтов и природных комплексов носят прямой природоохранный характер.

При этом принципы сохранения биологического разнообразия и приоритета сохранения естественных экологических систем наиболее близки к этической концепции «благоговения перед жизнью», так как прямо указывают на необходимость сохранения жизни на различных уровнях ее организации: экосистемном, видовом и генетическом.

Таким образом, в федеральном законе «Об охране окружающей среды» мы находим комплекс принципов, прямо или косвенно подтверждающих основной этический принцип. Однако отсутствие декларируемого этического начала как самостоятельного принципа неумолимо обедняет этот комплекс. Так, на практике указанные принципы могут быть использованы, независимо друг от друга, что способно привести и приводит к появлению конфликтов и рассогласований.

Вызывает определенный интерес декларирование принципа «запрещения хозяйственной и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые

могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды». Экологическому сообществу известно, что любая хозяйственная деятельность в той или иной степени приводит к необратимой деградации естественных природных экосистем. Таким образом, данный принцип противоречит уже фактическому опыту, что не может не приводить к появлению критического рассогласования между хозяйственными и природоохранными интересами.

Но вернемся к теме этического принципа благоговения перед жизнью. Отсутствие сформулированной этической идеи в законе «Об охране окружающей среды» в определенной степени приводит к отсутствию такого понятия и в смежных по тематике нормативно-правовых актах.

Так, в ст. 3 федерального закона «Об экологической экспертизе» закреплены, в частности, принципы [Об экологической экспертизе, 2011]:

- «комплексности оценки воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и его последствий»;
- «независимости экспертов экологической экспертизы при осуществлении ими своих полномочий в области экологической экспертизы»;
- «научной обоснованности, объективности и законности заключений экологической экспертизы»;
- «гласности, участия общественных организаций (объединений), учета общественного мнения».

Здесь рождается очередной конфликт, ведь научная обоснованность экспертизы не тождественна вышеуказанному этическому принципу «благоговения перед жизнью», а общественное мнение переменчиво и зачастую отражает лишь систему моральных норм узкой группы людей. Отсутствие универсального этического принципа вновь развязывает руки для проведения хозяйственной деятельности, разрушительной, но научно обоснованной. Особую

угрозу хранит в себе этот конфликт, когда вопрос касается уникальных территорий или территорий, граничащих с ними.

Однако тот же принцип гласности, в совокупности с принципами независимости и комплексности экспертной оценки, вполне согласуется с рассмотренными этическими нормами.

Еще один федеральный закон – «Об особо охраняемых природных территориях» – говорит нам лишь о том, что «настоящий Федеральный закон регулирует отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения» [Об особо охраняемых природных территориях, 2011].

Эта краткая формулировка весьма близка к искомому этическому принципу, однако стоит оговориться, что она имеет применение лишь к ограниченному кругу территорий. Сам же закон «Об ООПТ» имеет вид откровенно технического нормативно-правового акта.

Говоря об уникальных территориях, необходимо также упомянуть федеральный закон «Об охране озера Байкал», в ст. 5 которого принципы охраны этой территории отражены чуть более полно. Среди этих принципов присутствует принцип «сбалансированности решения социально-экономических задач и задач охраны уникальной экологической системы на принципах устойчивого развития» [Об охране озера Байкал, 2011], что является примером включения в текст некоторых концептуальных норм, близких по духу к этическим. Однако данный закон имеет географически ограниченную область действия, а понятие концептуальных «принципов устойчивого развития» в нем, к сожалению, не раскрыто.

Кратко обратимся к области природоресурсного права. Ведь именно здесь, как нигде более, наглядно представлен конфликт этического и необходимого. Конфликт, сопровождающий всю сферу природопользования на всем протяжении ее существования. В качестве примера можно привести лишь ст. 5 Лесного кодекса Российской Федерации:

«Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляется исходя из понятия о лесе как об экологической системе и как о природном ресурсе» [Лесной кодекс, 2011].

Экосистема или ресурс? Популяция или объект для использования? Двойственность отношения к объектам природы характерна для всей области природоресурсного права.

Итак, отдельно реализованного и декларируемого со всей полнотой этического принципа отношения к окружающей природной среде в рассмотренных нами федеральных законах мы не находим. А ведь именно существование такого принципа могло бы помочь избежать множества конфликтов, возникающих в настоящее время. Возможно, законотворческой мысли стоило бы обратиться к этическим началам. В любом случае этика есть тот универсальный инструмент, при помощи которого можно решить многие проблемы, примеры которым мы находим в современности.

Однако важно предостеречь природоохранное сообщество от огульного вовлечения «этических» принципов в практику. Дискуссионный и тщательно анализируемый подход должен быть основным в рамках рассмотрения каждого вопроса. Совершенно недопустимо появление спекуляций и необдуманных идей на, казалось бы, благой этической почве. Поспешность и спекулятивность могут привести лишь к появлению произвольных и непроизвольных ошибок. Только продуманные, сбалансированные принципы и решения могут найти жизнь и реализацию в существующем мире. Это вовсе не означает, что стоит даже на время отказаться от этических основ, но и неоправданная быстрота реализации здесь совершенно неуместна, как неуместно любое поспешное начинание.

В заключение, хотелось бы отметить, что наличие и реализация этических принципов совершенно необходимы в такой сложной и ответственной сфере, как рациональное природопользование и в особенности охрана и сохранение окружающей природной среды.

Во многом универсальные этические нормы уважения к жизни в ее проявлениях закреплены в российском природоохранном законодательстве, однако само понятие этического подхода в нем отсутствует, а наиболее уязвимым звеном является возможная выборочная реализация декларируемых принципов.

Что же касается принципа благоговения перед жизнью, то находя его неявное проявление в отдельных действующих нормативных правовых актах (хотя, безусловно вряд ли законодатель ставил перед собой задачу именно закрепление швейцеровского принципа), то до полноценной его имплементации в правовую систему должно пройти еще время. Хотя принципиальная возможность для этого есть.

Впрочем, возможно, более детальное закрепление этических принципов в нормативных правовых актах является вопросом самого ближайшего будущего. По крайней мере, некоторое количество примеров, позволяющих предполагать это, существуют уже сегодня. Рассмотрим, например, *окружающую нас природную среду в качестве субъекта этических и правовых отношений*. Эта попытка сама по себе первоначально может показаться весьма необычной. Однако то, что недоступно традиции, может быть рассмотрено и осмыслено разумом, свободным от стеснения аргументацией «ad antiquitatem» и «ad populum»³³.

Современное общество продолжает переосмысливать свои взаимоотношения с природой, что не может не находить отражения в общественном понимании и даже в правовых актах самого высокого уровня.

---

³³ Лат. «Argumentum ad antiquitatem» и «Argumentum ad populum» – «аргумент к традиции» и «аргумент к народу».

К примеру, вот что можно прочитать в конституции Швейцарской конфедерации – страны с одним из наиболее прогрессивных законодательств в современной Европе:

«Союз и кантоны стремятся к уравновешенному на продолжительное время соотношению между природой и ее способностью к обновлению, с одной стороны, и нагрузкой на нее со стороны человека – с другой»³⁴ [Союзная конституция Швейцарской конфедерации, 1999].

Другой нормативный акт из законодательства этой страны – закон «Об охране окружающей среды» гласит:

«Настоящий закон предназначен для защиты людей, животных и растений, их биологических сообществ и среды обитания от вредного воздействия или ущерба, а также устойчивого сохранения естественных основ жизни, в частности биологического разнообразия и плодородия»³⁵ [Союзный закон об охране окружающей среды Швейцарской конфедерации, 1983].

Этот небольшой, но весьма показательный пример иллюстрирует тот факт, что в качестве альтернатив потребительскому отношению к природе выступают попытки построить с ней отношения принципиально нового, ответственного характера.

Рассматривая эти качественно новые взаимоотношения между природой и обществом в экологическом, этическом и правовом аспектах, необходимо признать, что объектом таковых является очевидная потребность обеих сторон (и природы и общества) в развитии. Ведь и природа и общество являются проявлениями единого феномена жизни.

В последнее время мы наблюдали лишь картину, когда ускорение развития одной из сторон неизбежно приводило к угнетению другой. Возможен ли иной путь? Наверное. Но прежде всего для этого необходимо признать интересы одной стороны наравне с интересами другой.

---

³⁴ Ориг.: «La Confédération et les cantons oeuvrent à l'établissement d'un équilibre durable entre la nature, en particulier sa capacité de renouvellement, et son utilisation par l'être humain» (Art. 73. «Développement durable») (*фр.*).

³⁵ Ориг.: «La présente loi a pour but de protéger les hommes, les animaux et les plantes, leurs biocénoses et leurs biotopes contre les atteintes nuisibles ou incommodantes, et de conserver durablement les ressources naturelles, en particulier la diversité biologique et la fertilité du sol» (Art. 1. «But») (*фр.*).

Это неизбежно означает признание жизни на ее высшем уровне организации субъектом отношений. Этому во многом мировоззренческому вопросу посвящали и продолжают посвящать свои работы многие люди во всем мире [Максимов, 2010; Bourg, Fragniere, 2014; Vilmer, 2014]. Попробуем и мы разобраться в этом весьма сложном, неоднозначном, а в некотором смысле даже провокационном вопросе, взяв за основу единый критерий – критерий, декларируемый этическим принципом благоговения перед жизнью.

И для этого попробуем поставить вопрос о возможности рассмотрения окружающей жизни в качестве субъекта в наиболее неожиданной и острой форме – в форме признания окружающей жизни субъектом правовых отношений.

В классическом понимании под субъектом права понимается участник общественных отношений, наделенный способностью обладать правами и нести определенные обязанности, а также способностью к их осуществлению. Это заключено в том числе в понятиях правосубъектности и правоспособности [Алексеев, 1982; Бринчук, 1998].

Теория права также указывает нам, что для выполнения перечисленных функций субъект права должен обладать такими признаками, как «внешняя обособленность, персонификация, а также способность вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю» [Алексеев, 1982, С. 139]. Согласно классической юридической трактовке, окружающая природная среда, конечно, не может быть отнесена к категории субъекта правовых отношений.

На интуитивном уровне мы легко соглашаемся с правосубъектностью отдельных людей (человека), их общностей (организаций), общественных образований (государств и наций). Но немногие рассматривают вопрос о возможной субъектности, например, экосистемы.

В классическом понимании природа рассматривается лишь как объект права природопользования. Это понимание продолжает развиваться в настоящее время. Существуют, к примеру, предложения выделять объекты основного и попутного природопользования [Бринчук, 1998].

Подобные шаги, конечно, приближают нас к комплексному подходу в деле взаимоотношений с природной средой, но качественно более значимый вопрос возможности признания природы отдельным субъектом правовых отношений остается открытым.

Возможно, стоит рассмотреть проблему субъектности природы, не ограничивая себя жесткими рамками формально устоявшихся определений. В самой природе нет правоотношений. Эти отношения возможны только во взаимодействии природы и общества.

Что нужно, чтобы признать природу (и находящуюся в ее основе жизнь) субъектом права? Для этого необходимо прежде всего ответить на следующие вопросы: существуют ли те самые интересы некой общей категории, которую мы привыкли называть «природой», наделенные *естественным правом*? Существует ли та персонифицированная воля и способность к ее реализации?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к богатому наследию человеческой мысли, которое оставили нам выдающиеся ученые: философы, естествоиспытатели и экологи.

Так, один из афористических законов экологии Б. Коммонера гласит: «Природа знает лучше» (Nature Knows Best) [Экологическая энциклопедия, 2008^A, С. 327]. Несмотря на кажущуюся простоту самой идеи и ее формулировки, уже здесь мы можем наблюдать серьезную попытку персонификации природы, выделения ее в некий независимый субъект.

Подобное мы находим и в работах многих других авторов, посвящавших свои труды проблемам экологии и охраны природы.

Так или иначе проблемам этического взаимоотношения с окружающей жизнью посвящали свои работы лучшие умы человечества со времен античности и до наших дней. От античных философов: Пифагора, Эмпедокла и Теофраста – до представителей просвещения: Джона Локка, Роберта Морриса, Дэвида Гартли, Оливера Голдсмита; от ученых эпохи Возрождения: Леонардо, Томаса Мора, Мишеля Монтеня – до наших «современников»: Габриэля Галланда, Олдо

Леопольда, Бертрана Рассела [Bourg, Fragnière, 2014; Hess, 2013; Larrère, 2013; Nash, 1988; Vilmer, 2011 и др.].

Например, Ганс Йонас в работе «Принцип ответственности» рассуждает о нравственном праве природы [Йонас, 2004, С. 53-54]: никакая прежняя этика не готовила человека быть доверенным лицом природы, мы вынуждены признать наличие «целей как таковых» за пределами человеческого бытия, а значит, должны говорить о включении заботы о них в понятие человеческого блага.

Однако именно этический принцип благоговения перед жизнью, принцип, предложенный Швейцером задолго до некоторых названных выше концепций, раскрывает вопрос о потребностях окружающей жизни наиболее ясно, кратко и одновременно полно.

«Я жизнь, которая хочет жить, существующая в гуще других жизней, которые хотят жить» [Швейцер, 1992, С. 217] – к этой простой формуле можно привести основную идею концепции Швейцера и основной постулат предложенного им принципа этического отношения к миру и к окружающей жизни.

«Как в моей воле к жизни заключено страстное стремление продолжать жизнь и после таинственного возвышения воли к жизни, стремление, которое обычно называют желанием, и страх перед уничтожением и таинственным принижением воли к жизни, который обычно называют болью, так эти моменты присущи и воле к жизни, окружающей меня, независимо от того, высказывается ли она или остается немой» [Швейцер, 1992, С. 218], – говорит Швейцер.

С другой стороны, Швейцер указывает на фундаментальную потребность любой жизни – потребность развиваться, потребность в развитии. Именно в ней определены критерии интересов природы, критерии интересов окружающей жизни и жизни вообще.

«Этика заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип

нравственного. Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [Швейцер, 1992, С. 218].

«Этика есть благоговение перед волей к жизни во мне и вне меня» [Швейцер, 1992, С. 220] – гласит еще один из постулатов принципа Швейцера. Воля к жизни, стремление к развитию – в этом заключены главные потребности и *воля* природы. Сквозь призму этики концепция «благоговения перед жизнью» указывает на наличие воли и интересов у окружающей нас жизни на любых уровнях ее организации. Понятие этического, понятие нравственного в философии «Ehrfurcht vor dem Leben» равносильно понятию учета интересов жизни (воли к жизни в окружающей жизни).

Здесь необходимо сделать важное для дальнейшего хода рассуждений и повествования примечание. Как под окружающей жизнью понимается отнюдь не некая независимая единица, а система, складывающаяся из множества отдельных жизней, так и общие интересы этой системы складываются из схожих интересов каждой ее составляющей.

С экологической точки зрения в утверждении наличия воли и интересов у жизни на различных уровнях ее организации нет ничего противоестественного. Напротив, именно эта воля к развитию лежит в основе функционирования любых экологических систем, независимо от их размера, окружения и внутреннего устройства.

Воля природы, выражаемая потребностью жизни в развитии, может быть осуществлена во времени при условии отсутствия деструктивного вмешательства. Таким образом, соблюдается условие способности вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю, заложенное в критериях понятия «субъект права». Логика признания правосубъектности природы может в таком случае состоять из трех основных этапов: признания стремления к жизни на экосистемном уровне организации к существованию и развитию; признания наличия персонифицированной воли и способности к ее реализации; признания наличия естественных прав у окружающей природной среды.

В современном обществе распространено мнение, что закон должен вставать на сторону слабых, чтобы сдерживать власть сильных. Природа в своем естественном виде хрупка и слаба – об этом нам говорит экологическое знание и собственный исторический опыт [Лосев, 2010]. Очевидная наша задача – сделать все возможное, чтобы обеспечить ей сохранение в своем первозданном виде. Зачем? На этот вопрос может ответить этика.

Сегодня попытки переосмыслить роль окружающей природной среды относительно успешно реализуются на международном уровне. Достаточно привести пример Всемирной хартии природы, преамбула которой провозглашает, что «именно жизнь в гармоничном *согласии* с природой предоставляет человеку наилучшие возможности для развития» [Всемирная хартия природы, 1982].

Но как это отражено в нашем фактическом понимании и в официальных документах национальных законодательств? Несмотря на всю сложность и неоднозначность вопроса, можно наблюдать первые шаги к признанию правосубъектности природы.

Так, национальная конституция Республики Эквадор в восьмой главе впервые провозглашает права природы (*Derechos de la naturaleza*).

Согласно ст. 71 этого документа, «Природа, или *Pacha Mama*, в которой зарождается и воспроизводится жизнь, имеет полное право на существование, а также поддержание и воспроизводство ее жизненных циклов, структуры, функций и эволюционных процессов. Каждый человек, сообщество, народность или национальность имеет право требовать у властей соблюдения прав *Pacha Mama*, применение и интерпретация которых содержатся в соответствующих главах Конституции»³⁶ [Конституция Республики Эквадор, 2008].

Таким образом, в 2008 году по итогам референдума был создан исторический прецедент, и природа получила права, прямо закрепленные в конституции.

---

³⁶ Ориг.: «La naturaleza o Pacha Mama, donde se reproduce y realiza la vida, tiene derecho a que se respete integralmente su existencia y el mantenimiento y regeneración de sus ciclos vitales, estructura, funciones y procesos evolutivos. Toda persona, comunidad, pueblo o nacionalidad podrá exigir a la autoridad pública el cumplimiento de los derechos de la naturaleza. Para aplicar e interpretar estos derechos se observarán los principios establecidos en la Constitución, en lo que proceda» (Art. 71. «Derechos de la naturaleza») (*ucn.*).

Подобное закрепление прав за природой (в ее общей сакрализованной форме) отражено и в законе «О Матери-Земле³⁷» (*Ley de Derechos de la Madre Tierra*) Многонационального Государства Боливия.

«Этот закон призван обеспечить признание прав Матери-Земли»³⁸ [Закон о Матери-Земле, 2010], – гласит его первая статья.

Однако это явление еще нельзя назвать массовым. Оппоненты склонны утверждать, что подобные нормы носят всего лишь «лирический» характер. Сакрализованная же форма персонификации окружающей природной среды весьма специфична и далека от рационального понимания. С последним, вероятно, стоит согласиться.

В законодательствах множества государств, в том числе и в российском законодательстве, мы можем обнаружить попытки частичного обеспечения защиты интересов окружающей природы. Например, принципы приоритетности сохранения биологического разнообразия или сохранения естественных природных экосистем [Об охране окружающей среды, 2011]. Следующим шагом является признание необходимости сбалансированного подхода в решении социально-экономических задач и задач охраны природы. Примеры этого также присутствуют. Однако целостное восприятие природы как самостоятельного субъекта права все же не находит своего явного отражения на «официальной бумаге». Стоит признать, что такая картина типична для современных правовых систем, что, впрочем, неудивительно, если принять во внимание вышеуказанные общеправовые рамки понятия субъекта правовых отношений и исторически сложившуюся практику.

Отвечает ли такая ситуация вызовам сегодняшнего времени, когда ежеминутно становится все меньше и меньше не затронутых человеческой деятельностью экологических систем и все отчетливее становятся видны наши проблемы во взаимоотношениях с окружающей нас природной средой? Вопрос

---

³⁷ В этой связи, возникают ассоциации с образом «матери-сырой земли», одним из ключевых, в русской культуре. Данный образ выступает не только как сакрализованный, но и наполненный живым нравственным содержанием.

³⁸ Ориг.: «La presente Ley tiene por objeto reconocer los derechos de la Madre Tierra» (Art. 1. «Objeto») (*исп.*).

остается открытым для дискуссии и конструктивного обсуждения, избегающего при этом излишних проявлений радикализма с обеих сторон.

Современную формулировку взаимоотношений общества с окружающей природной средой хорошо раскрывает понятие «природное наследие» (natural heritage). «Наследие», в понимании «достояние», служит основой для современной природоохранной деятельности. Это же понимание может служить и для ее дальнейшего развития.

Ключевыми проблемами при обсуждении вопроса о возможности признания окружающей природы субъектом правовых отношений является все же проблема признания ее прав, объективной невозможности возложения на нее обязанностей и факт наличия в обществе права собственности на отдельные ее компоненты.

Невозможность наложения обязанностей (отсутствие деликтоспособности), на первый взгляд, логически исключает и возможность признания прав. Но в данном, особом случае это может быть и не так. Особенность этого случая подтверждается в том числе и фактом абсолютной зависимости современного общества от природы.

«Отношение к субъектности человека и природы составляет основу различения типов экологического мировоззрения», – указывают В. И. Фалько и Р. Р. Лукманов [2015, С. 75] в своей обстоятельной тематической статье.

Наличие воли к развитию и возможности реализовывать эту волю в процессе своего существования указывает нам на возможность существования неких естественных прав у окружающей жизни.

Что же касается собственности на природу в целом и отдельные ее компоненты, то этот вопрос лежит скорее в плоскости рассмотрения подхода к понятию собственности. Собственность подразумевает ответственность. Отождествление понятия «собственник» с понятиями «хозяин» и «распорядитель» вполне может трансформироваться в отождествление его с

понятиями «попечитель» и «партнер». При этом речь вовсе не идет об отмене института собственности как такового.

В итоге, можно прийти к выводу, что жизнь на своем высшем, экосистемном уровне организации вполне может быть рассмотрена как отдельный и самостоятельный *субъект*, наделенный своими независимыми интересами, персонифицированной волей и способностью к ее реализации. Именно высший уровень организации жизни, семантически тождественный общечеловеческому понятию природы, обуславливает само существование современной цивилизации. Поэтому крайне важно искать новые пути созидательного взаимодействия с окружающей нас природной средой, не забывая при этом об учете интересов последней. Все это невозможно без закрепления основной идеи взаимодействия на этическом и, в конечном счете на правовом уровне.

Таким образом, признание окружающей природной среды в качестве субъекта не только этических, но и правовых отношений вполне допустимо и не противоречит логике, а возможно, является лишь вопросом времени и вопросом проявления доброй воли.

А это означает, что даже в такой, казалось бы, крайней форме, перспектива реализации, то есть действенного применения принципа благоговения перед жизнью, существует и, вероятно, этот универсальный руководящий нравственный принцип еще будет востребована как настоящими, так и будущими поколениями. Достаточно лишь доброй воли, понимания и искреннего отношения – отношения ответственного за все, что живет.

В заключение третьей главы настоящей работы приведем основные **выводы**, к которым приводят рассуждения в ней:

На практике это понимание реализуется и может быть реализовано во множестве форм деятельного сохранения, одной из которых является идея заповедания природных территорий – создание мест, где всецело царил бы дух благоговения перед любой жизнью со стороны человека. Ведь принцип

благоговения перед жизнью определяет отчужденное сохранение жизни в качестве наиболее ответственного и нравственно обоснованного поведения.

Этот дух, одновременно сочетающий в себе неподдельное уважение к окружающей жизни (к жизни, находящейся вне меня) и глубочайшее чувство ответственности за ее сохранение, может стать критерием, определяющим разумность нашего отношения к ней.

Он же задает границы разумности и допустимости нашего неизбежного воздействия на природные экологические системы – на совокупность многих жизней, которая и сама по себе является проявлением этого удивительного феномена.

Этический критерий, в основании которого лежит универсальный этический принцип благоговения перед жизнью, вполне может быть не просто критерием решения, но и основой для выхода из множества проблем защиты и сохранения окружающей жизни, порождаемых нашим обществом: от проблемы системного и экономически обусловленного браконьерского промысла до опустошающих вооруженных конфликтов, невольным заложником которых она становится.

Применение этического критерия, его реализация на практике способна решить многие проблемы еще на проектной их стадии, тем самым уберегая нас от необдуманного и разрушительного воздействия на окружающую жизнь.

Наконец, важно отметить, что проявление этического критерия благоговения перед жизнью находит свое частичное проявление в декларативных документах как международного, так и национальных законодательств, что позволяет с оптимизмом и надеждой смотреть на возможные перспективы реализации и проявления этического отношения в деле сохранения и поддержки окружающего нас живого мира – окружающей жизни, неизменной частью которой являемся и мы сами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трех главах и семи параграфах настоящей работы был проведен комплексный и последовательный анализ, который, впрочем, необходим для обоснования любой идеи способной претендовать на свое непосредственное деятельное воплощение. Этот путь связывает воедино декларацию и экспозицию высокой идеи с ее пониманием, а ее деятельное понимание с непосредственными механизмами реализации и их возможными перспективами.

В завершении работы необходимым представляется привести наиболее общие **выводы**, которые отражают те главные положения, к которым закономерно приводит все предшествующие рассуждения:

1. Нравственное отношение к миру как одна из основ человеческой культуры закономерно включает в себя нравственные принципы взаимоотношения общества с окружающей его природной средой. Концепция этики благоговения перед жизнью, основы которой сформулировал в начале XX столетия Альберт Швейцер, наиболее полно раскрывает суть этических принципов отношения человека к феномену жизни. Этический принцип благоговения перед жизнью предложено рассматривать в качестве одной из наиболее действенных концепций отношения современного общества к феномену жизни. Во многом этому способствует интуитивная доступность этики благоговения перед жизнью и ее универсальный характер. Действенность этого принципа определяется его простотой и рациональностью, приходящей из сферы чувственного опыта человека.

2. Принцип нравственности, определяющий намерения и поступки людей в этических категориях (таких как «достойно – недостойно», «добро – зло», сама возможность оправдания недостойного) может служить методологической основой взаимоотношения общества с окружающей жизнью, определяя разумность и необходимость тех или иных намерений или действий. Основной

конфликт между этическим и необходимым вполне может быть разрешен с привлечением к оценке критерия этического принципа благоговения перед жизнью.

3. Вместе с научным знанием этическое отношение к вопросам воздействия общества на окружающую жизнь (отчасти проявляющееся в виде правовых норм) составляют эффективную основу для подлинно разумной организации деятельностных процессов общества по отношению к окружающей жизни: таких как природопользование и охрана окружающей природной среды. Основываясь на постулатах необходимости всеобщего сохранения и поддержания жизни и одновременно не отрицая свободы воли и свободы выбора каждого человека, принцип благоговения перед жизнью утверждает парадигму необходимости сохраняющего (консервативного) характера его отношения к окружающей жизни как наиболее разумного (рационального), что согласуется с современными культурными представлениями. Более того, этика благоговения перед жизнью предполагает в основе сохраняющего характера отношения общества к феномену жизни более глубокие – культурную и нравственную парадигмы.

4. Идея об уважении жизни, которая, конечно, гораздо пространнее и шире чем этический принцип, предложенный Швейцером, уже находит свое отражение в современных концептуальных документах, что вполне означает возможность будущей имплементации швейцеровского принципа благоговения перед жизнью.

5. Применительно к существующим реалиям культурного развития общества, нравственный императив, провозглашаемый этикой благоговения перед жизнью, может быть рассмотрен как универсальный подход к решению многих проблем взаимодействия общества с окружающей жизнью. Реализация нравственного принципа благоговения перед жизнью, его интеграция в культуру, способна изменить само отношение человека к феномену жизни и, вместе с тем, разрешить многочисленные конфликты в современном обществе.

6. Этическое отношение, основанное на принципе благоговения перед жизнью, явно запрещающим наносить ей урон, способно стать действенной

методологической основой для разрешения многих конфликтов и преодоления препятствий для сохранения жизни, которые встают в современности перед природоохранным сообществом.

7. Утверждая своими положениями в качестве нравственно необходимой формулу «Если можешь не разрушать – не разрушай, если можешь не убивать – не убивай, если можешь не причинять страданий – не причиняй их», этика благоговения перед жизнью является действенным заветом для конкретных поступков, создания инструментов и действий общества по отношению к феномену жизни на самых разных уровнях, в самых различных условиях и обстоятельствах и способствует ее деятельному сохранению, что подтверждается анализом условий применимости этого принципа к наиболее острым проблемам, встающим перед природоохранным сообществом в современности. Таким образом, можно заключить, что этика благоговения перед жизнью может и должна найти свое практическое применение в отношениях современного общества с окружающей его жизнью – феноменом, с которым оно имеет естественную и неразрывную связь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*Литературные источники*

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.
2. Апресян, Р. Г. Дилемма антропоцентризма и нон-антропоцентризма в экологической этике / Р. Г. Апресян // Этика и экология. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010 – С. 13–25. – ISBN 978-5-98769-072-7.
3. Апресян, Р. Г. Генезис золотого правила / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 39–49.
4. Апресян, Р. Г. Моральная философия, мысленный эксперимент и неуправляемая вагонетка / Р. Г. Апресян // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 138–144.
5. Басовская, Н. И. Мира без войны еще не было / Н. И. Басовская // Родина. – 1991. – № 6. – С. 48.
6. Бердюгина, Л. А. Критика Альбертом Швейцером мировоззренческих предпосылок буржуазной культуры / Л. А. Бердюгина // Ленинизм и актуальные проблемы критики буржуазных и ревизионистских концепций культуры. – Л.: Ленинградский университет культуры, 1983. – С. 117–128.
7. Бердюгина, Л. А. Опыт универсального культурного синтеза. Оптимистический гуманизм А. Швейцера // Новые грани старых иллюзий. Проблемы мировоззрения и культуры в буржуазной эстетической и художественной мысли XIX – XX веков / Л. А. Бердюгина, Т. А. Акиндинова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. – С. 222–251.
8. Борейко, В. Е. Прорыв в экологическую этику / В. Е. Борейко. – 5-е изд., доп. – Киев : Логос, 2013. – 168 с.

9. Бринчук, М. М. Экологическое право (право окружающей среды) : учебник для высших юридических учебных заведений / М. М. Бринчук. – М. : Юристъ, 1998. – 688 с. – ISBN 5-7975-0090-6.
10. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 261 с. – ISBN 5-02-004618-3.
11. Горшков, В. В. К вопросу о возможности физической самоорганизации биологических и экологических систем / В. В. Горшков, А. М. Макарьева // Доклады РАН. – 2001. – Т. 378, № 4. – С. 570–573.
12. Горшков, В. В. и др. Биотическая регуляция окружающей среды / В. В. Горшков, В. Г. Горшков, В. И. Данилов-Данильян и др. // Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 373–388.
13. Гржимек, Б. Для диких животных места нет / Б. Гржимек ; пер. с нем. Е. А. Геевской. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.
14. Гусейнов, А. А. Социальная природа нравственности / А. А. Гусейнов. – М. : МГУ, 1974. – 157 с.
15. Гусейнов, А. А. Отношение к природе как нравственная проблема / А. А. Гусейнов // Философские науки. – 1975. – №5. – С. 27–32.
16. Гусейнов, А. А. Коммунистическая нравственность и отношение к природе / А. А. Гусейнов // Мораль развитого социализма (Актуальные проблемы теории). – М.: Мысль, 1976. – С. 136–155.
17. Гусейнов, А. А. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера / А. А. Гусейнов // Швейцер А. Благоговение перед жизнью [сб. работ] : пер. с нем. ; сост. и послесл. А. А. Гусейнова ; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – С. 522–545. – ISBN 5-01-002083-1.
18. Гусейнов, А. А. Великие моралисты / А. А. Гусейнов. – М. : Республика, 1995. – 350 с. – ISBN 5-250-02541-2.

19. Гусейнов, А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью / А. А. Гусейнов. – СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. – 845 с. – ISBN 987-5-7621-0668-9.
20. Гусейнов, А. А. Взаимность или автономия воли? // Уотлз Д. Золотое правило ; общю ред. и посл. А. А. Гусейнова, пер. и прим. О. В. Артемьевой. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2016. – 346 с. – ISBN 987-5-88230-042-4.
21. Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин ; пер. с англ. К. А. Тимирязева. – М. : Книжный клуб «Книговек», 2014. – 702 с. – ISBN 978-5-4224-0797-2.
22. Дашинамаева, С. М. Экологическая этика как фактор коэволюции общества и природы (на примере байкальского региона): автореф. дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / С. М. Дашинамаева. – Улан-уде, 2009. – 24 с.
23. Дежкин, В. В. Основы биологического природопользования : учеб. пособие / В. В. Дежкин, Л. В. Попова. – М. : Модус-К : Этерна, 2005. – 320 с. – ISBN 5-480-00006-3.
24. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Фоминой. – М. : АСТ : CORPUS, 2013. – 512 с. – ISBN 978-5-17-077772-3.
25. Зимбули, А. Е. Этические воззрения А. Швейцера: дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / А. Е. Зимбули. – Л., 1989. – 171 с.
26. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас, пер. с нем. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с. – ISBN 978-5-8112-0625-9.
27. Каримский, А. М. Альберт Швейцер и буржуазный гуманизм XX века / А. М. Каримский // Вестник Московского университета. Серия VIII. Философия. – 1975. – №1. – С. 22–31.
28. Карпушин, В. А. Философия культуры Альберта Швейцера / В. А. Карпушин // Альберт Швейцер – Великий гуманист XX века. Воспоминания и статьи – М.: Наука, 1970. – С. 169–189.

29. Кобяков, К. Н. Выбор экологически приемлемых вариантов размещения промышленной транспортной инфраструктуры в Хибинском горном массиве / К. Н. Кобяков, Л. Г. Исаева, С. В. Кобякова и др. // Рациональное природопользование: традиции и инновации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, МГУ, 23–24 нояб. 2012 г. / под общ. ред. проф. М. В. Слипенчука. – М. : МГУ, 2013. – С. 163–167. – ISBN 978-5-211-06549-9.
30. Козлова Н. П. Категории свободы и зла в западной традиции и у Вл. С. Соловьев / Н. П. Козлова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2009. – 96 с.
31. Копылов, М. Н. Охрана животного и растительного мира в международном экологическом праве / М. Н. Копылов // Международное экологическое право : учебник / отв. ред. Р. М. Валеев. – М. : Статут, 2012. – С. 197. – ISBN 978-5-8354-0859-7.
32. Корнилецкая, Н. С. Американская экологическая этика: традиции и современность: автореф. дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Н. С. Корнилецкая. – Саранск, 2007. – 22 с.
33. Кочуров, Б. И. Природопользование и культура природопользования / Б. И. Кочуров, В. А. Лобковский, А. Я. Смирнов // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. – 2011. – № 4. – С. 7–12.
34. Красовская, Т. М. Эволюция научных представлений о природопользовании / Т. М. Красовская // Рациональное природопользование: традиции и инновации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, МГУ, 23–24 нояб. 2012 г. / под общ. ред. проф. М. В. Слипенчука. – М. : МГУ, 2013. – С. 20–23. – ISBN 978-5-211-06549-9.
35. Леопольд, О. Календарь песчаного графства // Исчезающие животные / О. Леопольд. Пер. с англ. И. Гуровой – М. : Армада-пресс, 2000. – С. 7–238. – ISBN 5-309-00013-5.
36. Лосев, К. С. Мифы и заблуждения в экологии / К. С. Лосев. – М. : Научный мир, 2010. – 224 с. – ISBN 978-5-91522-151-1.

37. Левада, Ю. А. Альберт Швейцер – мыслитель и человек / Ю. А. Левада // Вопросы Философии. – 1965. – №12. – С. 91–98.
38. Левада, Ю. А. Старомодность и современность Альбера Швейцера / Ю. А. Левада // От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела (Проблемы современного буржуазного гуманизма и свободомыслия). – М.: Мысль, 1969. – С. 141–157.
39. Мазуров, Ю. Л. Природное наследие: феномен и проявление / Ю. Л. Мазуров // Проблемы региональной экологии. – 2010. – № 4. – С. 100–106.
40. Максимов, Л. В. К понятию «объект морали» (по мотивам эколого-этических дискуссий) / Л. В. Максимов // Этическая мысль. Вып. 10 ; отв. ред. А. А. Гусейнов. – М. : ИФ РАН, 2010. – С. 20–38.
41. Максимова, Е. Поле битвы – Вирунга [Электронный ресурс] / Е. Максимова // Geo. – 2012. – № 176. – Режим доступа: <http://www.geo.ru/ekologiya/pole-bitvy-virunga> (дата обращения: 29.12.2012).
42. Малахов В. А. Благоговение / В. А. Малахов // Православная энциклопедия. – М.: Православная энциклопедия, 2009. – Т. 5. – С. 294–296.
43. Марков, А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы / А. Марков. – М. : Астрель : CORPUS, 2010. – 527 с. – ISBN 978-5-271-24663-0.
44. Марков, А. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий / А. Марков, Е. Наймарк. – М. : АСТ : CORPUS, 2014. – 656 с. – ISBN 978-5-17-083218-7.
45. Медоуз, Д. Х. За пределами роста: предотвратить глобал. катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее : учеб. пособие / Д. Х. Медоуз, Д. Л. Медоуз, Й. Рандерс ; пер. с англ. Г. А. Ягодина и др. ; под ред. Г. А. Ягодина. – М. : Прогресс : Пангея, 1994. – 304 с. – ISBN 5-01-004105-7.
46. Медоуз, Д. Х. Пределы роста: 30 лет спустя : учеб пособие ; пер. с англ / Д. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Медоуз. – М. : Академкнига, 2008. – 342 с. – ISBN 978-5-94628-218-5.

47. Международное гуманитарное право : учебник / С. С. Маилян, И. И. Котляров, С. А. Грицаев и др. ; под. ред. И. И. Котлярова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. – 271 с. – ISBN 978-5-238-01505-7.
48. Мохаммад, С. А. Мысли об этических основах международно-правового управления охраной окружающей среды / С. А. Мохаммад // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11 (54). – С. 64–66.
49. Никольский, А. А. Благоговение / А. А. Никольский // Берегиня. – 1996. – № 11 (46). – С. 8.
50. Никольский, А. А. Заповедник или национальный парк? / А. А. Никольский // Экология и жизнь. – 1998. – № 3 (7). – С. 40–43.
51. Никольский, А. А. Этика «Благоговения перед жизнью» Альберта Швейцера как современная концепция охраны окружающей природной среды / А. А. Никольский // Проблемы региональной экологии. – 2013. – № 3. – С. 159–162.
52. Никольский, А. А. Великие идеи великих экологов: история ключевых концепций в экологии / А. А. Никольский. – М. : ГЕОС, 2014. – 190 с.
53. Петрицкий, В. А. Этическое учение Альберта Швейцера. Опыт критического анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Петрицкий Вилли Александрович. – Л., 1971. – 16 с.
54. Петрицкий, В. А. Русская культура и Альберт Швейцер: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 17.00.08 / Петрицкий Вилли Александрович. – СПб., 1993 – 37 с.
55. Петрицкий, В. А. Космос. Человек. Культура. / В. А. Петрицкий. – СПб.: Алетейя, 2011. – 280 с. – ISBN 978-591419-572-1.
56. Петрицкий, В. А. Экологизация морали и этика // Космос. Человек. Культура. / В. А. Петрикий – СПб.: Алетейя, 2011 а. – С. 40–46.

57. Плотников, Ю. Н. Основы рационального природопользования : учеб. пособие / Ю. Н. Плотников. – Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. – 312 с. – ISBN 5-89764-149-8.
58. Природопользование, охрана окружающей среды и экономика: Теория и практикум : учеб. пособие / А. П. Хаустов, М. М. Редина, С. Б. Кукольщикова и др. ; под ред. А. П. Хаустова. – М. : Изд-во РУДН, 2009. – 613 с. – ISBN 978-5-209-03394-3.
59. Реймерс, Н. Ф. Природопользование : словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. – М. : Мысль, 1990. – 637 с. – ISBN 5-244-00450-6.
60. Соколова, Н. А. Международно-правовая охрана окружающей среды во время вооруженных конфликтов / Н. А. Соколова // Международное экологическое право : учебник / отв. ред. Р. М. Валеев. – М. : Статут, 2012. – С. 431–445. – ISBN 978-5-8354-0859-7.
61. Сычев, А. А. Этические измерения биоразнообразия / А. А. Сычев // Постигая добро: Сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна – М. : Альфа-М, 2013. – С. 372–384.
62. Сычев, А. А. Экологическая этика и дисконтирование будущего / А. А. Сычев // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 2. – С. 152–160.
63. Сычев, А. А. Этика в условиях экологического кризиса: возвращение к традициям? / А. А. Сычев // Ведомости прикладной этики. – 2014 а. – № 45. – С. 70–84.
64. Сычев, А. А. Этика экологической ответственности / А. А. Сычев – М. : Альфа-М, 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-98281-412-8.
65. Сычев, А. А. Этапы развития этико-экологических идей за рубежом / А. А. Сычев // «Жить счастливо и жить согласно с природой – одно и то же» : Сборник материалов научной площадки молодежного научно-культурного форума «Настоящее и будущее экологической культуры». – Пенза, 2018. – С. 160–166.

66. Тимирязев, К. А. Космическая роль растения (крунианская лекция) [Электронный ресурс] / К. А. Тимирязев. – Режим доступа: <http://timiryazev.ru/trud/rabota030.html> (дата обращения: 17.06.2013).
67. Фалько, В. И. Проблема прав и субъектности природы / В. И. Фалько, Р. Р. Лукманов // Лесной вестник. – 2015. – №4. – С. 75–83.
68. Хафизова, Н. А. Устойчивое развитие: экоэтический потенциал моделей / Н. А. Хафизова // Этика и экология. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010 – С. 93–108. – ISBN 978-5-98769-072-7.
69. Циммер, К. Эволюция. Триумф идеи / К. Циммер; пер. с англ. Н. Лисова. – 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 564 с. – ISBN 978-5-91671-296-4.
70. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер; пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
71. Швейцер, А. Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 / А. Швейцер; пер. с нем. В. Рынкевича // Человек. – 1990. – № 5. – С. 127–133.
(Проповеди, произнесенные А. Швейцером в церкви Св. Николая (St. Nicolai / l'églisev Saint-Nicolas) в Страсбурге 16 и 23 февр. 1919 г. Ориг. текст можно найти: нем. – A. Schweitzer. Predigten. 1898–1948 / A. Schweitzer. – München: Verlag C. H. Beck, 2001. – S. 1233–1239, 1239–1245; фр. – A. Schweitzer. Vivre. Paroles pour une étique du temps present / A. Schweitzer. – Paris: Albin Michel, 2011. – P. 159–172, 173–185).
72. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью [сб. работ]: пер. с нем. / А. Швейцер; сост. и посл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с. – ISBN 5-01-002083-1.
73. Швейцер, А. Жизнь и мысли / А. Швейцер; сост., пер. с нем., послеслов., примеч. и указ. А. Л. Чернявского. – М.: Республика, 1996. – 528 с. – ISBN 5-250-02547-1.
74. Швейцер, А. Религия в современной культуре / А. Швейцер; сост., пер. с нем., послеслов., примеч. и указ. А. Л. Чернявского. – М.: Республика, 1996 а. – С. 481–489. – ISBN 5-250-02547-1.

75. Экологическая энциклопедия : в 6 т. / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев и др. – М. : Энциклопедия, 2008. – Т. 1. – 416 с. – ISBN 978-5-94802-028-0.
76. Экологическая энциклопедия : в 6 т. / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев и др. – М. : Энциклопедия, 2008 а. – Т. 2. – 448 с. – ISBN 978-5-94802-034-1.
77. Attfield, R. The Ethics of Environmental Concern / R. Attfield. – 2nd Edition. – Athens and London : University of Georgia Press, 1991. – 270 p. – ISBN 978-0-82031344-3.
78. Benz-Schwarzburg, J. Vom menschlichen Umgang mit anderen Lebewesen. Ein Essay zur Aktualität und Problematik der Ethik der Ehrfurcht vor dem Leben / J. Benz-Schwarzburg // Altex – Alternativen zu Tierexperimenten. – 2008. – Vol. 25. – P. 63–65.
79. Biggs D., Legal Trade of Africa's Rhino Horns / D. Biggs, F. Courchamp, R. Martin, H. P. Possingham // Science. – 2013. – 1 March. – Vol. 339. – Iss. 6123. – P. 1038–1039.
80. Black, R. Serengeti road scrapped over wildlife concerns [Electronic resource] / R. Black. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/science-environment-13904464> (дата обращения: 22.04.2012).
81. Bourg, D. La pensée Écologique. Une Anthologie / D. Bourg, A. Fragnière. – Paris : Presses Universitaires de France, 2014. – 875 p. – ISBN 978-2-13-058444-5.
82. Callicott, J. B. Elements of an environmental ethic: Moral considerability and the biotic community / J. B. Callicott // Environmental Ethics. – 1979. – Vol. 1. – P. 71–81.
83. Callicott, J. B. Hume is/ought dichotomy and the relation of ecology to Leopold's land ethic / J. B. Callicott // Environmental Ethics. – 1982. – Vol. 4. – P. 162–174.

84. Callicott, J. B. Traditional American indian and western European attitudes toward nature: an overview / J. B. Callicott // *Environmental Ethics*. – 1982 a. – Vol. 4. – P. 293–318.
85. Callicott, J. B. The metaphysical implications of ecology / J. B. Callicott // *Environmental Ethics*. – 1986. – Vol. 8. – P. 301–316.
86. Callicott, J. B. *Companion to A Sand County Almanac: Interpretive and Critical Essays* / J. B. Callicott. – Madison : University of Wisconsin Press, 1987. – 320 p. – ISBN 978-0299112349.
87. Callicott, J. B. Non-anthropocentric value theory and environmental ethics / J. B. Callicott // *American Philosophical Quarterly*. – 1987 a. – Vol. 21. – 299–309.
88. Callicott, J. B. The philosophical value of wildlife / J. B. Callicott // *Economic and Social Values of Wildlife* / D. J. Decker, G. Goff (eds.) – Boulder : Westview Press, 1987 b. – P. 214–221.
89. Callicott, J. B. *In Defense of the Land Ethic: Essays in Environmental Philosophy* / J. B. Callicott. – Albany : State University of New York Press, 1989. – 336 p. – ISBN 978-0-88706-899-5.
90. Callicott, J. B. Standards of conservation: then and now / J. B. Callicott // *Conservation Biology*. – 1990. – Vol. 4. – P. 229–232.
91. Callicott, J. B. The Case Against Moral Pluralism / J. B. Callicott // *Environmental Ethics*. – 1990 a. – Vol. 12. – P. 99–124.
92. Callicott, J. B. Whither conservation ethics? / J. B. Callicott // *Conservation Biology*. – 1990 b. – Vol. 4. – P. 15–20.
93. Callicott, J. B. Rolston on intrinsic value: a deconstruction / J. B. Callicott // *Environmental ethics*. – 1992. – Vol. 14. – P. 129–143.
94. Callicott, J. B. *Earth's Insights: A Multicultural Survey of Ecological Ethics from the Mediterranean Basin to Australian Outback* / J. B. Callicott. – Berkeley and Los Angeles – London : University of California Press, 1997. – 292 p. – ISBN 978-0-520-08560-2.

95. Callicott, J. B. *Beyond the Land Ethic: More Essays in Environmental Philosophy* / J. B. Callicott. – Albany : State University of New York Press, 1999. – 440 p. – ISBN 978-0791440841.
96. Callicott, J. B. *Ecology: An Ethical Perspective* / J. B. Callicott // *Nature Educational Knowledge*. – Vol. 3. – 2012. – P. 16–22.
97. Callicott, J. B. *La philosophie de l'écologie et l'exception française* / J. B. Callicott // *Le Multinaturalisme. Mélanges à Catherine Larrère* / F. Burgat, V. Nurock ; Pref. de S. Laugier. – Paris : Éditions Wildproject, 2013. – 280 p. – ISBN 978-2-918-490-142.
98. Cicovacki, P. *The Restoration of Albert Schweitzer's Ethical Vision* / P. Cicovacki. – London : Bloomsbury, 2013 – 232 p. – ISBN 978-1-6289-2346-9.
99. Durant, S. M. *Stop military conflicts from trashing environment* / S. M. Durant, J. S. Brito. // *Nature*. – Vol. 571 (7766). – 2019 – P. 478.
100. *Earth Stewardship: Linking Ecology and Ethics in Theory and Practice* / Ed. by R. Rozzi, F. S. Chapin III, J. B. Callicott et. al. – Springer, 2015. – 457 p. – ISBN 978-3-319-12132-1.
101. *Environmental Ethics* / Ed. by A. Light, H. Rolston III. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2002. – 568 p. – ISBN 978-0-631-22294-1.
102. Globokar, R. *The Reverence for Life as the Basis for a Global Ethics* / R. Globokar. // *Synthesis Philosophica*. – 2012. – Vol. 27. – P. 31–50.
103. Goodin, D. *Schweitzer Reconsidered: The Applicability of Reverence for Life as Environmental Philosophy* / D. Goodin. // *Environmental Ethics*. – 2007. – Vol. 29. – P. 403–421.
104. Goodin, D. *The New Rationalism: Albert Schweitzer's Philosophy of Reverence for Life* / D. Goodin. – Montreal & Kingston : McGill-Queen's University Press, 2013. – 220 p. – ISBN 978-0-7735-4108-5.
105. Hess, G. *Ethiques de la Nature* / G. Hess. – Paris : Presses Universitaires de France, 2013. – 237 p. – ISBN 978-2-1305-9186-3.

106. IUCN Red List. *Ceratotherium simum* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.iucnredlist.org/details/4185/0> (дата обращения: 23.09.2015).
107. Larrère, C. *Le Multinaturalisme* / C. Larrère. – Paris : Éditions Wildproject, 2013. – 278 p. – ISBN 978-2-918-490-142.
108. Leopold, A. *A sand County Almanach* / A. Leopold. – N. Y. : Oxford University Press, 1949. – 240 p.
109. Leopold, A. *Means and ends in wildlife management* / A. Leopold // *Environmental ethics*. – Vol. 12. – 1990. – P. 329–332.
110. *Linking Ecology and Ethics for a Changing World: Values, Philosophy, and Action* / Ed. by R. Rozzi, S. T. A. Pickett, C. Palmer et al. – Springer, 2014. – 377 p. – ISBN 978-94-007-7469-8.
111. Lusseau, D. *Can We Sustainably Harvest Ivory* / D. Lusseau, P. C. Lee // *Current Biology*. – 2016. – November 7. – Vol. 26. – P. 1–6.
112. Mollon, A. *Conservation on a conflict zone – update on the situation in Virunga National Park* [Electronic resource] / A. Mollon. – Mode of access: <http://www.zgf.de/?projectId=7&id=128&blogPostId=116> &language=en (дата обращения: 29.12.2012).
113. Morell, V. *Legalizing of Ivory Trade Won't Save Elephants, Study Concludes* [Electronic resource] / V. Morell. – Mode of access: <http://www.sciencemag.org.sci-hub.cc/news/2016/09/legalizing-ivory-trade-wont-save-elephants-study-concludes> (дата обращения: 01.10.2016).
114. McLaughlin, R. P. *Non-violence and Non-human: Foundations for animal welfare in the Thought of Mohandas Gandhi and Albert Schweitzer* / R. P. McLaughlin. // *Journal of Religious Ethics*. – 2012. – Vol. 40. – P. 678–704.
115. Naess, A. *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy* / A. Naess. – Tr. and revised by D. Rothenberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 223 p. – ISBN 0-521-34873-0.

116. Naess, A. The deep ecological movement: some philosophical aspects / A. Naess // Environmental Ethics ; L. P. Pojman (ed.). – Boston : Jones and Bartlett Publisher, 1994. – P. 411–421.
117. Naess, A. The Ecology of Wisdom: Writings by Arne Naess / A. Naess. – Ed. by A. Drengson, B. Devall. – Berkeley : Counterpoint, 2010. – 352 p. – ISBN 978-1-58243-401-8.
118. Nash, R. The right of nature. A history of environmental ethics / R. Nash. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1988. – 290 p.
119. Nash, R. Wilderness and the American Mind / R. Nash. – 5th edition (First edition – 1967). – New Haven and London : Yale University Press, 2014. – 393 p. – ISBN 978-0-300-19038-0.
120. Norton, B. G. Environmental Ethics and Rights of Future Generations / B. G. Norton // Environmental Ethics. – 1982. – Vol. 4. – P. 319–337.
121. Norton, B. G. Environmental Ethics and Weak Anthropocentrism / B. G. Norton // Environmental Ethics. – 1984. – Vol. 6. – Iss. 2. – P. 131–148.
122. Norton, B. G. Conservation and Preservation: A Conceptual Rehabilitation / B. G. Norton // Environmental Ethics. – 1986. – Vol. 8. – Iss. 3. – P. 195–220.
123. Norton, B. G. Why Preserve Natural Variety? / B. G. Norton. – Princeton : Princeton University Press, 1987. – 281 p.
124. Norton, B. G. The Constancy of Leopold's Land Ethic / B. G. Norton // Conservation Biology. – 1988. – Vol. 2. – № 1. – P. 93–102.
125. Norton, B. G. The Cultural Approach to Conservation Biology / B. G. Norton // Conservation for the Twenty-First Century / M. Pearl and D. Western. – N. Y. : Oxford University Press, 1989. – 365 p.
126. Norton, B. G. Context and Hierarchy in Aldo Leopold's Theory of Environmental Management / B. G. Norton // Ecological Economics. – 1990. – Vol. 2. – P. 119–127.
127. Norton, B. G. Thoreau's Insect Analogies: Or, Why Environmentalist Hate Mainstream Economists / B. G. Norton // Environmental Ethics. – 1991. – Vol. 13. – P. 235–251.

128. Norton, B. G. Epistemology and Environmental Values / B. G. Norton // *Monist*. – 1992. – Vol. 75. – № 2. – P. 208–226.
129. Norton, B. G. Ecological Integrity and Social Values: At What Scale? / B. G. Norton // *Ecosystem Health*. – 1995. – Vol. 1. – Iss. 4. – P. 228–241.
130. Norton, B. G. Why I am not a Nonanthropocentrist: Callicott and the Failure of Monistic Inherentism / B. G. Norton // *Environmental Ethics*. – 1995 a. – Vol. 17. – P. 341–358.
131. Norton, B. G. Sustainability: A Philosophy of Adaptive Ecosystem Management / B. G. Norton. – Chicago : University of Chicago Press, 2005. – 608 p. – ISBN 978-0226595214.
132. Passmore, J. Man's Responsibility for Nature. Ecological problems and Western Traditions / J. Passmore. – London : Duckworth & Co., 1974. – 213 p.
133. Rolston, H. III. Philosophy Gone Wild: Essays in Environmental Ethics / H. Rolston III. – N. Y. : Prometheus Books, 1986. – 269 p. – ISBN 978-0879753290.
134. Rolston, H. III. Environmental Ethics / H. Rolston III. – Philadelphia : Temple University Press, 1988. – 408 p. – ISBN 978-0-87722-628-4.
135. Rolston, H. III. Conserving of Natural Value / H. Rolston III. – N. Y. : Columbia University Press, 1994. – 259 p. – ISBN 978-0231079013.
136. Rolston, H. III. Caring for Nature: From Fact to Value, from Respect to Reverence / H. Rolston III. // *Zygon : Journal of Religion and Science*. – Vol. 39. – P. 277-302.
137. Rolston, H. III. Three Big Bangs: Matter-Energy, Life, Mind / H. Rolston III. – N. Y. : Columbia University Press, 2010. – 160 p. – ISBN 978-0-231-15639-4.
138. Rolston, H. III. A New Environmental Ethics: The Next Millennium for Life on Earth / H. Rolston III. – N. Y. : Routledge, 2011. – 256 p. – ISBN 978-0-415-88484-6.
139. Schweitzer, A. Das Christentum und die Weltreligionen / A. Schweitzer. – München : Verlag C. H. Beck, 2007. – 125 s. – ISBN 3-406-47587-6.

140. Schweitzer, A. Kulturphilosophie. Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kultur und Ethik / A. Schweitzer. – München : Verlag C. H. Beck, 2007. – 356 s. – ISBN 978-3-406-56378-2.
141. Schweitzer, A. Philosophie und Tierschutzbewegung. // Die Ehrfurcht vor dem Leben. Grundtexte aus fünf Jahrzehnten / A. Schweitzer, Hrsgg. H. W. Bähr. – München : Verlag C. H. Beck, 2013. – S. 92–98. – ISBN 978-3-406-58779-5.
142. Taylor, P. W. Respect for Nature: A theory of Environmental Ethics / P. W. Taylor. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 360 p. – ISBN 978-0-691-15024-6.
143. The Limits to Growth / D. H. Meadows, D. L. Meadows, J. Randers, W. Behrens. – N. Y. : Universe Book, 1972. – 205 p.
144. Vilmer, J.-B. J. Antologie d'éthique animale. Apologies des bêtes / J.-B. J. Vilmer. – Paris : Presses Universitaires de France, 2011. – 408 p. – ISBN 978-2-13-0581139-0.

Нормативные правовые акты. Международные документы

145. Всемирная хартия природы [Электронный ресурс] : принята резолюцией ООН 37/7 Генеральной Ассамблеи ООН от 28 окт. 1982 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 11.06.2012).
146. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (дата обращения: 29.12.2012).
147. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (Приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 31/72 от 10 дек. 1976 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/306/73/IMG/NR030673.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.12.2012).

148. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 11 ноября 1972 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 29.12.2012).
149. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) : принят в Женеве 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm> (дата обращения: 29.12.2012).
150. The Earth Charter [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.earthcharterinaction.org/content/pages/Read-the-Charter.html> (дата обращения: 02.03.2013).
151. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora of 3 march 1973 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cites.org/sites/default/files/eng/disc/E-Text.pdf> (дата обращения: 14.03.2013).

Документы национальных законодательств

152. Об особо охраняемых природных территориях : федер. закон № 33-ФЗ от 14 марта 1995 г. : принят Гос. Думой 15 февр. 1995 г. : в ред. от 30 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10107990/#ixzz3jw1rhwrV> (дата обращения: 29.07.2012).
153. Об экологической экспертизе : федер. закон № 174-ФЗ от 23 нояб. 1995 г. : принят Гос. Думой 19 июля 1995 г. : одобр. Советом Федерации 15 нояб. 1995 г. : в ред. от 19 июля 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/10108595/1/#block_100#ixzz3jw4fmpTr (дата обращения: 29.07.2012).
154. Об охране окружающей среды : федер. закон № 7-ФЗ от 10 янв. 2002 г. : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 21 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12125350/1/#block_1111 (дата обращения: 29.07.2012).

155. Об охране озера Байкал : федер. закон № 94-ФЗ от 01 мая 1999 г. : принят Гос. Думой 2 апр.1999 г. : одобр. Советом Федерации 22 апр. 1999 г. : в ред. от 21 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2157025/1/#block_100#ixzz3jw7FB3Of (дата обращения: 29.07.2012).
156. Лесной кодекс Российской Федерации (ЛК РФ) : федер. закон № 200-ФЗ от 04 дек. 2006 г. : принят Гос. Думой 8 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 24 нояб. 2006 г. : в ред. от 06 дек. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12150845/1/#block_100#ixzz3jw7vfJLl (дата обращения: 29.07.2012).
157. Constitution fédérale de la Confédération Suisse : du 18 avril 1999 (État le 18 mai 2014) [Ressource électronique]. – Accéder: <http://www.admin.ch/ch/f/rs/101/index.html> (дата обращения: 29.07.2012).
158. Loi fédérale sur la protection de l'environnement (Loi sur la protection de l'environnement, LPE) du 7 octobre 1983 (Etat le 1-er août 2010) L'Assemblée fédérale de la Confédération suisse [Ressource électronique]. – Accéder: www.admin.ch/ch/f/rs/814_01/index.html#id-1 (дата обращения: 29.07.2012).
159. Constitucion de la Republica del Ecuador [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: http://www.asambleanacional.gov.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 30.07.2012).
160. Ley de Derechos de la Madre Tierra de 21 de diciembre de 2010 [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <http://www.ine.gob.bo/indicadoresddhh/archivos/alimentacion/nal/Ley%20N%20071.Pdf> (дата обращения: 03.08.2014).